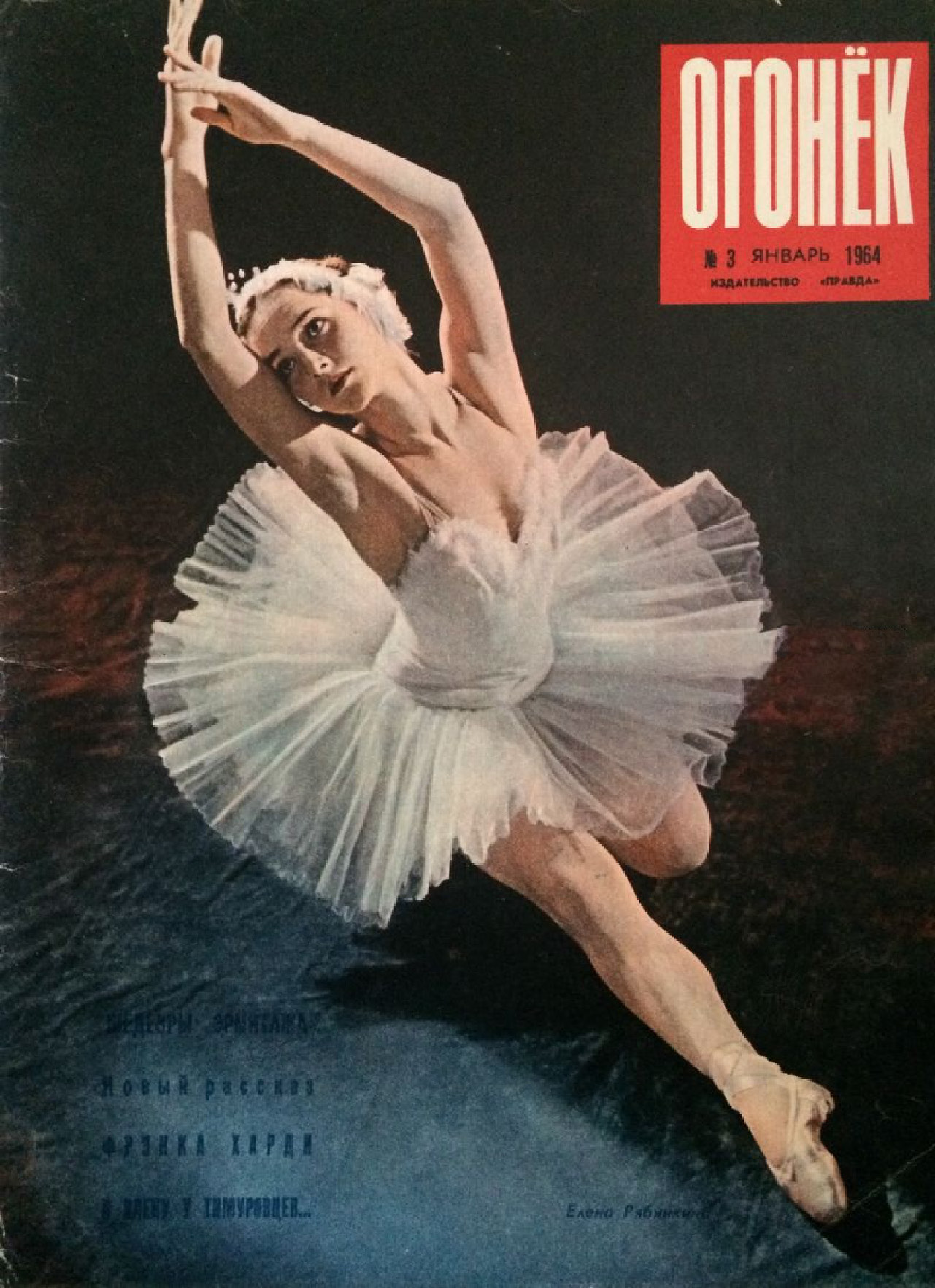

Елена Рябинкина

МЫ ГЛУБОКО УБЕЖДЕНЫ, ЧТО ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ НЕ ОТВЕЧАЕТ ПОДЛИННЫМ ИНТЕРЕСАМ НИ ОДНОГО НАРОДА, НИ ОДНОЙ СТРАНЫ.

Н. С. ХРУЩЕВ

РАЗУМ И СЕРДЦЕ ПОБЕДЯТ

Генрих **БОРОВИК**,
обозреватель «Огонька»

Люди перешагнули шестьдесят четвертый порог двадцатого столетия и принесли в необжитое еще здание нового года неплохой мирный багаж, добытый в году прошедшем.

Московский договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия, договоренность СССР и США, скрепленная резолюцией ООН, о невыведении на орбиту объектов с ядерным оружием, некоторое улучшение отношений между СССР и США — вот основные ценности мира, добытые в 1963 году. Не найденные под новогодней елкой, а именно добытые народами в борьбе за мир.

Следуя хорошему рабочему правилу — ковать железо, пока оно горячо, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев в первые дни нового года обратился к главам государств (правительств) стран мира с новой мирной инициативой — заключить международное соглашение (или договор) об отказе государств от применения силы для решения территориальных споров и вопросов о границах.

Сколько человеческой крови пролилось из-за спорных клочков земли! Вся история человечества подтверждает, что среди вопросов, по которым чаще всего возникают трения между государствами, территориальные споры — одни из самых опасных. Уничтожить этот очаг возможной войны — значит пройти изрядное расстояние по направлению к решающему рубежу борьбы за мир — всеобщему разоружению.

Если бы стал возможным всемирный плебисцит, простое и конкретное предложение Советского правительства было бы принято абсолютным большинством голосов.

Для того, чтобы убедиться в этом, нет нужды посылать в разные страны мира уполномоченных всемирного института общественного мнения. Нет нужды стоять на больших перекрестках в разных странах и опрашивать прохожих. Прохожие во всех странах — за. Это аксиома, это ясно каждому.

После опубликования в печати послания Н. С. Хрущева я позвонил в Шотландию старому известному и уважаемому человеку лорду Бойд Орру. Мне хотелось узнать мнение этого опытного политического деятеля, много повидавшего на своем долгом пути, об инициативе нашего правительства.

«Я поддерживаю предложение Советского Союза, — донесся до меня голос из далекой Шотландии.— Надеюсь, что Запад — Америка и Англия — самым внимательным образом займутся им. Я считаю, что западные руководители должны немедленно встретиться с господином Хрущевым, обсудить его предложение и достичь соглашения о запрещении войны, как средства решения территориальных споров. Мне очень хочется в начале этого года пожелать новых успехов делу мира, пожелать здоровья господину Хрущеву».

В этот же день корреспондент нашего журнала **Генрих Гурков** позвонил тоже старому, тоже известному политическому деятелю в другой стране. Эта страна — Западная Германия. Этот деятель — бывший канцлер Конрад Аденауэр. Хотелось узнать, как реагирует атомный старец на конструктивные мирные предложения Советского правительства.

Вот стенографическая запись этой беседы.

«Огонек». — Прошу соединить меня с депутатом бундестага Конрадом Аденауэром.

Телефонистка бундестага.—Момент, битте. (Долгая пауза.) — Простите, откуда говорят?

«Огонек».—Корреспондент московского журнала «Огонек».

Телефонистка бундестага. — Сожалею, его нельзя сейчас беспокоить.

«Огонек». — У него заседание?

Телефонистка бундестага. — М-м-м... Мне кажется, да.

«Огонек». — А в какое время можно будет ему позвонить?

Телефонистка бундестага. — Не знаю... Может быть, попросить к телефону его секретаршу, госпожу Веркмайстер?

«Огонек».— Пожалуйста.

Г-жа Веркмайстер. — Какие вопросы вы хотите задать герру Аденауэру?

«Огонек». — Один вопрос: каково мнение господина Аденауэра об инициативе, о которой сейчас говорит весь мир? Мы имеем в виду послание главы Советского правительства Н. С. Хрущева главам государств и правительств.

(До сих пор слышимость была отличной. Но когда был задан этот вопрос, слышимость в Бонне резко ухудшилась.)

Г-жа Веркмайстер.— Я ничего не понимаю.

«Огонек» повторяет вопрос.

Г-жа Веркмайстер (очень ясно и четко). — Странно, но я ничего не слышу.

«Огонек». — Ну, что ж. Вопросов больше нет...

Здесь рассказано о несостоявшейся беседе с «лидером неисправимых» не для того, чтобы лишний раз продемонстрировать физиологическое отвращение бывшего канцлера к вопросам, связанным с укреплением мира. Цель

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 3 (1908)

12 ЯНВАРЯ 1964

◀ Летите, голуби...
Фото Г. МАКАРОВА.

По приглашению Первого секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулки и Председателя Совета Министров Юзефа Циранкевича в Польше находились с неофициальным визитом Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии К. Т. Мазуров. На снимке: товарищи Н. С. Хрущев и Владислав Гомулка вместе с руководящими деятелями Польши.

Фото ЦАФ — ТАСС.

другая. На шумных уличных перекрестках, на полях, в цехах заводов, в угольных шахтах не может быть двух мнений по поводу предложения Н. С. Хрущева. Но среди обитателей особняков, бывших и нынешних членов парламентов, правительств, среди экономической и политической верхушки буржуазных стран дело обстоит гораздо сложнее. Сегодня, когда пишутся эти строки, еще нет официальных ответов правительств на послание Н. С. Хрущева. Трудно предсказывать, что это будут за ответы, потому что разные есть правительства, разные силы стоят за ними. Но очень хочется, чтобы начало нового года было в этом смысле оптимистичным, а не разочаровывающим.

Наиболее дальновидные представители политических и деловых кругов буржуазных стран уже так или иначе дали правильные, искренние оценки предложениям Советского правительства.

Хайле Селассие I, император Эфиопии: «Это послание открывает двери для мира».

Таном Киттикачон, премьер-министр Таиланда: «Правительство Таи положительно относится к этому предложению Н. С. Хрущева, ибо оно способствует укреплению безопасности и целостности государства... Подписание такого соглашения способствовало бы укреплению мира между странами всего мира».

М. С. Арноин, редактор издающегося в Соединенных Штатах Америки журнала «Майнорити оф уан»: «Предложения Советского Союза безусловно представляют собой тщательно продуманный план разрядки международной напряженности и улучшения международного климата».

Примеров такой оценки советских предложений можно привести множество.

В наше время среди психически нормальных людей вряд ли можно найти человека, сознательно стремящегося к мировой термоядерной войне. Ее жаждут только немногочисленные «бешеные» в разных странах.

Но есть любители получать бешеные доходы от политики балансирования на грани войны. И они представляют действенную экономическую и политическую силу в буржуазных странах. На них работают многие политики, на них работает пропагандистский аппарат. Для них каждый новый шаг к укреплению мира, к разоружению — новая угроза барышам, получаемым от гонки вооружений. Позитивное послание Н. С. Хрущева привело их в растерянность. И если еще нет официальных ответов на предложение Советского правительства, то соответствующий пропагандистский аппарат уже пытается подготавливать общественное мнение к решениям, выгодным для любителей баланса на грани войны.

Есть простые вещи в мире, которые понимает даже ребенок. Изобилие лучше, чем голод. Мир лучше, чем война. Жизнь лучше, чем смерть. И честное слово, не позавидуешь сейчас людям, которым приходится ради шкурных интересов идти против этих общечеловеческих истин, совершая акробатические номера с элементарной логикой.

Но наш общечеловеческий багаж мира, принесенный на порог нового года из года ушедшего, дает нам право верить, что человеческий разум и человеческое сердце победят. Порукой тому последовательная политика мира, проводимая лагерем социализма. Порукой тому поддержка этой политики всеми честными людьми мира.

ПРАЗДНИК В БИЗЕРТЕ

Колонна тунисских спортсменов на празднике.

Тунисский город Бизерта живет ныне новой жизнью. В середине декабря прошлого года в Бизерте проходили торжества. Тунисцы отмечали свой Праздник победы: из Бизерты уходил последний французский солдат.

Колонизаторы долго не хотели покинуть этот город, превращенный ими в военную базу и порт на Средиземном море. Тунисский народ понимал, что, пока французские войска остаются, сохраняется угроза независимости и суверенитету их родины. В памяти жителей Бизерты навсегда запечатлелись трагические дни расправы французских солдат с патриотами Туниса на улицах города в 1961 году.

На праздник освобождения Бизерты прибыли многочисленные гости из стран Азии и Африки, из дружественных Тунису государств. Из всех городов страны собрались десятки тысяч людей. Состоялись военный парад и народная демонстрация. На многотысячном митинге выступили президент Тунисской республики Хабиб Бургиба, президент Народной Демократической Алжирской Республики Ахмед Бен Белла, президент ОАР Гамаль Абдель Насер и другие государственные деятели арабских стран.

В эти праздничные дни в Бизерту прибыла делегация Советского комитета солидарности стран Азии и Африки во главе с заместителем председателя комитета членом-корреспондентом Академии наук СССР Б. Г. Гафуровым. Делегация была принята президентом Туниса Хабибом Бургибой.

Советские люди желают тунисскому народу новых больших успехов в деле укрепления своей политической и экономической независимости, в борьбе за мир, безопасность и единство народов арабских стран.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ

Точно по расписанию, в 23 часа 50 минут по московскому времени, «ИЛ-18» взлетает с Шереметьевского аэродрома и берет курс на Карачи. Эта новая международная линия Аэрофлота, тридцать первая по счету, осуществляет прямую воздушную связь между столицами Советского Союза и Пакистана через Ташкент, Кабул. Раньше такое путешествие приходилось совершать кружным, дальним путем через Индию.

Знакомлюсь с попутчиками. Многие из них летят через Карачи в Токио. Пока это самый короткий путь из Москвы в японскую столицу. Новая линия делает более удобным и быстрым путешествие из Западной Европы на Средний Восток, в Индонезию, Борнео... Именно поэтому французский журналист из Парижа следует через Москву в Карачи. Возвращаются на родину пакистанские геологи, которые в Москве изучали методы геологической разведки нефти и газа.

На высоте семи с половиной тысяч метров полет проходит спокойно. Пассажиры засыпают в удобных креслах, а я прохожу в пилотскую кабину. Здесь, в полумраке, мерцают стрелки приборов, через ветровые стекла видны далекие холодные звезды. Со мной беседует заместитель командира международного отряда «ИЛ-18» Петр Григорьевич Хмельницкий. Он сопровождает экипаж нашего самолета, который впервые летит по новой трассе.

— Международный отряд «ИЛ-18»,— рассказывает Петр Григорьевич,— уже шесть лет работает без летных происшествий. Самолеты у нас водят отличные пилоты. Сейчас за штурвалом командир корабля Константин Ясанов. Он летал еще в Отечественную войну. Под стать ему и второй пилот Василий Торопин, штурман Алексей Богатов, борт-радист Александр Белов. А борт-механик Владимир Севастьянов летает уже четверть века.

...Внизу под нами горы, горы и горы. Круто вздыбленные, с заснеженными северными склонами, они начались сразу после Ташкента и тянутся до самого Кабула. Столица Афганистана лежит среди гор, словно на дне огромной чаши. Здесь полуторачасовая остановка, и снова в воздух. Летим над облаками, а когда они сразу обрываются, словно отрезанные ножом, мы уже над Пакистаном.

Солнце заливает желтую пустынную землю, редко попадаются деревеньки, квадратики полей, русла пересохших рек, которые бурно разливаются в период дождей. А сейчас сухо, сейчас зима. В Карачи прибываем пунктуально по расписанию, совершив все путешествие за 12 с половиной часов.

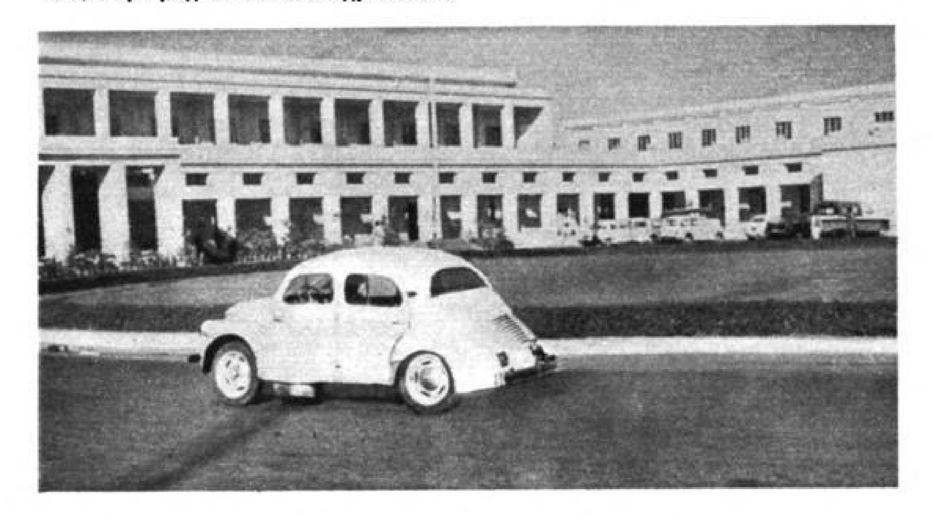
Аэропорт Карачи вполне современный, принимает самолеты всех типов, в том числе и реактивные лайнеры.

Это крупный узел международных авиационных линий. Сюда летают самолеты крупнейших авиакомпаний. Карачинский аэродром — главная база Пакистанской авиационной компании, которая сокращенно называется ПИА. С ней Аэрофлот заключил договор о полетах по линии Москва—Карачи.

Президент компании эр-комодор Нур Хан рассказывает, что самолеты ПИА летают в Тегеран, Бейрут, Женеву, Рим, Лондон, Нью-Йорк, Рангун; а с апреля месяца начнутся регулярные рейсы в Москву. Может быть, полеты будут продолжены до Лондона или Франкфурта-на-Майне.

Нур Хан считает, что договор об открытии прямого воздушного сообщения между Москвой и Карачи взаимно выгоден. Столицы Советского Союза и Пакистана стали ближе, и это хорошо.

А. ГОЛИКОВ

Аэропорт в Карачи.

ПАМЯТЬ О НИХ БУДЕТ ЖИТЬ ВЕЧНО

Карл Либкнех·

Роза Люксембург.

45 лет прошло со дня трагической гибели выдающихся деятелей германского и международного революционного движения Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Но память об этих замечательных людях будет жить вечно в сердцах их наследников — немецких коммунистов. Вместе с Ф. Мерингом, К. Цеткин и В. Пиком они создали боевой «Союз Спартака», а на его основе Коммунистическую партию Германии. Пламенные патриоты, они гневно клеймили кайзеровское правительство, развязавшее мировую войну, неустанно боролись с социал-предателями в немецком рабочем движении. Эта борьба вызвала бешеную ненависть врагов. 15 января 1919 года К. Либкнехт и Р. Люксембург были зверски убиты.

В те траурные дни В. И. Ленин обратился к рабочим Европы и Америки со словами: «Кровь лучших людей всемирного пролетарского Интернационала, незабвенных вождей международной социалистической революции закалит новые и новые массы рабочих к борьбе не на жизнь, а на смерть. И эта борьба приведет к победе».

ОН БЫЛ ВЕРНЫМ СЫНОМ РАБОЧЕГО КЛАССА

К 75-летию со дня рождения Юлиана Лещиньского (Ленского).

Юлиан Ленский (Лещиньский) родился в 1889 году в рабочей семье. Еще юношей вступил на путь борьбы против угнетения и произвола. В 1905 году под влиянием трагедии «кровавого воскресенья» и разразившейся вслед за ним первой русской революции Юлиан Ленский вступает в ряды партии Социал-Демократия королевства Польского и Литвы.

В 1918 году Юлиан Ленский вступает в ряды коммунистической партии, где особенно ярко проявился его талант публициста, оратора и организатора. Список его пропагандистских и теоретических статей охватывает несколько сот названий. Решительно и бесповоротно последовал он за В. И. Лениным, проявив недюжинную энергию и работоспособность в самые горячие дни становления Советской власти.

Ю. Ленский немало способствовал усилению стачечной и забастовочной борьбы польского рабочего класса и революционных выступлений польского крестьянства. Его не раз видели и слышали в Лодзи, Варшаве, Домбровском угольном бассейне и многих других местах. Это он, Ю. Ленский, организовывал манифестации польских безработных в 1924—1925 годах.

Деятельность Ю. Ленского была по достоинству оценена рабочим классом Польши: с 1925 года Ленский — член ЦК, а с 1929 года — генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Польши. Он был членом Исполкома Коммунистического Интернационала.

Много раз польское буржуазное правительство арестовывало отважного коммуниста. В 1924 году опасного «красного вожака» посадили в крепость. Предстоял суд. Ю. Ленский совершил дерзкий побег прямо из здания Варшавского суда.

В результате произвола, царившего в период культа личности, жизнь Юлиана Ленского трагически оборвалась в 1937 году. Но после XX съезда КПСС честное имя этого бесстрашного революционера, выдающегося политического деятеля братской Польши было вновь восстановлено и внесено в анналы истории мирового коммунистического движения.

Я. НЕМЧИНСКИЙ

Художник-борец

Несколько членов английского парламента пикетировали Королевскую академию искусств, где открылась выставка работ замечательного испанского художника Гойи. Не потому, что они против искусства Гойи.

Вся горькая ирония в том, что эту выставку в Лондоне организовало... франкистское правительство.

Франко решил использовать в своих интересах Гойю, художника, который страстно боролся с инквизицией, против всякого гнета, существовавшего в Испании, и который восторженно принял французскую революцию. Испанский диктатор хочет заработать себе капитал на шедеврах мировой живописи. Но за полотнами Гойи не скрыть бесчисленные злодеяния, которые творят каждый день испанские фашисты.

Вот почему на лондонских улицах раздают листовки, которые требуют амнистии для испанских политзаключенных и призывают англичан посетить другую выставку испанской живописи, тоже открытую в Лондоне.

Эта выставка состоит из 40 рисунков 33-летнего художника-баска Агастина Ибарролы, заключенного в бургосской тюрьме.

Франкистские фашисты посадили в тюрьму этого талантливого художника за то, что он осмелился поддержать забастовочное движение в Северной Испании. Палачи пытали и мучили Агастина. От бесконечных побоев и пыток Агастин Ибаррола на некоторое время потерял рассудок. Сейчас он поправился и, несмотря на нечеловеческие страдания, которые ему пришлось пережить, снова полон решимости бороться за свободу испанского народа, за амнистию всех политических заключенных.

...Шахтеры Астурии. Сгорбившиеся от тяжкого труда фигуры людей, спускающихся в шахты. Нет никакого просвета впереди. Но эти люди нашли в себе силы и восстали. «Призыв к стачке», «Объединенные», «Шахтеры Астурии бастуют».

Члены английского парламента в пикете.

...Узники бургосской тюрьмы. Скелеты, тени, измученные истязаниями и голодом. Вот рисунок «Заключенные на прогулке» — вяло, еле передвигая ноги, идут измученные люди по кругу. «Без жалости» — полицейские в тюрьме отрывают мать от ребенка. «К стенке» — заключенных расстреливает рота солдат. «Допрос» — безжизненное тело лежит на полу камеры, а над ним, словно два чудовища, склонились палачи.

Все рисунки делались Агастином Ибарролой в тюрьме, тайком. На обороте одного из них Ибаррола написал: «Вот такой из-за моих тюремных решеток я представляю себе Испанию в будущем». «Будущее» — свободная Испания, где мужественный и трудовой народ, сбросивший иго фашизма, строит свое счастье.

Мечта Агастина Ибарролы должна осуществиться.

Н. ЯКОВЛЕВА (АПН)

Рисунок А. Ибарролы.

Горняки из смены Н. С. Волкова — ветераны Березниковского калийного комбината. Молодежь найдет, чему поучиться у них: план прошлого года смена выполнила на 117 процентов и в декабре уже работала в счет нынешнего года.

Фото А. ГОСТЕВА

Есть такой несложный опыт. В горшки с землей сажают два одинаковых растеньица, обеспечивают их светом, влагой, теплом — обоих поровну. Сначала они дружно тянутся вверх. Потом один из питомцев перестает расти, чахнет.

В чем же дело? Секрет прост: земля в горшках разная. В первом имеется все, что нужно для нормального развития растений, во втором нет калия.

Почву, бедную калийными солями, с полным основанием можно назвать худосочной. Но люди уже давно умеют делать ее щедрой.

Колоссальные запасы солей плодородия — сильвинита, хлористого калия — залегают в Верхнекамском месторождении. Это на Урале, в Березниках. Геологи утверждают, что здешних богатств хватит стране на сотни лет. В тридцатых годах тут был построен калийный комбинат, крупнейший в Советском Союзе. Комбинат снабжает удобрениями и близкую Сибирь и далекие Украину, Кубань, Белоруссию... А недавно к его клиентам добавились и прибалтийские республики, почвы которых остро нуждаются в калии.

Березниковские рудники — предприятие современное — оснащены солидным, мощным оборудованием. А обрабатывали здесь руду вплоть до недавних дней по старинке, кустарно. Это, конечно, тормозило работу комбината. Меж тем существует совершенный способ обработки — флотация. До сих пор ее применяли для получения калийных удобрений в Соединенных Штатах, во Франции. У нас, в Березниках, была лишь маленькая опытная флотационная фабрика.

И вот три года назад на новую строительную площадку пришли рабочие: начиналось сооружение второй очереди комбината, закладывалась крупная, первая в стране флотационная фабрика для производства хлористого калия и других удобрений.

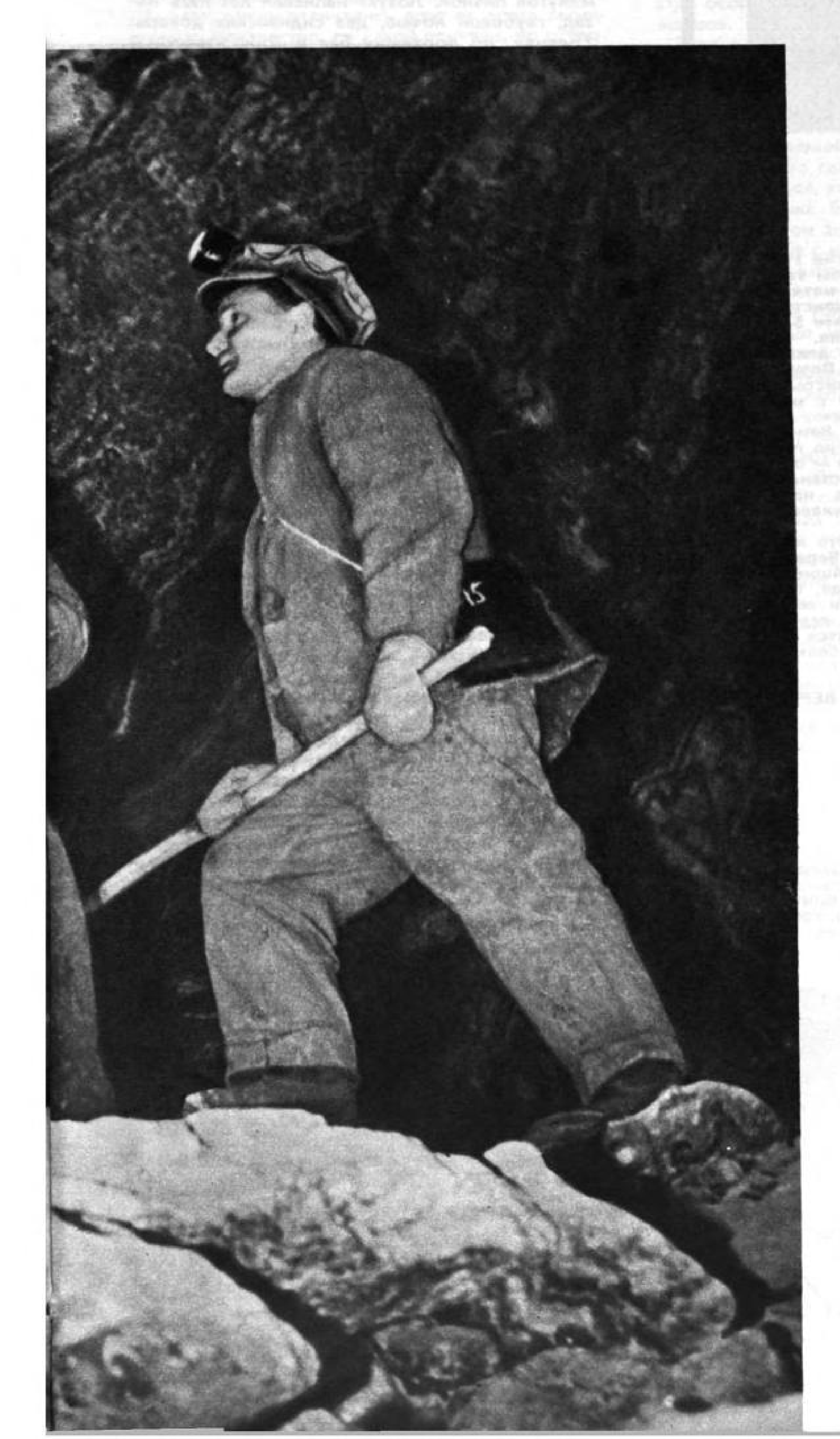
Строили новую фабрику не только жители Березников: им помогали рабочие Пензы, уче-

Калийные соли на Верхнекамском месторождении добываются посредством взрыва. А когда взрывники заканчивают свою работу, начальники смен тщательно проверяют шахту: нужно исключить и малейшую возможность обвала.

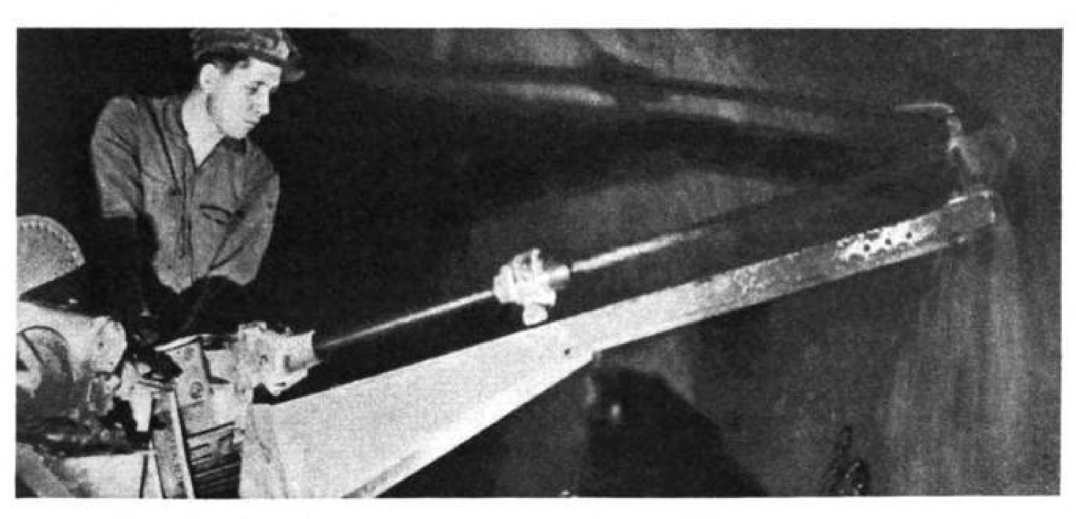
К цехам комбината тянутся трасс
трубопроводов — для обогрева, дл
нужд флотации. Вы видите, ка
монтажники крепят трубопроводы

Земля будет щедрой

Составы, груженные концентратом, отправляются отсюда во все концы страны.

Перед взрывом. Бригадир комплексной бригады Н. К. Монин бурит в штреке отверстия для закладки взрывчатых веществ. Его бригада в прошлом году не поскупилась: дала хлеборобам 11 741 тонну концентрата сверх задания.

ные Ленинграда, специалисты из других городов. О масштабах работ говорят хотя бы такие цифры: смонтировано 23 тысячи тонн металлических и сборных железобетонных конструкций, 68 километров трубопроводов, более 5 тысяч тонн технологического оборудования.

Фабрика была пущена досрочно. В декабре прошлого года, накануне открытия Пленума ЦК КПСС, труженики сельского хозяйства, а вместе с ними и все советские люди с радостью прочитали на страницах «Правды»:

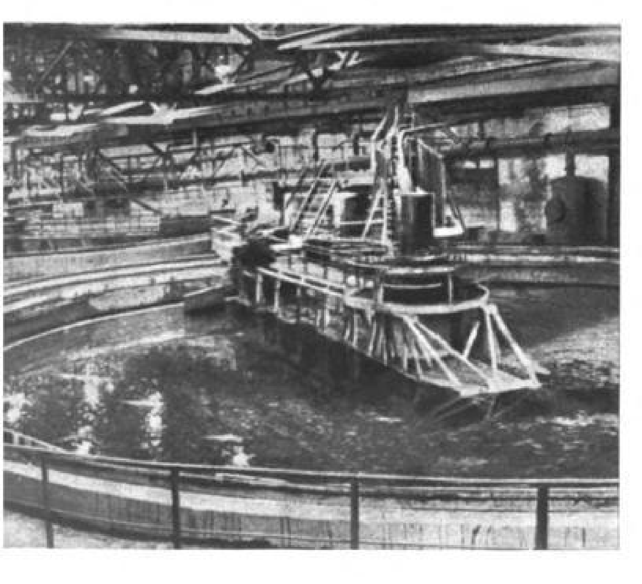
«Дорогие товарищи! Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР сердечно поздравляют вас с замечательной победой — окончанием строительства и вводом в действие на Березниковском калийном комбинате новых мощностей по производству одного миллиона тонн минеральных удобрений в год».

Миллион тонн! Но это еще не все. Это лишь начало похода за большую химию в Березниках. Впереди у жителей города важнейшие дела: пуск цехов на азотнотуковом заводе, титано-магниевом комбинате. На очереди и сооружение новых химических гигантов. И ведь не только в уральских Березниках возводятся фабрики плодородия. Нет числа стройкам большой химии в Стране Советов.

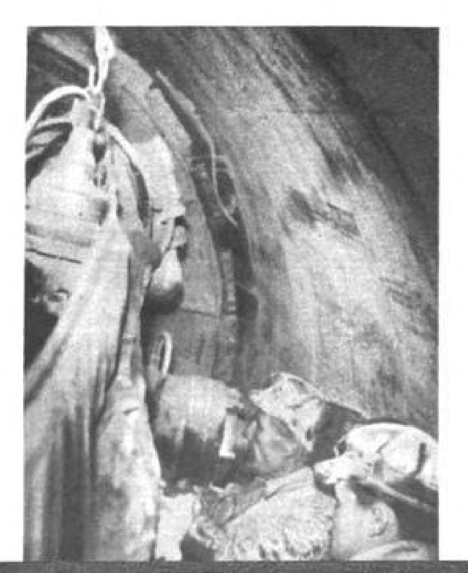
Земля наша будет щедрой!

Н. ВЕРИНА

У рачительных работников комбината не пропадают даже отходы. На новой фабрике построен сгуститель сильвинитовой флотации. С его помощью получают сырье для производства соды.

Машинист комбайна В. В. Дьяконов и его помощник В. Р. Шестаков готовят шахту к взрыву. Комбайн прокладывает узкий штрек, где бурильщики сделают гнезда для взрывчатки.

Лозунг

Фрэнк ХАРДИ

Рассказ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

В городке Пойнт-Дентон, что в Северном Квинслэнде, есть гостиница, а при ней — бар с подачей пива и прочих напитков. А на улице, у самого входа в бар, красуется надпись. Она здесь уже не один год.

Такие надписи-призывы наши рабочие время от времени пишут на стенах домов, на асфальтовых мостовых, заводских трубах, фонарных столбах. Не так уж сложно в конце концов написать такой лозунг, зато адская работа выпадает подчас на долю тех, кому приказывают срочно его стереть. Надпись возле пивной в Пойнт-Дентоне тоже оказалась весьма долговечной.

Нет более грустного зрелища, чем такой вот уличный лозунг, отживший свое время и исчерпавший свое назначение. То он зовет вас голосовать «нет» по какому-то уже забытому политическому вопросу; то приглашает поддержать на выборах кандидата, которого, может быть, и в живых уже нет; то требует освобождения борца за народное дело, уже выпущенного из тюрьмы.

Все это так; но с лозунгом у пивной в Пойнт-Дентоне — дело особое; он, видимо, не изжил себя, далеко нет!

Лозунг состоит из шести слов:

«За мир и прогресс! Долой Мензиса!» [1].

Слова эти начертаны на единственной полоске асфальта, которой может похвалиться город Пойнт-Дентон,— а именно на тротуаре у упомянутой пивной. Лозунг написали лет пять назад, глубокой ночью, два сиднейских докера: Гревилл по прозвищу Бес и Дин, известный под кличкой Красный Настоятель (объяснение этой несколько необычной кличке будет дано ниже).

История того, как появилась эта надпись и как она упрямо отказывалась исчезнуть, очень поучительна. Эта история — один из примеров настойчивости и живого юмора, искони присущих австралийским рабочим.

* * *

Пойнт-Дентон наших дней — нечто вроде города-призрака. Им интересуются разве что редкие и немногочисленные туристы. А каких-нибудь полстолетия назад это был самый крупный порт на севере Австралии. Отсюда вывозили морем руду знаменитых золотых копей и сахар. Но залежи золота иссякли, а сахар отправляют теперь не морскими лихтерами, а по железной дороге, ведущей на юг. Порт замер.

В те дни, когда возле пивной появилась надпись, стоял июль. Следуя за солнцем, в городок тянулась публика двух сортов: богатые туристы — загорать на обширном пляже и докеры — грузить сахар в железнодорожные вагоны. Первыми появились в Пойнт-Дентоне наши сиднейские друзья Гревилл-Бес и Дин — Красный Настоятель. Они немедленно обревизовали пустующие легкие коттеджи, вытянувшиеся вдоль пляжа, и выбор их пал на веселый, беленький коттедж, стоящий на высоком месте, откуда открывался приятный вид на море; имя у коттеджа было тоже приятное: «Райский уголок».

Потом они пошли бродить по городку, осмотрели витрину почтового отделения, где были выставлены тошнотворно-пестрые открытки и всякие местные редкости: морские раковины, бумеранги. Бумеранги были скорее всего японской подделкой или, в лучшем случае, изготовлены в сиднейском предместье Ла-Перуза, где живут аборигены; эти изделия скупаются

[1] Мензис — консервативный премьер-министр Австралии. (Примечания автора).

торговцами за бесценок и перепродаются с огромным барышом туристам. Приятели несколько задержались у харчевни, жадно вдыхая доносившиеся оттуда запахи; беглым шагом миновали полицейский участок; реквизировали в свою пользу несколько плодов с дикорастущего дерева пао-пао; одобрительно отозвались о пышной тропической зелени, окаймляющей прибрежные рифы; прикинули на глаз удобные местечки для рыбной ловли.

К началу сезона погрузки сахара они уже полностью обосновались в «Райском уголке»: выбросили накопившийся мусор, разложили в шкафу кое-какие привезенные с собой припасы в твердом и жидком виде. Осталось только молить небо о том, чтобы владелец коттеджа не явился раньше окончания сахарного сезона.

Разумеется, они не оставили без внимания пивную при гостинице. Как только они впервые приблизились к зданию, Красный Настоятель, словно зачарованный, замер на месте. Он долго стоял, не сводя глаз с полоски асфальта.

— Какое великолепное место для лозунга! — проговорил он наконец, словно очнувшись от забытья...

Вспомним, однако, о старой истине: хочешь порадовать кого-либо рассказом — познакомься сначала с действующими лицами.

Гревилл-Бес был приземист, веснушчат, рыжеват, с озорной лукавинкой во взгляде и небольшой лысинкой в волосах ежиком. Красный Настоятель был высок и худощав, с грустными глазами и упрямо выдвинутым подбородком. Они были старыми дружками и, как это часто бывает, очень отличались друг от друга характером. Неизвестно, по какой причине, но острословы из числа сиднейских докеров окрестили их «чертовыми близнецами».

Гревилл был старым и упрямым сторонником лейбористской партии. Дин симпатизировал коммунистам. Гревилл сверкал остроумием и был порывист; Дин отличался сдержанным юмором и хладнокровием. Он всю жизнь оставался воинствующим холостяком, а у Гревилла, говорили, была жена, во всяком случае, в одном из портов.

Индивидуальные клички были им даны тоже не зря. Право, стоило бы написать книгу о прозвищах, бытующих в портах Австралии: это целая сокровищница ярких словосочетаний, созвучий и метафор. Гревиллу добавили «беса» не только потому, что это в рифму [1], но и потому, что в характере его, как уже сказано, было что-то добродушно-бесовское. А подлинное имя Красного Настоятеля было Уильям Джеймс Дин, но докеры, недолго думая, присвоили ему прозвище в честь доктора Хьюлетта Джонсона, настоятеля Кентерберийского собора [2].

Только в одном дружки были единодушны — в том, что грузчику надо следовать за солнцем: летом грузить яблоки в Хобарте, зимой — сахар на Севере. Что же касается домашнего быта наших приятелей в коттедже «Райский уголок», то несходство характеров и привычек весьма часто приводило к серьезным конфликтам. Бес, например, любил после обеда побездельничать и выкурить сигарету, а Красный Настоятель требовал, чтобы посуда была вымыта безотлагательно. Бес засиживался допоздна, слушая радио, а Настоятель предпочитал укладываться в постель и читать лежа; Бес храпел до последней минуты, когда пора было идти на работу, а Настоятель привык вставать рано и вскакивал чуть свет.

Приходится ли удивляться, что и по поводу надписи на тротуаре у них произошла ожесточенная дискуссия. Дин решительно отстаивал придуманный им текст: «За мир и прогресс! Долой Мензиса!». Гревилл не имел возражений против низвержения Мензиса, но в остальной части предлагал что-нибудь вроде: «Требуем прибавки за квалификацию». Дружки уже решили ограничиться словами, посвященными Мензису, как вдруг Бесу пришел в голову самый простой и разумный способ: бросить жребий! По обычаю докеров монету они бросали вверх трижды. Красный Настоятель выиграл со счетом 2 : 1.

У Гревилла был специальный рецепт краски, пригодной для писания лозунгов. Он вычитал ее описание в старом номере «Вестника садоводства», в отделе полезных домашних советов. Среди всякой малополезной и вовсе бесполезной информации там фигурировал состав особой прочности — для окраски стекол маяков.

Гревилл рьяно принялся за дело и сварил целый горшок таинственной смеси.

— Этого не выжечь даже паяльной лампой,— пробурчал он, когда надпись на тротуаре была закончена.

Владелец пивной — хотите верьте, хотите нет — когда-то сам был докером. Поэтому он не стал ругаться, когда увидел надпись. Сердце у него все-таки было с правильной стороны, и к тому же он знал, кто дает ему заработать на кусок хлеба с маслом.

Даже местный полицейский — неплохой, в общем, парень — был согласен с тем, что Мензису пора убираться. Но, как водится, полицейский был человек семейный и боялся потерять должность.

— Эта вот надпись, что у входа...— начал он, обращаясь к кабатчику после того как пропустил даровую кружечку у стойки.

— Ну и что же, что надпись? — осторожно откликнулся кабатчик.

— Ее надо убрать! — заявил полицейский.

— А я ее не писал,— уклонился кабатчик.

— Но ты ведь знаешь, кто это сделал.

— Здесь их тридцать душ, этих докеров! Допрашивай каждого, если не лень.

— Послушайте, ребята,— просительно сказал полицейский, обращаясь теперь уже прямо к докерам, сидевшим за кружкой пива перед вечерней сменой.— Там вот эта надпись... Непорядок в городе. И против закона. Я не вмешиваюсь в политику, но сами знаете: у меня семья и должность, и я...

— Какая еще надпись? — с видом полного неведения осведомился Красный Настоятель.

— Да вон та, на тротуаре у дверей.

— Ах, эта! — вступил в беседу Гревилл-Бес.— Кто бы мог отмочить такую штуку? Бьюсь об заклад — только не докер. Наверно, эти... туристы или как их там звать?

— К утру надпись должна быть убрана. Иначе пойдет другой разговор! — заключил полицейский и вышел.

Наутро надпись по-прежнему красовалась у дверей пивной. Более того, докеры после ухода полицейского избрали комитет «Долой Мензиса!».

Прошла неделя. И вдруг из окружного города Кэрнса нагрянул полицейский инспектор, объезжавший подведомственную ему территорию.

— Надпись надлежит уничтожить немедленно! — отчеканил он, строго глядя на полицейского.— В город ездят туристы. Нам ни к чему здесь политика!

— Да, сэр,— ответил полицейский.— Я только увидел ее, она, должно быть, сделана прошлой ночью. Сейчас же займусь ею.

— Мы вместе займемся ею,— поправил инспектор, видимо, не очень доверявший своему подчиненному.— Займемся немедленно. Сию же минуту. Тут не обошлось без этих докеров...

Они отправились в пивную.

— Послушайте, ребята! — воскликнул инспектор, всячески стараясь выпрямиться и убрать живот.— Эту надпись там, на улице, надо убрать!

— Какую именно надпись? — спросил все с тем же невинным видом Красный Настоятель.

---

[1] Гревилл и Devil — черт, бес (англ.).

[2] Dean — настоятель (англ.). В Англии Хьюлетта Джонсона называют иногда Красным Настоятелем.

— И кому это пришло в голову? — подхватил Бес.— Не иначе, как этим... туристам, что ли?

Остальные докеры промолчали. Тяжелая школа жизни научила их простейшей мудрости: не лезть в спор с полицией.

— Я человек покладистый,— продолжал инспектор.— Уезжаю я отсюда завтра в полдень. Если к тому времени надпись будет стерта, я, так и быть, махну рукой на все это дело. А если нет,— ждите неприятностей. Того, кто сделал надпись, я привлеку за порчу частного имущества, за сопротивление властям и за употребление неприличных слов.

Он повернулся и пошел к выходу.

— Помните же: я вас предупредил!..

Назавтра Гревилл с Дином продолжали вести обычный образ жизни: грузили во время смены сахар, после смены сидели в пивной, а возвратившись к себе в «Райский уголок», без конца пилили друг друга. Поводов для спора у них всегда было сколько угодно: тут и сравнение вкусовых качеств мельбурнского и сиднейского пива, и подробная оценка прочности мостов в обоих этих городах, и критика правил австралийского футбола, и влияние лейбористов и коммунистов среди докеров, и предстоящие всеобщие выборы, не говоря уже об обычной перебранке насчет мытья посуды. При всем том было одно, что связывало их теперь прочными узами и еще больше скрепляло их старую дружбу: лозунг на тротуаре у пивной.

Излишне говорить о том, что лозунг оставался в полной сохранности и в то утро, когда окружной полицейский инспектор должен был покинуть город. Начальство вторично явилось в пивную и сделало второе предупреждение:

— Надпись уничтожит мой подчиненный, здешний полицейский. Но будет наряжено следствие. Виновных мы найдем. Они понесут строгое наказание.

— Сегодня же уберите надпись! — приказал инспектор полицейскому, когда они остались наедине.— И донесите мне об исполнении. Срочным рапортом.

Через несколько дней на имя инспектора пришло следующее донесение:

«Касательно надписи возле пивной в городе Пойнт-Дентоне. Были сделаны попытки счистить таковую с помощью скипидара, а также с помощью молотка и стамески. Указанные попытки оказались безуспешными. Тут советуют использовать паяльную лампу. Ввиду чего пересылаю Вам на подпись ордер о реквизиции упомянутой лампы на месте.

Примите уверения и проч.».

В ответ последовал краткий меморандум: реквизиция лампы не разрешается, как противоречащая существующим законам; должны быть приложены все усилия к обнаружению виновных и уничтожению надписи.

Полицейский поплелся в пивную и отозвал кабатчика в сторону.

— Я могу поплатиться должностью,— сказал он, вздыхая.— Может, ты все-таки случайно слыхал, кто это сделал?

— Не имею ни малейшего представления,— твердо отвечал кабатчик.— Но вот что я посоветую. Почему бы тебе не замазать надпись какой-нибудь другой краской — и дело с концом!

Поздно ночью полицейский густо замазал надпись и немалое пространство вокруг нее ярко-зеленой краской, оставшейся от недавнего ремонта полицейского участка. Он вернулся к себе, успокоенный, воспрянувший духом и к утру отстукал на машинке одним пальцем новое донесение:

«Имею честь доложить, что надпись у пивной в Пойнт-Дентоне уничтожена. Нормальное положение полностью восстановлено.

Примите уверения и проч.».

После этого полицейский решил подышать свежим воздухом. Неторопливо прогуливаясь по главной улице, он вдруг остолбенел и чуть не задохнулся. Надпись на тротуаре легко читалась даже издалека, буквы, казалось, даже выиграли в яркости — белые буквы, подчеркнутые зеленым рельефом на черном фоне асфальта. Дьявольская смесь Гревилла проступила сквозь зеленую краску и испускала даже нечто вроде сияния.

Полицейский готов был лопнуть от гнева. Назавтра подоспел меморандум из округа, гласивший, что, «по полученным сведениям, надпись возле пивной в Пойнт-Дентоне не только не уничтожена, а как бы даже приукрашена и выглядит еще более дерзко». Полицейский выругался и решил применить драконовские меры.

Войдя в наполненную посетителями пивную — день был субботний,— он объявил во всеуслышание:

— Вы не пожелали одуматься. Я человек покладистый, но имею жену и детей и должен их кормить. Если надпись не будет уничтожена этой ночью — этой же ночью, слышите? — я введу новые правила торговли в пивной. По воскресеньям она будет закрыта, а в будни отпуск пива будет прекращаться в десять вечера.

Кабатчик и докеры словно окаменели. Они не верили своим ушам. Возможное ли дело? Сколько помнят старожилы, пивная действовала беспрерывно все дни недели и закрывалась не прежде чем в полночь; разве что в ранние утренние часы пиво не отпускалось, пока шла уборка помещения.

Докеры любили пропустить кружку-другую перед работой и после нее, в том числе и после вечерней смены. Работа была тяжелая, приходилось таскать по скользким сходням в вагоны полуторастафунтовые мешки с сахаром. Новый режим торговли в пивной они восприняли как удар по своим кровным интересам. Тут же было созвано заседание комитета «Долой Мензиса!». После жарких дебатов, в которых жажда и благоразумие боролись с принципами, было проведено голосование. Подсчет поднятых рук показал, что восторжествовала жажда. Была принята короткая резолюция: в интересах здравого смысла надпись смыть.

— Прошу слова к порядку ведения собрания, товарищ председатель,— сказал, поднимаясь с места, Красный Настоятель.

Получив согласие председателя, он заявил, отчеканивая каждую букву:

— Комитет «Долой Мензиса!» не вправе выносить решения об уничтожении лозунга.

— Почему ты так думаешь? — спросил председатель.

— Потому что комитет не писал этого лозунга. Это мы с Бесом его написали. Написали тогда, когда приехали сюда первыми и никакого комитета и в помине еще не было.

Старина Дин поставил дело на формальную почву. Пришлось признать его правоту. Члены комитета принялись наперебой уговаривать «чертовых близнецов» уступить и убрать злосчастную надпись. Никакие уговоры не помогли.

Полицейский сдержал слово: новые часы торговли в пивной были введены со следующего дня. Докеры, возвращающиеся с вечерней смены, уходили ни с чем, мучимые неутоленной жаждой.

Прошла еще неделя. В Пойнт-Дентон приехал представитель федерации портовых рабочих. Вечером устроили собрание, на этот раз — всех докеров. Вопросов на повестке было великое множество: местные дела с сахаром и дела общенациональные, заработная плата, отпуска и пенсии, предвыборная кампания и прочие политические вопросы.

Когда собрание уже причалило к текущим делам и близилось к концу, представитель федерации воскликнул:

— Друзья, у всех нас глотки пересохли от оживленных дебатов! Предлагаю сделать перерыв, отправиться в пивную и пропустить по кружке пива.

Среди воцарившегося молчания кто-то объяснил, что пивная в этот час закрыта. Представитель федерации отказался этому поверить. Тогда ему объяснили причину столь тяжелой репрессии и попросили вступить в переговоры с властью. Уверенный в своих дипломатических способностях, представитель федерации согласился побеседовать с полицейским и кабатчиком.

Потом собрание возобновилось для заслушивания отчета представителя федерации об итогах переговоров.

— Полицейский тверд как скала,— доложил представитель федерации.— На него не действуют никакие доводы. Я полагаю, надо согласиться стереть надпись. Выборы все равно состоятся на днях. Лозунг уже выполнил свое назначение.

Томимое жаждой большинство криками поддержало это предложение.

Но Красный Настоятель был непреклонен. Он решительно отстаивал свою и Беса гегемонию по отношению к надписи.

— Единственное большинство, которое может вынести решение, это мы двое, я и мой приятель.

— Ежели эти двое столкуются,— заметил какой-то скептик,— это будет первый случай согласия между ними со времен каменного века.

«Чертовы близнецы» устроили сепаратное совещание и, к крайнему удивлению всех, быстро достигли соглашения. Надпись должна оставаться на месте до субботнего вечера включительно, объявили они.

— А потом что? — спросил кто-то.

— Если Мензис провалится на выборах, мы уберем лозунг в воскресенье утром, к открытию пивной,— объяснил Бес, выступавший докладчиком от двоих.— Если же Мензис выиграет, надпись останется нетронутой.

— Это — правильное решение,— заметил со своей стороны Красный Настоятель,— нельзя снимать лозунги раньше времени!..

Но случилось невероятное. На следующий день надпись исчезла! Выяснилось, что ее содержание пришлось не по душе каким-то богатым туристам, и они замазали ее густым слоем смолы.

В пивной торговля пошла по-обычному.

— А ты еще говорил, что эту штуку и огнем не выжечь! — поддразнивали докеры Беса.

«Чертовы близнецы» только усмехались.

Наступила и прошла суббота, день очередных выборов. В воскресенье с утра Бес и Красный Настоятель сидели на ступеньке крыльца, ведущего в пивную, и внимательно разглядывали смоляное пятно на тротуаре.

— Сейчас помаленьку начнет проглядывать,— задумчиво, с видом знатока сказал Бес.

Так оно и было. К вечеру, еще засветло, надпись проступила полностью, четкая, яркая, как прежде.

* * *

В портах среди докеров прошел слух, что у Гревилла-Беса и Дина — Красного Настоятеля есть в запасе какая-то другая смесь для смывания отслуживших лозунгов. Но, говорят, дружки готовы поделиться рецептом этого нового средства только с теми, кто разделяет их мнение: не торопиться снимать лозунг, который еще не выполнил своего назначения.

Надпись у пивной в Пойнт-Дентоне они оставили в неприкосновенности. Она и сейчас там.

Перевел с английского Л. Чернявский.

ТАЙНЫ «ИМПЕРИИ УБИЙСТВ»

Внушительный монумент на одном из чикагских кладбищ привлекает всеобщее внимание. Не одна богомольная старушка, увидев надгробную надпись (на мраморе высечено: «Здесь покоится в мире Аль Капоне. 1889—1947 гг.»), осеняет себя крестным знамением и шепчет слова молитвы.

Что ж, и сам покойник был набожным католиком и даже, если верить молве, щедрым жертвователем в церковную копилку. Но общение со всевышним и благотворительность — все это в свободное от бизнеса время. А бизнес у того, кто «покоится в мире», был весьма беспокойным: нелегко управлять преступной империей, основателем и многолетним властителем которой был Аль Капоне.

Аль Капоне умер. Но его дело продолжается. Некоторое время назад народ Америки, а вместе с ним и весь мир узнали о существовании в США целого гангстерского государства, именуемого «Коза ностра» (в переводе с итальянского эти слова означают «Наше дело»). Двенадцать «семейств» — региональных отделений «Коза ностра» — поделили страну на сферы влияния. И самым могущественным из семейств является чикагское, действующее в вотчине Аль Капоне.

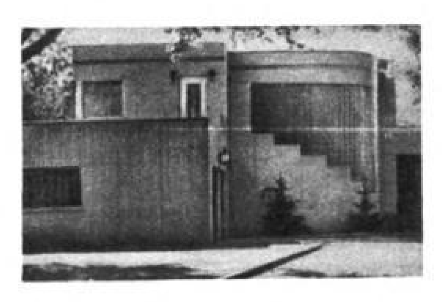
Американский журнал «Сатердей ивнинг пост», опубликовавший в одном из последних номеров пространный репортаж о чикагском преступном мире, приходит к выводу, что ничего не изменилось в этой цитадели американского бандитизма со времен Аль Капоне. «Две власти имеются в Чикаго,— цитирует журнал слова одного местного журналиста.— Одна из них — преступный синдикат. И трудно сказать, он или официальные власти правят городом».

В самом деле, кинотеатры, бары, рестораны, клубы, вся сфера обслуживания вплоть до уборки мусора находятся под прямым или косвенным контролем синдиката. Стоит только открыться новому кафе или бару, как к его владельцу является мордастый детина и говорит: «Снабжаться продуктами вы будете только у нас. Не правда ли?» И редко кто осмеливается возражать, хотя заранее знает, что «снабжение» будет стоить втридорога. Так выглядит то, что в Америке называется «рэкетом».

По сравнению с другими «семействами» чикагскую епархию «Коза ностра» отличают исключительный порядок и стабильность. В Нью-Йорке, например, то и дело происходят сенсационные вооруженные стычки между молодчиками «комиссара» Профаси и Галло-блондинчика — так зовут в преступном мире главарей двух соперничающих банд нью-йоркского «семейства». Там даже случаются «дворцовые перевороты», как это было в 1957 году, когда «молодые» во главе с нынешним шефом «Коза ностра» Вито Дженовезе убрали одного из основателей гангстерской империи Альберто Анастасия.

«Здесь покоится в мире Аль Капоне».

В этом особняке, напоминающем крепость, проживает правая рука Сэма Джианкана — Алдеризио. Осведомленная американская пресса называет этого гангстера наиболее вероятным преемником Джианкана на посту главы чикагских гангстеров.

Владелец ночного бара Артур Эйдлер, связанный с синдикатом гангстеров, нарушил какую-то из основных заповедей. Через несколько дней его труп был извлечен из канализационного колодца. «941 нераскрытое убийство за последние годы»,— меланхолично сообщает «Сатердей ивнинг пост», публикуя этот снимок.

Ничего подобного в Чикаго не бывает. За 38 лет здесь «законным» порядком сменилось всего четыре властелина, включая самого Аль Капоне и нынешнего «отца» чикагского «семейства» Сальваторе Джианкана, известного под кличкой «Сэм». Чикагская преступная империя является процветающим предприятием с годовым оборотом в два миллиарда долларов. Ее боссы живут в роскошных особняках аристократического района Чикаго «Ривер форест», аккуратно посещают церковь и вообще слывут респектабельными джентльменами. Предшественник Сэма Тони Аккардо с гордостью рассказывает, что сидел лишь один раз и то за неуплату налогов. Именно во время этой единственной отсидки его любимая дочь Линда (ну, конечно же, все именитые гангстеры — добрые отцы семейств) вышла замуж. По случаю торжества собралось несколько сот гангстеров — цвет преступного мира Америки. Гостей приветствовал сам папаша Аккардо, милостиво отпущенный на сутки тюремными властями. Эта увольнительная и нейтралитет чикагской полиции, пальцем не тронувшей ни одного бандита, видимо, обошлись гостеприимному Аккардо в хорошую копеечку. Но чего не пожалеешь для собственного чада, тем более что денег королю гангстеров не занимать.

Сейчас Аккардо на «пенсии», но продолжает консультировать своих бывших коллег. Впрочем, и нынешний шеф чикагского преступного синдиката не лыком шит. Свою карьеру Сэм Джианкана начинал шофером-телохранителем Аль Капоне. Тогда же, в дни юности, он трижды арестовывался по подозрению в убийстве. Но все это в прошлом. Сегодня Джианкана, которому не приходится больше самому заниматься черной работой,— почтенный член общества. Его зять Антони Тиски — помощник конгрессмена - республиканца Либонати, представляющего в высшем законодательном органе США штат Иллинойс. Племянник Сэма Детолви — сенатор штата.

Как далеко протянулись щупальца чикагского «семейства» Джианкана? Этот вопрос приобретает особое звучание сейчас, когда всплыли на поверхность весьма подозрительные связи Руби (убийцы Ли Освальда), известного в преступном мире под кличкой «Щеголь». «Кто может поручиться, что в Далласе не «Коза ностра» является хозяином положения?» — задает вопрос на страницах газеты «Эко» известный французский журналист Серван-Шрайбер.

В условиях, когда гангстеризм стал неотъемлемым элементом политической жизни Америки, кто может утверждать, что преступление в Далласе не является новой страницей кровавой истории «Коза ностра»? Другое дело, кто оплатил вексель убийц — техасские «бешеные» или кто-то рангом повыше?

Б. ЛЕОНИДОВ

Над чертежной доской склонились мастер Ф. Канин и старший канавный И. Александров.

Фото А. Гостева.

ФИЛИПП КАНИН И ЕГО ДРУЗЬЯ

Кран легко захватил сталеплавильный ковш и медленно повернул его, чтобы слить шлак.

— А знаете, как трудно было еще совсем недавно! Сколько сил приходилось тратить, чтобы только натянуть трос! И, обратите внимание, какая теперь остроумная система рычагов у дна ковша! Машинист сам управляется, а разливщик только командует. Кантовальный механизм придумал разливщик Силин, но не обошлось, конечно, и без Канина.

«Не обошлось без Канина» — эти слова мы услышали снова, когда на стенде знатных людей Северского металлургического завода увидели портрет старшего канавного Ивана Александрова. Но при чем же тут Канин?

— Канин — наш лучший конструктор-общественник. У него немало дельных предложений. Но больше все с чужими возится,— сказали в заводском БРИЗе.

Филипп Григорьевич Канин — мастер в литейном пролете. А вечера он проводит за чертежной доской. Вот и сейчас мы застали его дома за тем же занятием. Рядом с ним — Иван Александров. Более десяти тысяч рублей экономии дала цеху рационализаторская мысль этого рабочего.

— Знаете, без Филиппа Григорьевича трудновато... Идей в голове много, а образование — пять классов.

Настал новый год, и мы снова встретились с Каниным после смены у заводской проходной. С рулоном чертежей под мышкой он спешил домой.

— Знаете, интересную штуку придумал мастер Волошин! Вот тороплюсь. Поработать еще над этим надо...

А. ГРИГОРЬЕВ

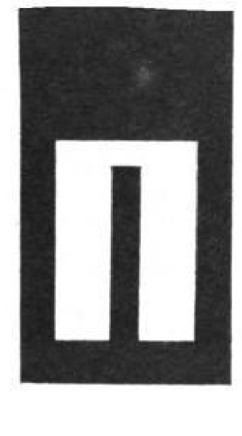
ХИМИКИ — ХЛОПКОРОБАМ

Бригадир Зеки Карасанов и монтажник Валентин Анохин могут быть довольны проделанной работой: завершен досрочно еще один объект ударной стройки — Ферганского азотнотукового завода. Фабрика плодородия набирает мощность. В новом году химики Ферганы в несколько раз увеличат поставки удобрений хлопкоробам Средней Азии.

Д. ДЖАНГИРОВ

Фото Б. Михрохина.

ленник тимуро

Мих. КОТОВ, Вл. ЛЯСКОВСКИЙ

Плям... плям... плям!..»— резко и судорожно выплевывают откуда-то из укрытия зенитки, заставляя людей опасливо задирать головы, впиваться растерянными глазами в небо, синим бархатистым шатром повисшее над зелеными каштанами, липами, кленами, над перламутровой лентой Днепра.

Уже не первый день гремит война, а все как-то трудно смириться с мыслью, что это ласковое, залитое солнцем небо вдруг ощетинилось, посуровело и там, за легкими, почти декоративными перистыми облачками, притаилась сама смерть.

Не об этом ли напоминают похожие на кваканье лягушки тягостные звуки: «Плям... плям... плям!..»

Пока зенитчики стреляют не особенно метко, снаряды разрываются то сбоку фашистского самолета, то где-то за хвостом машины, то над самым пропеллером.

— Не бижыть, тетко! — предостерегающе кричит вихрастый подросток женщине.

Она, прижав к груди плачущего ребенка, спотыкаясь, свернула за угол дома, на стене которого нарисована стрела-указатель: «Вход в бомбоубежище».

— Хиба не бачите, тетко? — останавливает ее подросток в клетчатой ковбойке.— Та то ж рама проклятая... Це ихний самолет-разведчик. Не бойтесь, бомбы не будет кидать. Вот если «юнкерс», у-у-у-у, хиба не чулы, як «юнкерс» ревет? Тогда ховаться надо, а эта рама покружит-покружит над Киевом и улетит. Запугивает, гадюка, вот ему Киев! — Он ткнул в небо кукиш и вприпрыжку поскакал по мостовой.

Уцепившись руками за борт полуторки, парнишка умолял косоглазого, с черными усиками бойца, перевязанного рыжим от крови бинтом:

— Дядько, дай патрончиков. Чуешь? Зачем они теперь тебе? Все равно в госпиталь тебя отправят. Дай патрончиков...

Репродукторы, укрепленные на столбах и деревьях, прохрипели:

— Граждане-е! Отбой возду-у-шной трево-ги-и!

По улице промаршировал отряд парней и девушек. Кое у кого за плечами винтовки. Отряд нестройно, необученно, но громко и задиристо пел:

...И на Тихом океане
Свой закончили поход...

На мосту через реку стоял заградительный отряд из пограничников. Повозки, брички, самодельные тачки, груженные чемоданами, мешками, узлами. Худой старик в плаще с капюшоном, похожий на привидение, хворостиной гонит стадо коров. Никто не спрашивает, не проверяет, из какого колхоза, чье стадо, сколько коров. Все понимают: гонит их на восток непоправимая беда.

Забита людьми и привокзальная площадь. Поезда давно выбились из расписания, ходят без графика, в тыл отправляют в первую очередь раненых, целый эшелон занял госпиталь, где начальником была жена легендарного комбрига гражданской войны Ольга Котовская. Перед тем как тронуться в путь, она обошла вагоны, на их крышах установили пулеметы на случай воздушной атаки.

— Отобьем, ребятушки? — по-женски наивно спрашивала она у бойцов.

— Пусть попробует только! — неслось с крыш.

Тут же крутился уже знакомый нам подросток в пестрой ковбойке. Он раздобыл где-то каску, заглядывал в раскрытые окна вагонов и назойливо спрашивал:

— А гранатки у вас не осталось, дядько? А? Зачем вам в Ташкенте граната? Чуешь?

По его повадкам нетрудно было догадаться, что он стал завсегдатаем станции, где сгружают с платформы танки, пушки, ящики со снарядами, вещевое довольствие для фронтовиков.

Рыженький, со вздернутым носом паренек был равнодушен к поездам, которые доставляли сюда пополнение: что у них возьмешь, если они еще сами пороха не нюхали? Поэтому он не обратил никакого внимания на то, как ранним июльским утром 1941 года из пассажирского вагона вышел на перрон Киевского вокзала высокий, рослый и плотный человек в гимнастерке, брюках галифе, в начищенных до блеска хромовых сапогах. За спиной круглолицего, еще не успевшего загореть пассажира висел чем-то набитый солдатский вещевой мешок, бросалась в глаза совсем новенькая портупея, в руке он держал кожаную командирскую сумку. Горела на солнце медная пряжка ремня, помятая пилотка торчала на затылке, и казалось, вот-вот свалится со светлорусых, коротко стриженных волос. На груди поблескивал орден «Знак Почета».

Выйдя на перрон, пассажир оглянулся по сторонам, словно искал знакомых, но заметил усталого, с осунувшимся лицом дежурного с красной повязкой, спросил у него:

— Спокойно у вас?

— Поживешь — узнаешь,— съехидничал патруль,— ночью в Фастове эшелон со снарядами дьявол взорвал.

— Кто?

— Известно кто: герман. Рельсы разворотил, но к утру починили.— Увидев пробоину в стенке вагона, дежурный выпятил губу.—Эге-е, приятель, да вы, кажется, тоже с приключениями добирались до Киева? Ночью?

— Ночью благодать,— закатив озорно серые, с голубыми искорками глаза, произнес пассажир.— На зорьке грохнуло. Проводница погибла. Похоронили ее в лесопосадке, возле будки. Кое-кого царапнуло. А у меня вот шифоньер протаранило.— Он повернулся спиной и подбросил руками вещевой мешок.— Видишь рану? На верхней полке лежал. Осколок предназначался мне, но разбил вдребезги зеркальце, продырявил донышко стаканчика для бритья и застрял в моей биографии.

— Что-о? — удивился патруль.

Вместо ответа пассажир начал забрасывать дежурного вопросами:

— Далеко ли линия фронта? А как в Киеве с продовольствием? Есть ли очереди? Нет ли паники?

Дежурный пристально оглядел незнакомца. Да и внешний вид вызывал подозрения. Вроде военный человек, но почему нет на гимнастерке петлиц? Рядовой? А зачем нацепил командирский пояс? И эта сумка? Почему это он сразу интересовался очередями?

Дежурный молча отошел в сторонку, размышляя, как ему дальше поступить, и очень обрадовался, увидев на рельсах парня.

— Эй, паренек! Важное дело. Слышишь? Шпарь сюда!..

Вихрастый подлетел к дежурному, вытянулся в струнку. Тот наклонился к нему, что-то заговорщическим тоном сказал, показывая на спину удалявшегося пассажира.

— Понял свою задачу? — спросил дежурный.

— Понял! — бойко выпалил парень.

— Чудило гороховое,— пристыдил его лейтенант,— слышал звон, да не знаешь, где он? Когда орден тебе будут вручать, так ответишь. Ясно? Благодарность перед строем объявят. А ты? Ну, шпарь. Аллюр три креста. И не выпускай его из виду. Вчера мы здесь двух дезертиров задержали.

А пассажир, попыхивая трубкой, не торопясь, шагал себе в город. Вслед за ним, стараясь быть неприметным, шел рыженький, с веснушками на облезлом носу, юный Шерлок Холмс. Ни один жест, ни одно движение не ускользали теперь от его зорких глаз. Вот пассажир наклонился над узлами, где сидит женщина в косыночке и расчесывает гребешком косички дочери. Неужели это его знакомая? О чем они шепчутся? Ага, он полез в карман, и достал конфету, и протянул ее карапузу, восседавшему, как на коне, на оранжевом чемодане.

А этот горбоносый старик, что держит под мышкой скрипку? Он что-то говорит пассажиру; тот достал из сумки блокнот и записывает. Ну, конечно, тут что-то неладное.

Пассажир не спешил, он то и дело вступал в разговор с людьми. Мысли парня текли по одному руслу: «Если ты приехал на фронт, почему не спешишь разыскать свою часть? Идут бои. Каждый боец дорог на фронте. А он тут болтает с кем попало. Или секреты выпытывает у доверчивых людей?»

Вот над крышами домов, стекла которых крест-накрест обклеены газетными полосками, пролетела стая голубей. Пассажир и это заметил и стал следить за их полетом. А потом стал рассматривать плакаты на стенах домов. На прохожих указывал пальцем седоватый рабочий в блузе и спрашивал: «Что ты сделал сегодня, товарищ, для победы над врагом?» А рядом другой плакат: плешивый человек высунул длиннющий язык. И крупными буквами подпись: «Болтун — находка для шпиона».

Вскоре к парню-следопыту присоединилось несколько мальчишек. Они выросли здесь словно из-под земли.

— Выкрасть бы у него записную книжку,— сказал кто-то из ребят.

— Кулачки видел какие у него,— заметил другой.— Шпионы уси приемы бокса знают. Под солнечное сплетение як двинет или по башке. Ни, хлопцы, ця штука не подходит.

— А может, дядька и не шпион? — роняет белобрысый паренек.

— Смотри, у него же орден!

— Як попугай зарядил: «Орден, орден!» — оборвал его парень в ковбойке.— Шпион любую форму тебе напялит. Понял? И любой документ может предъявить. Вон под Броварами десант словили. Диверсанты, фашисты, а яка форма на них була? Милицейская!..

— Главное, чтоб не вспугнуть,— сказал третий.— А то он свои записки в рот запихнет.

Наконец незнакомый пассажир дошел до трамвая, но не пошел в вагон, увидев ребят, спросил:

— Каким номером можно доехать до улицы Ленина?

Один парень вышел вперед.

вцев

22 января 1964 года исполняется 60 лет со дня рождения замечательного советского писателя Аркадия Гайдара. Это имя хорошо знакомо миллионам людей в нашей стране и за рубежом. Гайдар и сегодня помогает воспитывать юное поколение в духе советского патриотизма, гуманности и дружбы народов.

С первых дней Великой Отечественной войны Гайдар — на фронте. Писатель сражался с гитлеровскими захватчиками как храбрый солдат. Он находился до последнего часа в осажденном Киеве, а затем ушел в партизанский отряд. Сейчас стало многое известно о беспримерном мужестве и отваге этого человека, сражавшегося в тылу врага. Гайдар пал на поле боя смертью героя.

Мы публикуем отрывок из готовящейся к печати книги бывших военных корреспондентов «Комсомольской правды» Мих. Котова и Вл. Ляховского «Всадник, скачущий впереди». Эта книга — страницы фронтовой жизни Аркадия Гайдара.

— Та тут, дядько, рядышком, близко. Не треба ихаты трамваем.

— Не советуешь?

— Ни. Вам який номер?

— Улица Ленина, дом восемь. Ребята, а вы не знаете, как эта улица раньше называлась?

— Она всегда так называлась, — ответил кто-то из ребят.

— Да ну? — улыбнулся незнакомец приветливо, но с затаенной хитрецой.— А Керосинная улица в вашем городе есть?

— Есть,— ответил мальчуган в коротких штанах,— там училище есть...

Он тут же за свое ротозейство получил крепкого тумака в бок.

— Не слухай его, дядько! — вмешался парень в ковбойке. — Брешет пацан. Там при царском режиме офицерню готовили.

— Ишь ты! — качнул головой незнакомец.— Даже такие тонкости тебе знакомы? А может, ты покажешь Фундуклеевскую улицу? Или Дворянскую? Или Полицмейстерскую?

— Ни, такого в нашем Киеве нема, дядько!— замахал руками парень. Он ускорил шаг; незнакомец едва поспевал за ним, тяжело дышал.

Пассажир немало удивился, когда они остановились у дома с вывеской: «Райотдел милиции». На крылечке, обнесенном железными прутьями, стоял милиционер.

— Это кого же вы приволокли? — спросил он у парня, как у старого знакомого.

Тот таинственно зашептал:

— Подозрительный... В полевой сумке блокнот с шифрами... Осмотрите сразу, чтобы он не сховал записи. Нагана на поясе нема, мабуть в карманах ховае.

— Пройдите, гражданин! — строго и повелительно бросил милиционер.

За деревянной перегородкой сидел лысоватый, обросший щетиной дежурный.

— Документы! — не подымая головы, потребовал он.

Такой неожиданный оборот дела совсем не смутил пассажира, наоборот, он как-то светло, без тени обиды и упрека улыбнулся, подмигнул парню, стоявшему у двери, и попросил дежурного деликатно и мягко:

— Я покажу вам документы, но очень прошу удалить этого сердитого гражданина.— И он кивнул в сторону мальчишки.

Дежурный сказал:

— Выдь, пáцан... Когда нужно, позовем. Понял?

Парень засопел и с гордым видом победителя захлопнул за собой дверь.

— Ну, точно? Шпион? — накинулись на него ребята.

— Еще какой! — важно заметил парень. — Переодетый фашист. А по-русски як чешет, чулы? И орден нацепил, шоб таких птенцов охмурять... Военное училище на Керосинной улице... Эх, ты! Хиба не читал: «Болтун — находка для шпиона»?

Лысоватый дежурный за перегородкой, вытерев платком лоб, внимательно прочитал командировочное удостоверение незнакомца, перевел взгляд на него и, снова заглянув в бумажку, вслух нараспев прочитал:

— «Дано писателю тов. Аркадию Петровичу Гайдару в том, что он командируется в Действующую Красную Армию Юго-Западного направления в качестве военного корреспондента «Комсомольской правды», согласно распоряжению Генерального штаба Красной Армии».

Потом он снял телефонную трубку и набрал номер.

— Алло! Это корреспондентский пункт газеты «Комсомольская правда»? Говорят из райотдела милиции. Скажите, вы никого не ждете из Москвы? Странно. К вам пожаловал гость. Кто? Сюрприз... Хорошо. Я пошлю за вами мотоцикл.

— Очная ставка? — улыбнулся Гайдар.

— Не обижайтесь,— ответил дежурный.— Время, сами знаете, какое. И на мальчонку не сердитесь, это наш тимуровский атаман. Закурите! — И он протянул гостю коробку с папиросами.

Через полчаса в комнату вошел невысокого роста черноволосый молодой человек. Дежурный протянул ему документ; тот быстро пробежал бумагу и представился гостю:

— Собкор по Украине... Валерий Шумов. Очень рад!

— Шумов? — переспросил Гайдар.— О, вам уйма приветов! Вы тут уже не собкор, а скорее, военкор... Прифронтовой город. А вы в курсе дела? Знаете, кто меня сюда привел? Нет, это просто по-тряса-юще, честное слово! Видели хлопчиков у крыльца? Это ваши тимуровцы. Они, кажется, серьезно заподозрили меня. Сюжет для пьесы: Гайдар в плену у... тимуровцев. Звучит? А как зовут их атамана?

— Серега Чуб,— ответил дежурный.

— Ловко они меня!— смеялся Гайдар.— Я-то Киев помню, курсантом был... На Керосинной улице. Здание кадетского корпуса. Ну, а в ту пору улицы Ленина не было. Я и спросил. А они, дьяволята, меня сюда.

— Вы уж того... извините, товарищ писатель,— произнес дежурный.— Нескладно получилось.

— Прекрасно получилось! — воскликнул Гайдар.— Здóрово получилось! Эх, посмотрели бы на этих орлят мои противники! Как они сели в лужу со своим пророчеством!..

Он горячо тряс руку дежурному, который никак не мог понять, почему радуется и сияет, как ребенок, этот ясноглазый человек. Другой бы на его месте учинил разнос, заявил протест, жаловался бы начальству, а этот смеется, шутит, еще благодарит, вспоминает каких-то критиков и все время повторяет: «Гей, Тимур! Мы с тобой на коне!»

Стоявший в это время на крыльце Серега Чуб и не догадывался, что происходило в комнате. Он наклонился, чтобы заглянуть в замочную скважину, но в этот момент скрипнула дверь, и на пороге вырос, как монумент, тот самый «подозрительный» пассажир.

— Заходи, дружок, — приглашал его Гайдар.— Операцию ты провел отлично.

Он снял со спины вещевой мешок, заштопанный посредине, развязал его; порылся и вынул книжку.

— Читал? — спросил он.

— А як же! — растерянно и непонятливо оглядывался по сторонам мальчишка.

— Хотел я себе на память оставить эту книжку,— произнес Гайдар.— Дорогá она мне. Видишь, осколок бомбы пронзил ее? И прямо, леший, угораздил в слово «Автобиография». Вырвало это слово. Но ты, дружок, понял, что к чему, про кого речь идет. Вот так и познакомились. Держи. Ты, брат, половчее моего Тимура.

Сергей осторожно протянул руку, не спуская глаз с дежурного милиции. Он принял книгу, открыл обложку и прочел: «Украинскому Тимуру — Сережке Чубу. От пленника Арк. Гайдара. Киев. 21 июля 1941 г. Отделение милиции».

Гайдар положил ему руку на плечо и весело сказал:

— Угадал я тебя, Тимур... На коне мы с тобой, на коне, брат!

Портрет в книге как две капли воды напоминал живого Гайдара, который держал за плечо Серегу. Только на снимке он был в кубанской папахе, в обнимку с пионерами. Тот же орден «Знак Почета» на груди. Та же трубочка в зубах.

— Так це вы и есть письменник Аркадий Петрович Гайдар? — вытаращив глаза, допытывался подросток.— Ой, хлопцы! Вы чулы, кого я зловыв?..

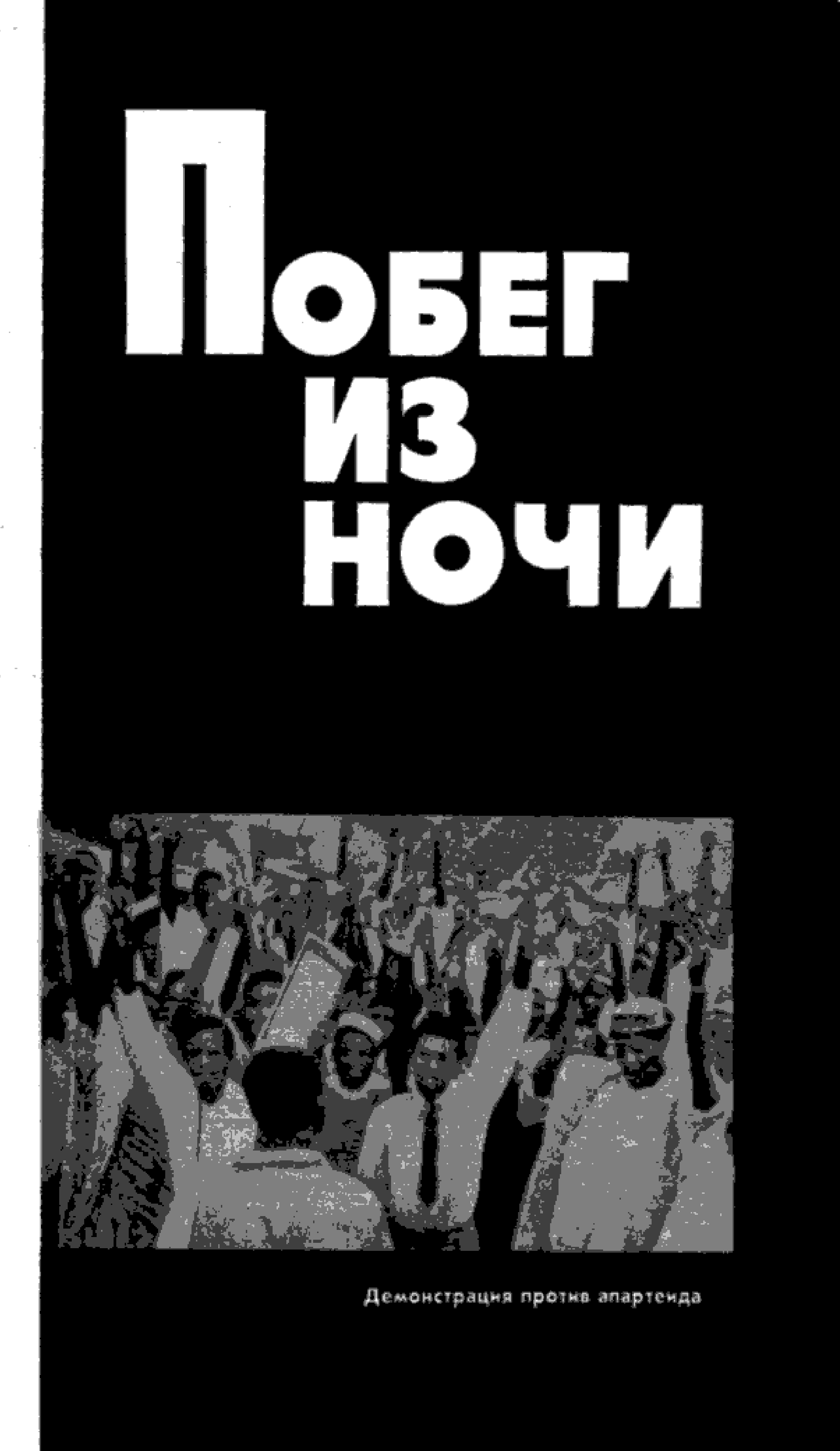
Пряча книжку за пазуху, он выбежал на крыльцо.

А Гайдар, улыбаясь, зашагал по Киеву, к которому уже приближался фронт.

Позднее, когда мы отправлялись с Гайдаром к передовым позициям, он весело вспоминал о своей необычной встрече с украинскими тимуровцами.

Д. ВОЛЬСКИЙ, Вик. КУДРЯВЦЕВ

Побег из ночи

Демонстрация против апартеида

Солнце раскалило черепичные крыши Претории. Но здесь, под тяжелыми сводами зала суда, серый сумрак, и судья с трудом различает лица людей, сидящих за барьером на скамье подсудимых. Черные, шоколадно-смуглые, белые лица. Кожа да кости, воспаленные глаза...

— Нельсон Манделла! — Судья скрещивает взгляд с медленно поднявшимся африканцем.— Вы обвиняетесь в участии в коммунистическом заговоре.

Монотонно, словно воскресную проповедь, читает судья пункты обвинения: организация антиправительственных демонстраций, выпуск противозаконных листовок, призыв к равенству людей с черной и белой кожей... Он обращается к каждому из сидящих на скамье подсудимых. Но вот несколько имен, брошенных в зал, повисают в воздухе. Ответа нет. Да судья и не ждет ответа: многие из обвиняемых отсутствуют. Их судят заочно. «Процессом над призраками» называют расистское судилище, организованное недавно в Претории.

СЛЕД ТЕРЯЕТСЯ В САВАННЕ

Потушив огни, грузовик несся по саванне. Спидометр показывал девяносто километров. Луна и звезды казались нестерпимо яркими. Низкие веерообразные деревья прижимались к безжизненно тихой земле. Проселочная дорога петляла между ними. Она едва угадывалась. И казалось, сумасшедший грузовик мчится сквозь темноту неизвестно куда.

В грузовике было четверо. Они радостно вдыхали стремительно проносившийся ветер. Ведь еще несколько часов назад они дышали могильным воздухом застенков Иоганнесбурга...

В 23 часа 30 минут радио южноафриканской столицы прервало свои передачи. После минутной тишины диктор начал читать экстренное сообщение полиции: «Два часа назад из тюрьмы бежали важные государственные преступники: Артур Голдрейх, Гарольд Вольпе — белые, Муса Мула и Абдулхан Джесат — цветные. Они обвиняются в организации коммунистического заговора с целью свержения законного правительства. Каждый, кто обнаружит преступников, обязан немедленно сообщить властям». Далее перечислялись приметы беглецов. За их поимку назначалось большое вознаграждение.

В этот поздний час вся полиция Южно-Африканской Республики была поднята на ноги. Полицейские машины, бешено сигналя, понеслись по улицам города, уже подготовившегося ко сну. Секретные агенты прочесывали каждую улицу, каждый дом. Они обыскивали кинотеатры, искали за кулисами кабаре и ночных клубов. Всю ночь они рыскали в африканских кварталах, бесцеремонно врывались в лачуги. Несколько десятков человек было арестовано.

На окраине города полицейский патруль наткнулся на четырех монахов в длинных балахонах с капюшонами, направлявшихся к небольшой часовне, построенной еще первыми белыми поселенцами. Один из полицейских решительно направился навстречу.

— А ну-ка, предъявите ваши документы...

— Побойся бога, Стэнли,— остановил его другой.— Следуйте своей дорогой, святые отцы, и пожелайте нам найти тех, кого мы ищем.

— Охотно,— ответил монах.— Да поможет вам бог, дети мои, задержать и обезвредить смутьянов. Аминь.

Через час «монахи» были уже в небольшой роще в нескольких километрах от Иоганнесбурга. На обочине дороги стоял покрытый брезентом грузовик. Четверо мужчин сбросили балахоны. Заревел мотор, и огни города стали быстро удаляться.

Полиция расставила посты на дорогах. Даже в самые мелкие селения были посланы усиленные наряды. Несколько дней продолжалась эта невиданная охота. Каждый день тысячи жителей южноафриканской столицы, торопясь, раскупали по утрам газеты. С надеждой разворачивали их белые плантаторы: «Может быть, наконец схватили?» — с тревогой — в африканских кварталах: «Неужели поймали?»

Но беглецы как сквозь землю провалились. Родная саванна, жаркая и горькая африканская земля, надежно спрятала своих сыновей.

ВЗРЫВ В САМОЛЕТЕ

Вскоре след беглецов обнаружился. В глухом, безлюдном месте они пересекли границу английского владения Бечуаналенда. Здесь вырваться из сетей южноафриканской охранки было уже легче. Помогли друзья. Они зафрахтовали самолет, который направлялся в Дар-эс-Салам, в Танганьику, с посадкой в городе Мбея. Иоганнесбургская полиция узнала об этом, когда оставалось несколько часов до отлета. Полицейский комиссар Ван ден Берг созвал экстренное совещание...

Под крылом появились голубые волны озера Танганьики. А дальше снова горы и горы, с них падают серебряные ленточки водопадов. Опять озера, зеленые пущи тропических лесов. Но вот огромным волнующимся массивом показался в иллюминаторах Индийский океан. Самолет пошел на посадку: Дар-эс-Салам. Танганьика — государство, недавно освободившееся от колониального гнета. Здесь иная обстановка, чем в Бечуаналенде. Здесь не надо таиться от ищеек колонизаторов. Путешественников встречает толпа жителей столицы. Много журналистов. Обнимают, жмут руки. В здании аэровокзала плакаты: «Ваш побег — пощечина фашисту Фервурду!». Тут же устраивается импровизированная пресс-конференция.

Друзья рассказывают о своих приключениях. Радостное возбуждение царит в зале. И вдруг страшной силы взрыв сотрясает воздух. Взорвался самолет, на котором Голдрейх, Вольпе, Мула и Джесат прилетели из Бечуаналенда. Когда самолет приземлился в Мбее, агенты катангской полиции «по просьбе» своих иоганнесбургских коллег подложили в самолет бомбу с часовым механизмом. Если бы они рассчитали более точно или если бы самолет задержался в пути на несколько минут, расисты убили бы борцов за свободу. Теперь же от взрыва самолета никто из них не пострадал, но было ранено семеро детей, игравших около аэродрома.

Позже Вольпе и Голдрейх отправились в Лондон и Париж мобилизовывать европейское общественное мнение на борьбу со средневековьем на юге Африки. Мула и Джесат остались в Танганьике, чтобы отсюда помогать своим братьям, томящимся за железным занавесом Фервурда.

Расправа жандармов Фервурда с темнокожими жителями Иоганнесбурга.

Министр юстиции Форстер за решеткой! Снимок сделан случайно. Но близится час, когда Форстер получит по заслугам и окажется за решеткой на самом деле.

ФОРСТЕР СТАВИТ СИЛКИ

За дело взялся министр юстиции Форстер. «Одни ускользнули, надо поймать других, искусно расставить силки. Иначе — катастрофа». Форстер понимал: карьера кончена, если провалится судебная инсценировка, которую он обещал осуществить уже давно.

Молчаливый референт приносит картотеку «государственных преступников». Увы, не многие карточки можно поставить в ящик с надписью: «Арестованные»... Нельсон Манделла? Он давно уже в тюрьме, прямо оттуда его и доставят в суд. Пойман Уолтер Сисулу, старый соратник Манделлы по Африканскому национальному конгрессу. Но кого еще бросить на скамью подсудимых, если так позорно провалилась полиция, упустившая остальных? Сколько денег потратили на полицию, какое отличное снаряжение выписали для нее из Америки и Европы! Нигде в мире не приходится столько полицейских на каждую сотню жителей. А результат? Нет, видно, нужны иные методы...

И вот в министерстве юстиции стали все чаще появляться молодые и не очень молодые люди, похожие друг на друга, как персонажи гангстерских фильмов. Некоторые из них хорошо известны в Южной Африке, например, Либрандт, грузный детина с переломанным носом, бывший чемпион по боксу. В годы войны он был приговорен к смертной казни за открытую помощь гитлеровцам. Теперь Либрандт стал главой фашистской организации, пользующейся особым покровительством властей. Правда, главари других подобных организаций, например, южноафриканских отделений ку-клукс-клана и английского «движения Мосли», его недолюбливают за грубый нрав и привычку пускать в ход кулаки. «Но это же мелочи! — решили в министерстве юстиции.— Нельзя распылять силы, когда нужно вместе заняться общим делом».

Так в сентябре 1963 года под эгидой министра юстиции Форстера была создана единая террористическая организация расистов, насчитывающая десятки тысяч членов — мужчин и женщин. Белокурых дочерей богатых фермеров можно часто увидеть практикующимися в стрельбе из пистолетов на своих ранчо. Здесь, на этих ранчо, склады оружия, тайно предоставленного полицией, здесь собираются фашисты, здесь они намечают свои жертвы, отсюда отправляются на охоту за «черномазыми» и «выродками» (так именуют белых, выступающих против расизма). Одних приканчивают на месте, других доставляют в полицию. Доказательств виновности, улик не требует никто. Форстеру нужен лишь «человеческий материал» для гигантской судебной инсценировки. Тысячи людей проходят через созданные им застенки. Там отбирают «подходящих», которые должны предстать перед фашистской Фемидой в Претории.

В ПОДВАЛАХ ЮЖНОАФРИКАНСКОГО ГЕСТАПО

Среди схваченных «парнями Либрандта» оказался и молодой африканец Луксмарт Солвандло. Друзья звали его счастливчиком.

И действительно, Солвандло везло. Он сумел получить образование, устроиться на приличную работу. Жизнерадостный, общительный Солвандло был частым и желанным гостем на подпольных собраниях. После одного из таких собраний он и попал в руки расистских молодчиков, а затем в полицию.

Первый же допрос оказался роковым. «Вот человек, который может стать одной из центральных фигур процесса,— решил следователь,— и он у нас заговорит!» С того момента Солвандло потерял счет суткам, дни и ночи слились в сплошную черную мглу, где пытки сменялись тяжелым забытьем, а свинцовый сон — новыми пытками. Ужасы, о которых Солвандло знал лишь понаслышке, стали для него повседневной реальностью.

Однажды глубокой ночью Солвандло на голову натянули мокрый мешок. К скованным рукам привязали провода. Шла минута, другая... Солвандло показалось, что он теряет сознание... И тут нечеловеческая боль пронзила тело. Несчастный забился на каменном полу: через его тело пустили электрический ток.

Боль прекратилась так же внезапно, как началась. «Говори, что знаешь»,— донеслось откуда-то, словно из небытия. Солвандло молчал. Тогда его подняли на ноги, подвесили к потолку и снова пустили ток. И так несчетное число раз.

Ни слова не произнес молодой африканец, ни слова до самой своей смерти. Как кончилась его жизнь, никто не знает. Тюремные власти объявили, что он покончил с собой. Что ж, может быть, и так: даже самому стойкому человеку трудно выдержать то, что выпало на его долю. Но жена Солвандло, когда ей сообщили о его смерти, не поверила версии о самоубийстве. «Он был не из таких! — говорила она потом корреспондентам.— Он боролся до конца. Я уверена, что его убили».

Сведения о судьбе Солвандло проникли в западную печать. И не только о нем. Лондонская газета «Обсервер» поместила интервью с одним из тех, кто вырвался из застенков. Его схватили в июне при попытке пробраться в Бечуаналенд. Затем перевели в Преторию, в тюрьму. А потом?

«Меня душили, мне выкручивали шею, все они били меня кулаками и ногами...»

Кто знает, сколько людей, белых и черных, погибло в казематах Форстера, сколько сошло с ума!

СУД НАЧАЛСЯ!

Официальный Запад, кичащийся своей цивилизацией, закрывает глаза на преступления в ЮАР. Из атлантических портов идут в Кейптаун суда, нагруженные оружием и «полицейским оборудованием». Власти английских колоний, граничащих с ЮАР, помогают вылавливать «политических преступников», бежавших из расистского ада, а в Лондоне, Нью-Йорке, Париже всевозможные «ультра» — духовные братья Фервурда и Форстера — организуют сбор средств на нужды этих палачей. Деньги идут, и немалые. Еще бы! Те, кто их дает, ворочают миллиардами. И они не скупятся, потому что расистские правители продают им за бесценок труд африканцев. Уолл-стрит и Сити хотели бы, чтобы так было всегда.

Но время неумолимо. В те самые дни, когда в Претории начался процесс Нельсона Манделлы и его соратников, в штаб-квартире Организации Объединенных Наций собрался Совет Безопасности ООН. Представитель ЮАР оказался здесь на скамье подсудимых. Не помогли ему и многоопытные западные адвокаты. Совет Безопасности решительно осудил расистскую политику правительства ЮАР, постановил немедленно прекратить снабжение его оружием, рекомендовал другие санкции. По всему миру политические эмигранты из ЮАР развернули кампанию солидарности с южноафриканскими патриотами. В Иоганнесбурге, Претории, Кейптауне под носом у полиции проходят тайные собрания борцов против расизма, разрабатываются новые планы, выковывается непобедимое оружие единства. А из тюрьмы, где содержат Нельсона Манделлу и его друзей, днем и ночью доносятся звуки песен свободы. Узники поют. И близится час, когда их песни прозвучат не за тюремной решеткой, а на просторах Южной Африки, очищенной от скверны расизма.

Ольга ФОКИНА

Моя муза

...Непричесанна, необута,
В давнем памятном сентябре
Ты пришла со мной к институту
И замешкалась у дверей.
Там, на милых лесных полянах,
Ты была весела и смела...
Отраженью ль в дверях стеклянных
Ты уверенность отдала,
Иль каприз, или что другое
Встало вдруг на твоем пути?
Я блуждала в Москве с тоскою,
Я пыталась тебя найти.
Там, меж чистыми родниками,
Было просто тебя находить,
Но холодный асфальт и камень
Не умеют следы хранить.
Свежий снег, закрывая камни,
Мне пытался в беде помочь,
Но его вопреки желаньям
Увозили с рассветом прочь.
Но — не будем искать виноватых! —
Ты вернулась! К столу скорей
И рассказывай, где была ты
Столько месяцев, столько дней.

Белые руки

— Вишь ведь, как тебя изнежили!
Аль сменили там, в Москве?
Словно раньше вы и не жили
На одном сухом куске.
Вишь, какие руки белые,
Ни мозольки не видать,
Что уж экие наделают —
Ни косить теперь, ни жать!
Будто кто каленый камешек
Мне на сердце положил.
— Так ли, нет — пойдем-ка на межу,
Там посмотрим, у межи.
...Целовать бы при свидании
Этот славный клеверок...
Так и быть, давай задание,
Выполняю твой урок!
Дай-ка серп.
Эх, травка-травушка,
Эх, знакомые кусты!
Здравствуй, прежняя забавушка!
Что ж, соседка, встань и ты!
Начинай, а я попробую
От тебя не отставать.
(Не в семье ли хлебороба я
Серп научена держать?)
...Колыхалось в поле марево,
Жалил овод, солнце жгло...
Через час моя Марь-Вановна
Согласилась:
— Тяжело
Мне с тобой тягаться, милая,
Тяжело — не те года,
А была бы с прежней силою,
Не сдалась бы никогда,
Не отстала б...
И опешила,
Кровь увидев на траве.
— Вишь ведь, как тебя изнежили
В белокаменной Москве!..
Марья рвет косынку новую.
— Дай-ка палец завяжу.
Я-то, дура бестолковая...
Да не бойсь, не расскажу!

Вологда.

Рассказы

И. ВАСИЛЕНКО

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

РАССКАЗ МИЛИЦИОНЕРА

Теперь мы редко штрафуем: на сознательность больше полагаемся. А раньше штрафовали всех подряд, только приезжим снисхождение делали. Вот вижу однажды, шагает поперек улицы некий гражданин. Шататься вроде бы и не шатается, но в походке твердости нету. Посвистел я ему, остановил. Спрашиваю:

— Вы почему переходите улицу в неуказанном месте?

— А потому,— отвечает,— что мне жизни своей не жалко.— И смотрит прямо-таки вызывающе.— Пусть хоть «Победа», хоть «Волга» поперек меня проедется, мне решительно все равно.

— Ну что ж,— говорю,— платите рубль.

Вынул я квитанционную книжку, а он жалобно так:

— Товарищ милиционер, так я ж приезжий.

И показывает паспорт.

— Эх, ты,— говорю ему,— жизни не жалко, а рублевку пожалел.

ОПТИМИСТ

Вы удивляетесь, что я в таком возрасте сохраняю жизнерадостность. А чему удивляться? Мне семьдесят восемь лет, следовательно, я уже давно превзошел среднюю продолжительность жизни, и каждый новый день мне выходит вроде подарка. Так как же не радоваться, получая каждый день подарки!

НЕДОУМЕНИЕ

Кто не любит помидоров, особенно если они спелые, тугие, сладкие! Вот таких и купил себе один бухгалтер, когда ездил в Краснодарский край по служебным делам. Полный чемодан привез. Дома собрался позавтракать, раскрыл чемодан, а там среди свежих с пяток подгнивших: в дороге испортились. Бухгалтер отобрал подгнившие, помыл их и съел, а свежих пока не тронул, пожалел. К другому дню еще подгнило немножко. Он и те съел. Так каждый день он съедал портившиеся и оставлял свежие. А когда съел последний, то долго думал, как могло случиться, что ни одного свежего помидора он так и не отведал.

ЗАТЯНУВШАЯСЯ БОЛЕЗНЬ

Во время войны повсеместно читались лекции о сыпном тифе. На одну такую лекцию я пошел со своим товарищем по работе, человеком очень флегматичным. В числе прочих признаков сыпного тифа в инкубационном периоде врач назвал и общее нерасположение к труду. Прослушав лекцию, мой спутник потрясенно сказал:

— А я и не знал, что всю жизнь болею сыпным тифом в инкубационном периоде.

НАПРАСНО СТОНАЛ

С завода в больницу «Скорая помощь» доставила техника: он упал на оголенный электрический провод. Пострадавший стонал, мычал, вскрикивал, жаловался на мучительное жжение в теле. Всех больных взбудоражил.

К вечеру вернулся врач, ездивший на завод, чтобы узнать обстоятельства этого несчастного случая.

При виде его техник еще сильней заметался, застонал.

— А я с доброй вестью,— сказал врач.— Точно установлено, что провод под напряжением не был. Вы просто ушиблись малость.

— Неужели? — воскликнул техник, просияв.— А мне померещилось, будто... Так, говорите, провод не был под напряжением?.. Вот счастье!..

Он перестал стонать, повеселел, рассказал больным анекдот и выписался.

ИСПОВЕДЬ

Сторожиха колхозного птичника воровала цыплят, а в великий пост, говея, исповедовалась в своем прегрешении, и поп Федор охотно ей этот грех отпускал. Когда постановлением колхозников церковь была закрыта, сторожиха отправилась говеть в соседнее село. Исповедываясь, она призналась, что за год выкрала до трех десятков колхозных цыплят.

— А с отцом Федором делилась? — спросил поп, укрыв ее епитрахилью.

— Как же, батюшка, делилась. Почитай, с десяточек ему отнесла в разное время.

— Так пусть же отец Федор и снимает с тебя твой грех, а мне-то какая корысть! Ты ж мне цыпленка не принесла!

Без выдумки

Обозлившись, сторожиха выступила на колхозном собрании и все рассказала.

Председатель спросил собрание:

— Ну как, отпустим Лукерье Сидоровне ее грех?

— Что ж,— сказали колхозники,— коль сама исповедовалась перед колхозом, на первый раз следует отпустить.

И до сих пор, рассказывая об этом, сторожиха говорит:

— Поверите, никогда после церковной исповеди я не шла домой с такой легкой душой, как после того собрания.

ПРЕДВИДЕНИЕ

(Рассказ учителя)

Известно, что слово «иначе» можно произносить и с ударением на первом слоге и с ударением на втором. В нашей школе географ произносил «ина́че», а математик — «и́наче». Ученик Петров заметил это и, отвечая урок географу, говорил «ина́че», а математику — «и́наче». Кто-то из нас, учителей, сказал:

— А Петров далеко пойдет, вот увидите. Но все-таки сорвется.

И действительно, через девять лет Петров уже был директором промторга. А еще год спустя его от руководящей работы отстранили как подхалима и приспособленца.

ПЕРЕУЧЕТ

Ниночка поссорилась со своей подружкой Люсей. Сидела дома надувшись. Бабушка сказала:

— Пойдем, Ниночка, со мной в магазин, купим булочку к чаю.

Пошли. Подергала бабушка ручку двери, а дверь не открывается. Бабушка постучала. Из окна выглянула продавщица и строго сказала:

— Чего стучите? Переучет.

— А чтоб вас! — рассердилась бабушка.

Пришлось идти в другой магазин.

Вернулись домой, сели чай пить. А тут в дверь постучала Люся: мириться пришла. Ниночка мириться не захотела, выглянула из окошка и сказала:

— Чего стучишь? Переучет.

В ОТДЕЛЕ КАДРОВ

Эта характеристика написана той же рукой, что и автобиография. Вы что же, сами написали характеристику на себя?

— Сам. Кто же лучше знает меня, чем я сам!

«НЕ ЗАСЛУЖИВАЮТ»

В районном селе, в аптеке, вывешено объявление:

«Требуется асистент».

— «Ассистент» ведь пишется с двумя «с»,— сказал я.

Не поднимая от конторки головы, заведующий, мрачного вида человек, буркнул:

— С наших и одного хватит.

ШЕЛКОВИЦА

Во дворе большого дома росла шелковица. В ее перистой тени старшие ребята играли в шахматы, а малыши в куклы. Но и те и другие охотно лакомились ее сладкими ягодами, и у всех от этих ягод были черны и руки и губы. Дети росли, делались взрослыми, а их место под шелковицей занимали новые дети.

Однажды над городом пронесся невиданной силы ураган. Буйствуя, он поломал у шелковицы ветки, расщепил ее ствол. Потом понесся дальше — срывать с домов крыши и выворачивать с корнем деревья. Шелковица, еще зеленая, свежая и пышная, беспомощно склонилась к земле. Кузнец Митрофан Ильич огорченно сказал:

— Остается одно: срубить ее под корень топором.

— Не надо рубить, не надо! — закричал маленький Вовка.

— А что ж с ней, Вовочка, делать? — развел кузнец руками.— Она ж безвозвратно поврежденная.

— Надо склеить ее, склеить! — ответил Вовка, готовый слезу пустить.

— Склеить,— усмехнулся кузнец.— Это ж, милый, не кукла.

Но Вовку поддержали другие ребята. Они притащили веревки, проволоку, тряпочки. Там перевязали, здесь подтянули, потом по команде «Взяли!» подняли свое дерево.

Вернувшись с работы, Митрофан Ильич вынул из мешочка металлические обручи и окольцевал ими ствол.

— Ну, Вовка, склеили твою шелковицу,— сказал он.

И раненая шелковица выздоровела. Вовка — уже не Вовка, а младший сержант Советской Армии. Под шелковицей копошатся в песке уже новые Вовки, а она себе живет и живет, все новые и новые ветки отпускает.

Только скрипит под ветром. Но так уж ей, пострадавшей от урагана, положено.

ДРУГ

А, Семен Петрович! Здорово, друг! Вот кстати! Присаживайся! Сегодня моей Анечке тридцать стукнуло, так видишь, какой пирожище сочинили. Ну-с, с чего начнем? Со «Столичной»? С перцовки? Или коньяком откроем зеленую улицу?

— Спасибо, но вынужден отказаться.

— Что так?

— Строго-настрого запретили: язва. Недавно из больницы.

— Вот оно что! Да-а, приятного мало. А может, одну все-таки пропустишь? От одной что ей, твоей язве, поделается!

— И наперстка нельзя. Доктор говорит, даже прободение может случиться. Да и сердце начало пошаливать.

— А ты меньше прислушивайся к сердцу своему. Один профессор сказал моей матушке: «Лучшее лекарство при атеросклерозе — не обращать внимания». Так я налью, а?

— Уволь, Петр Кузьмич, уволь! Я ж себя знаю: выпью одну, а там и счет потеряю. Уж лучше я нарзанчика.

— Нарзанчика! Тоже напиток! Ну, как знаешь, тебе видней. Только вроде бы и неловко получается. Пришел человек в гости, а ему нарзан преподносят. Да еще в такой день. А если старки? Старка, она ничего. Так налить, а?

— Петр Кузьмич, ты ж не хочешь мне зла? Зачем же настаиваешь? Мне и без того осточертели эти боли в желудке.

— Я?! Тебе зла?! Своему лучшему другу?! Да за тебя я хоть в огонь. Но, понимаешь, обидно как-то: столько времени не виделись — и на тебе. Ну, ладно, не буду неволить, пей свой нарзан... А может, все-таки налить, а? Коньяк-то какой! Десятилетней выдержки! Стопочку, а? С лимончиком, а? Анечка, подвинь сюда «Юбилейный». От чего другого, а от «Юбилейного» отказываться, брат, прямо-таки некультурно. Ну, за именинницу! Ура!.. Вот так. Еще одну, а? Теперь уж за твое здоровье. Анечка, налей ему. Каков коньяк, а? Чудо! Ну, выздоравливай!.. Ура!..

Эрмитажные шедевры в Москве

М. АЛПАТОВ,

действительный член Академии художеств Союза ССР

Крупнейшие музеи нашего времени вправе гордиться своими несметными богатствами. Посетитель имеет возможность, не покидая их стен, охватить всю историю мирового искусства, начиная с глубокой древности вплоть до наших дней.

Я сказал: «и м е е т возможность», но лучше сказать: ему «предоставлена возможность». Перед вашими глазами мелькают сотни и сотни произведений искусства. Едва ли не каждое из них заслуживает внимания, но у вас не хватит времени и сил, чтобы остановиться перед каждым. Вы будете чувствовать себя чеховским начальником станции, который с тоской смотрел, как мимо него проносятся вагоны, а сам не мог попасть в те прекрасные места, куда они устремляются.

Сравнение большого музея с железнодорожной станцией может показаться на первый взгляд натяжкой. Между тем — увы! — оно довольно точно. Ведь сила подлинного искусства действительно в том, что оно мысленно переносит нас в далекие и прекрасные края, лишь при условии, если мы ему полностью отдаемся.

Выставки шедевров, которыми с недавнего времени стали обмениваться музеи, заключают в себе лишь небольшое, зато легко обозримое количество первоклассных вещей. И в этом их несомненное преимущество. Ведь в искусстве решающее значение имеет качество, а не количество. Зритель получает возможность при осмотре не торопиться, сосредоточенно рассматривать каждую картину. Он избегает мучительного ощущения мелькающих перед глазами кадров киноленты. За ним остается право уделить каждому шедевру столько внимания, сколько он заслуживает.

В Московском пушкинском музее выставки шедевров — это настоящие праздники искусства. Мы поднимаемся по парадной мраморной лестнице... вступаем в светлый зал с белыми колоннами, подходим к отдельным картинам. С непривычки можно подумать, что они слишком редко развешаны. А между тем нисколько не редко. Пустые стены по сторонам от шедевров звучат как музыкальные паузы, картины от этого выигрывают. Они распускаются, как цветы, вынесенные из темного помещения на воздух, на солнце. Живые цветы — их видишь здесь перед шедеврами — выглядят как законная дань восхищения. Здесь можно понять и слова Делакруа: «Как я обожаю живопись! Одно воспоминание о некоторых картинах переполняет меня чувством, возбуждающим все мое существо, даже тогда, когда я их не вижу: они действуют как редкие и живые воспоминания, уцелевшие на жизненных перепутьях с самых юных лет».

Шедевры! Что такое шедевры? Когда-то шедевром называлось произведение искусства, которое должен был представить молодой художник, чтобы заслужить звание мастера,— что-то вроде его дипломной работы. Мы называем шедевром произведение, в котором уже достигший совершенства великий мастер превзошел самого себя. Когда-то считали, что в возникновении шедевра, помимо знаний и умения мастера, участвует еще и запредельная сила. Для нас музы как вдохновительницы художников и поэтов не больше чем поэтический вымысел. Но, по счастью, слово «вдохновение» не исчезло из лексикона современности. Признаться, мы им порой несколько злоупотребляем.

На последней выставке эрмитажных шедевров в Пушкинском музее представлены были картины выдающихся мастеров фламандской, голландской и испанской школ XVII века. Станковая масляная живопись достигла тогда небывалой высоты. Конечно, выставленные картины, которые можно перечислить по пальцам, не в состоянии дать зрителю представление о всех художественных богатствах того времени. Вместе с тем шедевры — в значительной своей части воспроизведенные в этом номере «Огонька» — позволяют судить не только о характере всей живописи XVII века в целом, но и о разнообразии ее направлений, школ и мастеров.

Рубенс — счастливое, жизнерадостное, щедрое дарование. Он жил в стране, где народно-освободительное движение было подавлено, и вынужден был служить угнетателям, но в творчестве его не угасала природная сила, он тянулся к народным истокам культуры. Этот Гомер в живописи, как его величает Делакруа, проявил себя в самых различных видах живописи: в алтарных образах, в мифологических и исторических картинах, в пейзаже и в портрете,— и всегда он оставался самим собой. Искусство Рубенса привлекает наших современников прежде всего своей бьющей через край жизненностью, хотя в средствах выражения мастер был верным сыном своего века со всеми его условностями.

Не следует оценивать эрмитажную картину «Возчики камней» меркой пейзажа нового времени. В ней нет настроения, которое со времени барбизонцев стало неотъемлемой частью пейзажа. Картина Рубенса расстилается почти как ландкарта, заключает в себе больше, чем может уловить глаз человека. В ней передается не один момент во всей его неповторимости, а несколько различных состояний: слева восходит луна, справа все залито полдневным светом, блестит поверхность реки, и поднимаются холмы, расстилаются далекие поля и равнины. Среднюю, самую широкую часть пейзажа, как в триптихах, окаймляют два боковых крыла. Природа раскрывается нашим глазам как благоустроенное целое. В качестве подобия всего мира картина носит космический характер.

Не будем осуждать Рубенса за его «условности». Постараемся вникнуть в сущность его замысла. Земля вздыблена, закрывает людям путь, но они не сдаются, вступают в единоборство, пытаются пробиться в самые ее недра. Природа у Рубенса как живое существо: каменные массивы громоздятся словно под действием вулканических сил, деревья цепко ухватились корнями за камни и страстно поднимают свои ветви. В самом контрасте дня и ночи угадывается мерное дыхание природы. Красная рубашка возчика, самое звонкое пятно в картине, возвещает близкую победу человека. Удивительное дело! Придворный художник сохранил в себе нечто от мироощущения трудового народа. В этом он достойный преемник Брейгеля Мужицкого.

Свою ученость художника-гуманиста, свое понимание рыцарской доблести, свое виртуозное владение кистью Рубенс проявил в картине «Персей и Андромеда». Чтобы постигнуть ее смысл, нельзя не припомнить древний миф о победителе дракона, которому в награду досталась рука освобожденной им царской дочери. Как и всякая ода, картина Рубенса могла иметь свой адрес, изображение на ту же тему в доме художника намекало на его женитьбу. Богатая эрудиция мастера, зыбкие намеки, высокопарность живописного стиля, холодная безукоризненность исполнения — все это мешает современному зрителю оценить художественные достоинства картины. Но они, бесспорно, имеются. В ней есть та же сила выражения, что и в «Возчиках камней».

Воображение Рубенса! Оно толкало его далеко за пределы того, что каждый может заметить в мире. Небывалое выглядит как нечто вероятное, в преувеличениях нет ничего произвольного, странное сцепление разнородных предметов раскрывает в каждом из них бесконечные перспективы. Обнаженная женщина — это и несчастная пленница и сошедшая с Олимпа богиня, и потому ее нагота носит возвышенный характер. Закованный в броню воин наделен сверхъестественной силой, недаром за его спиной нетерпеливо бьет копытом крылатый конь, а над ним парит небесная посланница с венком в руках.

В построении картины, как в построении классического стиха, есть строгая закономерность. Ее центр совпадает с головой Горгоны на щите героя; фигуры выстроены в ряд, словно сошли с рельефа на триумфальной арке. И вместе с тем все обрисовано волнистыми контурами, и в этом угадывается почерк Рубенса. Андромеда излучает вокруг себя свет и ярким пламенем зажигает красный плащ героя.

Рембрандт (1606—1669). ПОРТРЕТ БАРТЬЕ ДООМЕР.

Рембрандт. ДАВИД И ИОНАФАН.

Питер Пауль Рубенс (1577—1640). КАМЕРИСТКА. ▶

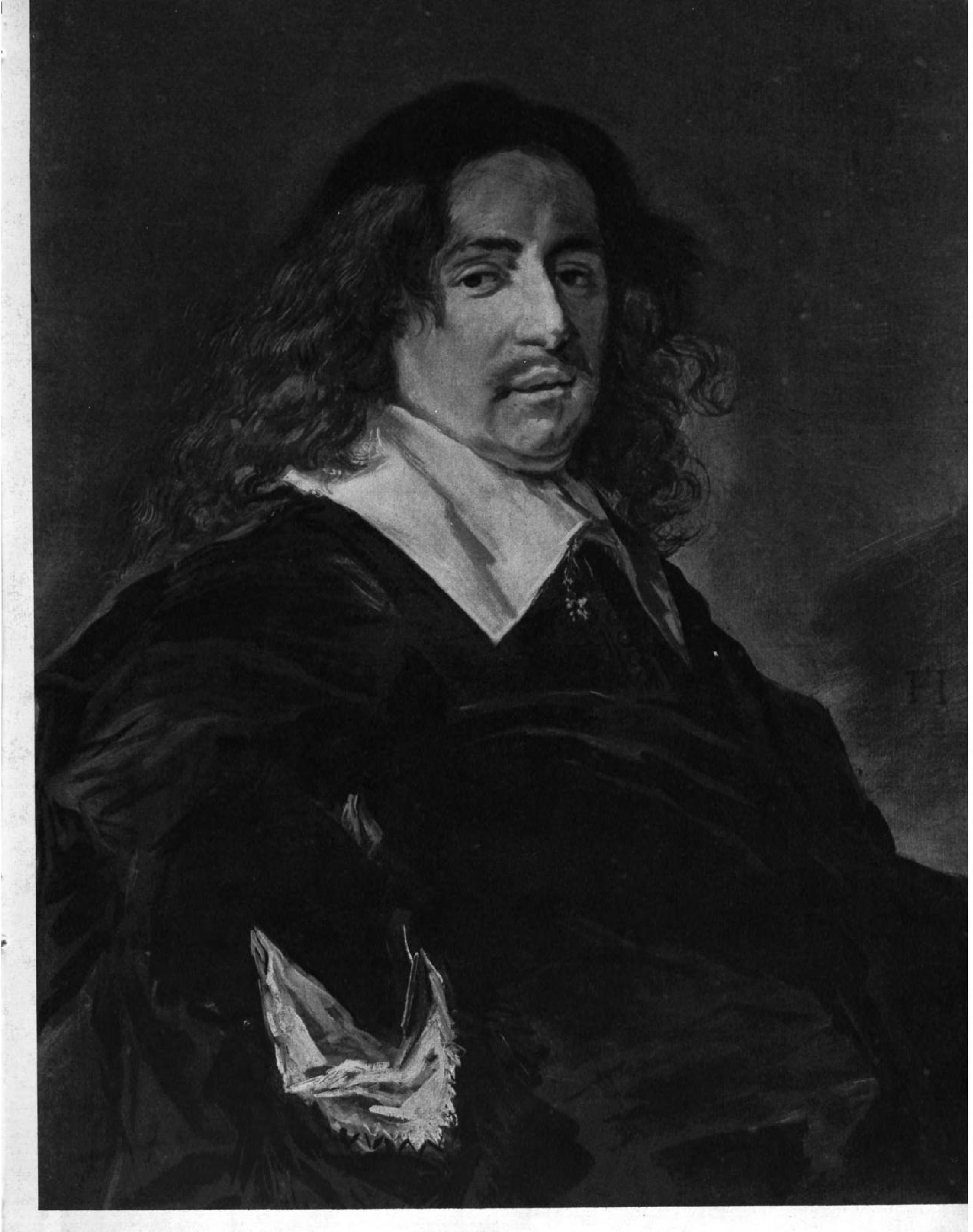
Питер Пауль Рубенс. ВОЗЧИКИ КАМНЕЙ.

ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА.

Герард Терборх (1617—1681). БОКАЛ ЛИМОНАДА.

Франс Гальс (1580—1666). МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ.

Франсиско де Сурбаран (1598—1664). ОТРОЧЕСТВО МАРИИ.

Чтобы вникнуть во все то, что художник вложил в «Персея и Андромеду», требуются комментарии. «Камеристка» не нуждается в них. Это было поистине чудное мгновение, когда художнику в нарядной и чинной толпе придворных приглянулось ее миловидное личико. Разве только тугой, накрахмаленный ворот напоминает о том, что между нами залегли столетия. Но, минуя эту преграду, мы заглядываем в прозрачные серые глаза, из далекого прошлого нас озаряет застенчивая улыбка. Девушка хотя и держится, как придворная дама, но, кажется, готова поведать нам о своем сокровенном. Впрочем, нет необходимости высказывать беспочвенные предположения о ее судьбе, сочинять по поводу картины занимательную новеллу. Рубенс был не рассказчиком, но живописцем, и потому ему достаточно было найти верный тон розового личика, белокурых волос и раскрытых глаз, сохранить прозрачную эмалевость красок, чтобы эти живописные качества картины стали в наших глазах тем, чем в прославленной шекспировской драме являются тревожные и нежные слова Джульетты о песне жаворонка и разгоревшейся утренней заре.

Роль придворного художника не могла оторвать Рубенса от родной почвы. Ван-Дейк был не только по чину придворным художником, он был им и в искусстве. Правда, в ранних произведениях его отличает от учителя только повышенная чуткость к психологическим и красочным оттенкам. Но с годами пребывания при английском дворе кисть его становится все более угодливой и льстивой, взгляд на вещи поверхностным и равнодушным.

Эрмитажный «Семейный портрет» Ван-Дейка выполнен еще до рокового для него пребывания при английском дворе. Художник прекрасно справился с трудной задачей объединить три фигуры поворотом и взглядом ребенка на коленях матери. Справился, говорю я,— и в этом заключается оценка этой картины как типичного заказного произведения. Благопристойность и благообразие, благоприличие и изысканность манер — вот чего ждали заказчики от художника, и этим он их полностью удовлетворял. Вместе с тем характеристика фигур и самое исполнение картины несколько вяло и приглаженно. Это даже не звонкая ода в честь героя, а всего лишь учтивое поздравительное письмо, лишенное сердечности. Когда в наших портретах появляется нечто подобное Ван-Дейку, мы не можем не вспомнить о том, куда привело желание нравиться даже такого одаренного художника.

В бытность свою в Голландии, в Гаарлеме, его, как знатного иностранца, повели осматривать местную достопримечательность — мастерскую Франса Гальса. Нужно сопоставить портрет Ван-Дейка с портретом Франса Гальса, чтобы представить, как трудно было им понять друг друга. Ван-Дейк — это воплощение элегантности и светского этикета. Франс Гальс с его необузданным темпераментом, неподкупной наблюдательностью был буйным певцом буйных голландских стрелков. Эрмитажная картина Гальса относится к его позднему периоду, когда в его работах исчезает веселость и задор, но характеристики стали сложнее, живописный язык еще более непринужденным. В эрмитажном портрете деланная степенность богатого бюргера не настолько выпирает, чтобы оскорбить заказчика, но все же достаточно метко схвачена, чтобы дать понять, что важная осанка — это всего лишь обманчивая видимость. Картина написана негибкой, льстивой кистью, Гальс хлестал ею холст, словно торопясь застенографировать правду своих впечатлений. Возможно, разухабистое письмо Гальса кому-нибудь покажется недозволенной смелостью. Действительно, портрет написан нетвердой рукой старика, но руководила ею неподкупная зоркость глаза нестареющего гения.

В Эрмитаже нет ни одного произведения Вермеера. Трудно утверждать, что Терборх, этот типичный «малый голландец», способен заменить своего великого современника. В картине Терборха «Бокал лимонада» больше мастеровитости и вкуса, чем глубины и прозрения. Вот типичный представитель голландской школы с ее безупречно тонким, гладким и виртуозным письмом. Может быть, для нас, современников цветной фотографии, эта живопись утратила свою привлекательность? Торопливое и легкомысленное суждение! Искусство «малых голландцев»— это прекрасное искусство, способное доставить радость самому взыскательному глазу.

Кокетливая молодая женщина, и рядом с нею кавалер, курносый юнец, услужливо передает бокал. Над ними склонилась старуха, заботливо положив на плечо красотки костлявую руку. Подозрительная заботливость! Больше об этом свидании ничего не скажешь. Допытываться, что должно произойти, значит стать на обманчивый путь домыслов. Между тем и этого одного достаточно. Сценка, которая у другого мастера могла бы выглядеть непристойно, радует у Терборха артистичной изысканностью выполнения. С каким простодушием молодой человек всматривается в кокетливую улыбку женщины! Как робко он касается рукой ее изящной ручки! В картине осязаемо переданы и блеск шелковой юбки и пухлявость белого меха, но в цветовом отношении серебристый шелк, золотистая парча и другие предметы выглядят, как перламутр. В картинах позднейших мастеров галантного жанра, особенно во Франции XVII века, больше действия, более решительна мимика. Зато поэзия Терборха — это поэзия тишины. Он щадит чуткость зрителя и погружает его в состояние созерцательности. Правда, самый предмет искусства Терборха нельзя признать очень значительным. Но ведь большой художник способен превратить в искусство любой предмет, и в этом заключается его победа!

Можно разъяснить художественные достоинства такого мастера, как Терборх. Но как можно «рассказать словами» Рембрандта, какие слова способны передать, что он был величайшим из великих? Знание человеческой души? Но ведь это лишь одно слагаемое его богатой натуры. Мастерство светотени? Но ведь это всего лишь техническое средство. Перед холстами Рембрандта не стыдно признаться, что самые красноречивые слова бессильны и даже звучат кощунством, перед ними рассыпаются в прах самые глубокомысленные теоретические построения.

Эрмитажная картина Рембрандта «Давид и Ионафан». Перед нами мужчина в восточном тюрбане и в длинной одежде на фоне старинного замка, перед ним юноша в парчовом кафтане с дорогим оружием. Прощание, прощение, встреча или примирение? Или же и то, и другое, и третье одновременно?

В картине Рембрандта сквозь черты восточной легенды, сквозь царские наряды и золото парчи проглядывает как нечто главное отношение человека к человеку. Слитность фигур обоих обнимающихся — вот что занимало больше всего художника, вот что рисовало ему его воображение, его мечта.

Терборх, как и другие «малые голландцы», исходил из существования в мире различных вещей, из них он при помощи тонких красочных оттенков слагает гармонию целого. В картинах Рембрандта вещи как бы рождаются из первозданной материи. Свет вырывает их из мрака, но многое остается в его власти. Художник силою вдохновения создает свой поэтический мир. Решающее значение приобретает сопереживание художника, его проникновение в мир силой любви.

Картина Рембрандта «Давид и Ионафан» возникла одновременно с «Ночным дозором», сыгравшим роковую роль в судьбе художника. Молодой Рембрандт не испытал тогда и половины того, что ему было суждено позднее. Но прозорливость гения поистине достойна изумления. В этой картине уже слышатся нотки, которые зазвучат во всю силу в последних работах художника, особенно в его эрмитажном «Блудном сыне».

Почти одновременно с «Давидом и Ионафаном» художнику пришлось писать родителей своего ученика; портрет рамочного мастера Германа Доомера находится ныне в Нью-Йорке, портрет его жены Бартье Доомер-Мартенс — в Эрмитаже. Изобразить немолодую женщину, сухую, морщинистую, с тонкими, плотно сжатыми губами, с ее чопорной манерой держаться и холодным, недоверчивым взглядом, наконец, с отпечатком лицемерной добродетели во всем облике,— это была нелегкая задача. С подобными благоденствующими мещанками у таких людей, как Рембрандт, было мало общего. Но портрет был заказной, требовалось сходство, поэтому нельзя было придать ей черты легендарной пророчицы или, чтобы пробудить к ней симпатию, подчеркнуть в ее облике следы житейских испытаний.

Рембрандт не отступил ни на шаг от действительности, но героем его картины служит не модель, а правда, глубина проникновения художника, волшебное всемогущество его кисти. В «Камеристке» Рубенса нас так подкупает ее миловидность и молодость, что беглость кисти остается незамеченной. В портрете Бартье Мартенс нас больше всего захватывает подвиг Рембрандта, его способность вживаться в человека, чудесный дар претворения увиденного в поэтическую форму. Гоголь знал об этом даре гения по собственному опыту: «В ничтожном великий художник так же велик, как в великом, в презренном у него уже нет презренного, ибо сквозит невидимо сквозь него прекрасная душа создавшего, и презренное уже получило высокое выражение, ибо протекло сквозь чистилище его души».

Сурбаран — это один из самых испанских мастеров испанской школы. Но где же здесь Испания его времени: костры инквизиции, бои быков, придорожные харчевни, пронырливые бродяги, кичливые гидальго и нищие, гордые своей нищетой? В эрмитажной картине перед нашими глазами всего лишь невзрачная, но прелестная своей внутренней чистотой девочка. Отложив рукоделие, эта крошка набожно сложила ручонки и с недетской серьезностью устремила вдаль свои черные, как вишни, глаза. Впрочем, в этой одной фигурке заключена самая сущность Испании того времени, ее страстная вера в то, что высокое и святое пребывает не где-то на небесах, но заключено в обыденных предметах каждодневности. Примерное дитя в картине Сурбарана это и есть дева Мария; дева сошла с облаков и вошла в быт простого человека. Простодушное самообольщение? Во всяком случае, великий художник так переполнен был своим убеждением, что его создание приобрело несравненную силу очарования.

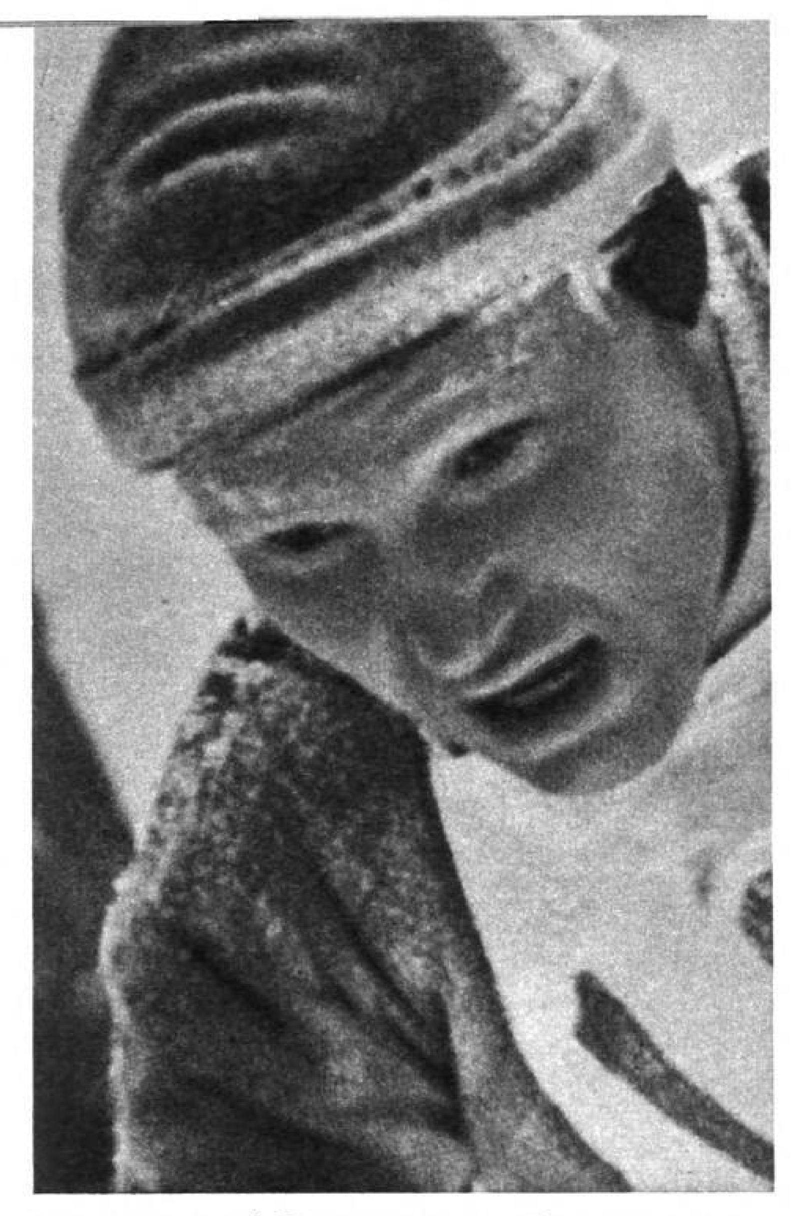
Голландские жанровые картины сравнивали с вогнутым зеркалом: они как бы втягивают нас в себя, в их воздушной среде растворяются фигуры. Наоборот, в картине Сурбарана все представленное настолько выпукло, что к фигурке девочки, как к святыне, можно прикоснуться, она придвинута к самому краю картины, тесная рама почти выталкивает ее вон. Крестьянское простодушие художника уберегло его от театральной патетики барочных мастеров. А сила убежденности спасла от скучной дидактики. Невозмутимое спокойствие, разлитое в картине, повышает ее воздействие.

Курбэ восторгался великим реалистом Испании, но ему самому не всегда удавалось сжать свои впечатления жизни в такую же стройную форму и скупую, звучную красочную гармонию, как это удалось Сурбарану.

Как радостно видеть наши музеи густо заполненными многолюдной толпой посетителей самых различных возрастов и профессий! Ведь это значит, что в наши дни богатства мирового искусства становятся общим достоянием.

Кто желает больше узнать об искусстве и глубже его понимать, тот должен обратиться к искусствоведческой литературе, посещать музеи, слушать пояснения экскурсоводов. Но запомните: самое главное — это самостоятельно разглядывать живопись, вдумываться в нее, по нескольку раз возвращаясь к особенно восхитившим шедеврам.

Франсиско де Сурбаран (1598—1664). ОТРОЧЕСТВО МАРИИ.

Трудная дистанция! Об этом достаточно красноречиво говорит лицо Ивана Утробина.

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

Букву «З» легко принять за цифру «3», и, чтобы этого не случилось, мы должны сразу же предупредить читателя, что речь здесь пойдет о людях, которые должны действовать только на пятерку, иначе им нечего будет делать в австрийском городке Зеефельде, куда они хотели бы поехать.

Итак, речь пойдет о двух буквах «З», и они полностью раскрывают тот большой путь, который пришлось пройти нашим лыжным гонщикам. Этот путь начинался в Златоусте. На Урале лыжники сдавали олимпийский экзамен, доказывали свое право на выступление в Альпах.

От Уральского хребта до Тироля — дистанция огромного размера, и, чтобы убедиться в этом, недостаточно призвать на помощь географию, следует еще воспользоваться услугами истории и притом особой — спортивной. Немало прошло лет, прежде чем наши гонщики смогли доказать, что достаточно сильны для встреч с лучшими гонщиками мира — скандинавами. Сдав экзамен на спортивную зрелость в 1954 году на первенстве мира, команда СССР стала чемпионом VII Олимпийских игр в Кортина д'Ампеццо в эстафетном беге, и с тех пор советские лыжники неизменно занимают призовые места на всех крупных соревнованиях. Правда, после Кортина д'Ампеццо им редко удавалось подниматься на высшую ступеньку пьедестала почета, но на самом пьедестале, рядом с корифеями лыжного спорта, финнами, шведами и норвежцами, советских лыжников привыкли видеть неизменно.

Когда во главе сборной команды стали два наших сильнейших гонщика, завершившие свой спортивный путь,— Николай Аникин и Владимир Кузин, все мы с надеждой стали следить за их усилиями. Мы писали в «Огоньке» в прошлом сезоне, как новое руководство сборной сделало ставку на общефизическую подготовку, на большой объем тренировочных нагрузок. Но прошлой зимой советские лыжники не смогли похвастаться большими успехами. Выиграл гонку в Швеции ветеран команды Павел Колчин, Иван Утробин был третьим на международных соревнованиях в Лахти, а самый молодой член сборной команды, Анатолий Акентьев, показал лучшее время в гонке юниоров в Фалуне. К этому можно прибавить лишь одно: советские лыжники успешно выступили на международных соревнованиях в Ленинграде, но все это не могло перекрыть серьезной неудачи, постигшей их на олимпийской репетиции в Зеефельде.

За год до начала IX Белой олимпиады сильнейшие гонщики проверили свои силы на тирольской лыжне, и результаты двух гонок были поистине сенсационными. На дистанции 15 километров победы впервые в истории лыжного спорта добился итальянский гонщик Марселло де Дориго, оставив за собой и шведов, и норвежцев, и финнов, и советских лыжников. Павел Колчин был лишь десятым в этой гонке, а на дистанции 30 километров норвежец Эйнар Эстбю хоть и занял первое место, но тот же де Дориго был вторым, снова опередив лучших лыжников Скандинавии. Наши гонщики на сей раз не попали даже в число десяти.

Естественно, что, встретившись со старшим тренером сборной команды СССР Николаем Аникиным уже нынешней зимой на гонках в Златоусте, мы прежде всего вспомнили печальные итоги зеефельдских соревнований. Вывод, к которому мы пришли, был таков: успех в Зеефельде итальянцев вполне закономерен, так же как и поражение наших лыжников. Советские спортсмены приехали в Австрию, не успев акклиматизироваться для выступления в трудных высокогорных условиях. А для итальянцев эти условия были вполне привычными: ведь они все уроженцы альпийских высокогорий.

Я вспоминаю, какую сенсацию вызвало на чемпионате мира в Закопане третье место итальянца де Флориана. Как корреспонденты штурмовали тренера итальянцев шведа Бенгта Нильссона. Да, итальянских лыжников вот уже шесть лет готовит один из известнейших в прошлом шведских гонщиков. И, конечно, он сыграл немалую роль в успехе своих питомцев. Так мы и дожили до того, что лыжное обозрение начинаем с рассказа не о финских, шведских и норвежских гонщиках, а с итальянских.

Конечно, в родных для них альпийских местах 26-летний де Дориго и 27-летний де Флориан, гонщики, находящиеся в расцвете своих сил, освоившие все секреты лыжного искусства, будут представлять грозную силу. Но это не значит, что скандинавские гонщики отходят на второй план. Они, как никогда, упорно готовились к новой олимпийской дуэли и полны решимости доказать, что по-прежнему являются корифеями лыжни. Об этом достаточно убедительно говорят вести, доходящие до нас из трех северных стран.

В Финляндии лыжники стали на снег с конца сентября, начав свои тренировки за Полярным кругом. Чемпион мира на 30 километров Ээро Мянтюранта заявил после своей победы: «Чтобы выиграть в Закопане, я пробежал на тренировках 12 000 километров». Видимо, этот рецепт с пользой применили, готовясь к нынешней олимпийской зиме, многие финские лыжники. Во всяком случае, тренер сборной команды Вели Сааринен недавно заявил: «Никогда еще раньше финские лыжники не находились накануне зимы в такой хорошей форме, как сейчас». Наши знакомые Калеви Хямяляйнен, Арто Тиайнен, новая восходящая звезда лыжной Финляндии, Лаури Бергквист, и даже 38-летний ветеран, трехкратный олимпийский чемпион Вейко Хакулинен, готовы к стартам в Зеефельде.

Лыжный союз Швеции отобрал в сборную команду 52 кандидата. Это немало, если учесть, что команда на Олимпийских играх состоит из десяти — двенадцати гонщиков. Лыжником № 1 шведской команды считается Рагнар Перссон (четвертое место на 15 километров в зеефельдской гонке). Хорошо подготовлены Ассар Рёнлунд, Ларс Олсен и молодая надежда Швеции Бьерн Андерссон. Не собирается сходить с лыжни и Сикстен Ернберг. Ему 35 лет, но знаменитый гонщик тренировался, как никогда, много.

Тренер сборной команды Норвегии Кристин Квелло заявил: «Программа тренировок наших ребят по своей напряженности сейчас почти превосходит человеческие силы». Ветеран Х. Бренден, лидер команды Х. Грённинген, победитель зеефельдских соревнований Э. Эстбю уже на боевом взводе. Гонщики отлично изучили особенности тирольской лыжни и, учитывая эти особенности, создали даже совершенно новый тип лыж — облегченные, из бальзамного дерева. Эти лыжи прошли тщательную проверку на прочность и прогиб, и норвежцы заявили, что их лыжи хорошо выдержали испытания. Остается решить еще один вопрос: выдержат ли суровую проверку на прочность и прогиб гонщики, которые будут состязаться в обстановке невиданного напряжения, на трудных горных трассах, на высоте 1 200 метров над уровнем моря.

Этот вопрос волнует сейчас всех любителей лыжного спорта. В скандинавских странах внимательно следят за подготовкой советских лыжников. Сикстен Ернберг сказал: «Пока я ничего не знаю о подготовке русских гонщиков, но не сомневаюсь, что ветеран Павел Колчин будет среди фаворитов, когда дело дойдет до соревнований». К знаменитому шведу присоединил свой голос не менее знаменитый финн Вейко Хакулинен: «Я давно ожидаю появления новых имен в Советском Союзе. Знаю, что там тренируются так же много и упорно, как и в других странах. Сумеют ли русские одержать победу в Инсбруке, мы скоро узнаем».

Советские лыжники, учитывая, что от Урала до Альп путь большой, не торопились выдавать авансы. Они просто готовились, а потом собрались на свою «зачетную сессию» в Златоусте. Урал с его ранним снегом и сложными трассами давно уже стал творческой лабораторией советских лыжников. Вот и на сей раз в районе Златоуста были проложены труднейшие дистанции. Здесь-то мы и увидели будущих участников Олимпийских игр, смогли обменяться мыслями с их воспитателями.

Владимир Кузин — победитель Вейко Хакулинена на чемпионате мира 1954 года — побывал в Австрии в прошедшем сезоне и внимательно познакомился с характером олимпийской трассы. Он считает, что гонки в австрийских Альпах будут проходить в более трудных условиях, чем в Альпах итальянских, и гонщикам потребуется большой запас физических сил, исключительная скоростная выносливость. Чтобы победить на IX Белой олимпиаде, лыжникам надо будет выдерживать высокую скорость от первого до последнего шага. К этому-то Кузин и готовит группу молодых гонщиков. Особенно хорошо подготовлен Анатолий Акентьев. Этот лыжник, которому исполнился всего лишь 21 год, обладает отличными атлетическими качествами (рост — 182 сантиметра, вес — 80 килограммов), и его имя после победы в гонке юниоров в Фалуне сейчас уже хорошо известно за рубежом. Пока менее проявили себя другие воспитанники Кузина: Владимир Кирьянов, Валерий Тараканов, Юрий Чарковский. Не их ли имел в виду Хакулинен, когда говорил о том, что ждет появления в Советском Союзе новых лыжных имен?

Большие надежды возлагает на своих молодых воспитанников старший тренер сборной команды СССР Николай Аникин. Баязит Гизатуллин и Игорь Ворончихин наиболее близко подошли к уровню лидеров нашей команды — Павлу Колчину, Геннадию Ваганову и Ивану Утробину. Вот ведущая тройка команды СССР.

Все они гонщики высокого международного класса и не раз добивались самых почетных побед в СССР, не раз выступали с успехом за рубежом. Они не похожи друг на друга: Колчин не может похвастаться атлетическими данными, но является одним из самых луч-

Геннадий Ваганов на златоустовской лыжне.

ших «техников», и манера его бега исключительно целесообразна. Иван Утробин физически очень сильный гонщик. Но в технике бега еще не сумел избавиться от ряда недостатков. В нынешнем сезоне он много работал над этим и как будто бы успешно. Ну, а Геннадий Ваганов сочетает в себе и хорошие физические данные Утробина и совершенную манеру бега Колчина. Диапазон возможностей Ваганова очень широк: он может показать высокий результат и в лыжном спринте на дистанции 15 километров и хорошо пройти марафонскую трассу — 50 километров. В Златоусте Геннадий Ваганов стал победителем гонки на 30 километров, но имел также все шансы отобрать у Гизатулина и первенство на 15-километровой трассе (ему помешала авария — поломка лыж). И очень скоро после этого Ваганов раскрыл свои возможности на международных гонках в Швеции. Советский лыжник на дистанции 15 километров победил многих скандинавских лыжников, в том числе ветерана С. Ернберга и молодого шведа Р. Перссона.

Мы не касаемся в этом обозрении расстановки сил среди лыжниц по той причине, что советские гонщицы — сильнейшие в мире. Они неизменно побеждали на всех чемпионатах и Олимпийских играх (не везет им только в эстафетах), так что тут все более или менее ясно.

«Зачетная сессия» в Златоусте, конечно, не могла окончательно определить состав сборной команды. На место в ней справедливо претендуют такие сильные гонщики, как Иван Любимов, Александр Губин, Евгений Рудковский и другие. Разве перечислишь имена тех, кто сохраняет все шансы на поездку в Австрию? Только после ряда международных встреч и новых гонок на нашей лыжне окончательно определится состав сборной команды СССР, имена тех, кто, из Златоуста поедет в Зеефельд.

Две маленькие баночки лыжной мази! Как часто в них таится победа!

Государственный тренер по лыжному спорту Виктор Баранов корректирует ход гонщиков с помощью радиостанции.

Ю. ЗУБКОВ

Театральная география города Горького

Это произошло несколько лет назад. В Москве на сцене Кремлевского театра Горьковский театр драмы показывал инсценировку романа Вс. Кочетова «Братья Ершовы». То ли один из участников спектакля заболел, то ли по другим причинам, только на роль Якова Ершова горьковчане пригласили своего земляка, актера народного театра дворца культуры автозавода, старшего технолога В. Рубинского.

И не ошиблись.

Опытным и талантливым артистам-профессионалам не пришлось приноравливаться к любителю, подлаживаться под него. Не произошло и обратного: Рубинский, не снизив художественного уровня ансамбля, вошел в него естественно и органично.

Чем объяснить этот случай? Самородок? Да, самородок.

Рубинского не раз приглашали на профессиональную сцену. А он, равно любя технику и искусство, равно отдает им жар своей души, и силы свои, и время.

Однако же не только этим объясняется удача, но и многолетними театральными традициями города, в которых воспитываются люди, подобные Рубинскому. Теми традициями, которые созданы выдающимися периферийными режиссерами — Н. И. Собольщиковым-Самариным и Н. А. Покровским; замечательными, ныне здравствующими актерами Н. А. Левкоевым, В. А. Соколовским, В. И. Разумовым. Общей атмосферой искони театрального города, благотворно влияющей на развитие и раскрытие художественных талантов.

Отправляешься путешествовать по этому огромному, на многие километры раскинувшемуся городу. Очаги театральной культуры — и в центре, и в Канавине, и на автозаводе, и в Сормове...

В свой 165-й сезон вступил сегодня театр драмы, носящий имя Алексея Максимовича Горького. За шесть с лишним десятилетий нынешнего века театр этот переиграл почти все пьесы своего великого земляка и сейчас снова возвращается к горьковской драматургии.

Репертуар, многообразный, масштабный, идейно богатый, художественно значительный,— одна из коренных и плодотворных традиций и театра драмы и города в целом. Правда, за последние месяцы для афиши театра драмы вдруг стала характерна чрезмерная и даже непонятная, пожалуй, разноголосица. Вслед за самобытной, сильной постановкой «Палаты», заметно укрупнившей достоинства драматургического произведения С. Алешина, театр вдруг обратился к заурядной комедии «Женский монастырь» и решил ее примитивно, ничем не обогатив авторский материал. Рядом с замечательной трагедией В. Шекспира «Ричард III» на афише оказалась пессимистическая пьеса американского драматурга Инджа «Остановка автобуса».

К счастью, подобная разноголосица — отступления от главной линии развития советского искусства — оказалась временной. И хотя инерция последних месяцев еще дает себя знать на афише, зрелый коллектив сумел разобраться в ошибках, начал исправлять их.

Инсценировка романа Доры Павловой «Совесть», поставленная недавно главным режиссером театра Б. Вороновым, является заметным событием в театральной жизни Горького.

Значение этой работы состоит не только в том, что здесь поднята важная тема партийной жизни, показаны образы партийных работников, но и прежде всего в том, что и самый спектакль пронизан духом ленинской партийности, пафосом жизнеутверждения, оптимизмом.

Центральную роль Василия Мартьянова, секретаря партийной организации крупного научно-исследовательского института, играет В. Самойлов — актер большого обаяния и подкупающей простоты. Он создает образ партийного руководителя нового типа. Это человек вдумчивый, кристально честный, принципиальный, отзывчивый. Он зорко и пристально всматривается в окружающих. Кстати, Самойлов играет и в фильме, готовящемся по роману Вс. Кочетова «Секретарь обкома», главную роль — Денисова, секретаря обкома партии.

Актер передает движение мысли и развитие характера Мартьянова, его постепенное гражданское, политическое и человеческое созревание.

Среди многих ярких актерских работ особо хочется выделить в этом спектакле директора института Прошина в исполнении В. Кузнецова и жену Мартьянова Наташу, чей образ создает Э. Суслова. Вот примеры умного, точного раскрытия отрицательных образов, активной и целенаправленной художнической позиции.

Кузнецов отнюдь не торопится развенчивать своего героя. Наоборот, наделяя его приметами внешней обаятельности и размаха, он, так сказать, объясняет причины, позволившие Прошину занять столь высокий пост, пользоваться так долго доверием людей дальновидных и разумных. Постепенно, шаг за шагом обнажает актер истинное лицо Прошина — натуру равнодушную и хищническую, эгоистичную. Столь же тонко и убедительно вскрывает Э. Суслова причины, позволившие закоренелой мещанке стать женой такого человека, как Мартьянов, войти к нему в душу. Актриса создает емкий образ, наделенный большой типической силой.

Традиции театрального города... Традиции города высокой театральной культуры... Именно с ними связаны самые плодотворные, самые дерзкие творческие поиски горьковских театров, все их наиболее значительные идейно-художественные победы. И, напротив, отступление от этих традиций, забвение их неизменно приводят к творческим поражениям, к измельченному и поверхностному изображению жизни.

Более ста раз сыграна на сцене Горьковского театра комедии инсценировка поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», осуществленная К. Вороньковым. Сколько добрых слов услышал я в Горьком об этом спектакле! И не удивительно. В театре комедии работает немало способных, интересных актеров. Встреча с полноценным литературным материалом увлекла их, побудила к творческому поиску.

А вот в водевиле В. Константинова и Б. Рацера «Улыбнись, Света!», поставленном Л. Шарогpадским, возможности коллектива почти не обнаружились. Пьеса эта, построенная на недоразумениях, недоверии героев друг к другу, обильно уснащена скабрезностями. Стремление драматургов рассказать об инициативе студенческой молодежи, создавшей «Бюро добрых услуг», осталось нереализованным. В этом бюро действуют люди неинтересные, неглубокие; помощи другим они, по сути дела, не умеют оказать и не оказывают...

Более приятное впечатление производит в этом же театре постановка комедии Г. Мдивани «Украли консула». Здесь мы встречаемся с живыми людьми и с достоверными коллизиями. Однако молодой режиссер О. Седлецкий в своем прочтении пьесы шел, видимо, не столько от знания жизни, сколько от впечатлений, почерпнутых из итальянских фильмов. В результате социальное содержание комедии, конфликты, характеризующие современную Италию, оказались в спектакле по сравнению с пьесой в значительной мере приглушенными.

Подчеркивая первостепенное значение реалистических театральных традиций Горького, я не могу не сказать, что верность этим традициям или отступление от них зависит в первую очередь от людей, которым доверено руководство театральными коллективами.

В театре комедии уже давно нет главного режиссера,

«Золушка». В заглавной роли — Н. Золотова.

Фото Л. Хлюппе.

«Красные дьяволята». Слева направо: Миша — А. Палеес, Дуняша — Э. Столярчук, Ю-ю — В. Сесекин.

«Егор Булычов и другие». В роли Булычова — В. Рубинский, Шурку играет Ж. Савицкая.

Фото И. Соборовера.

«Украли консула». Лола — А. Белявская, Пепе — Ю. Коган.

«Совесть». Мартьянов — В. Самойлов.

способного верно определить репертуарную линию, объединить творческую мысль актеров. В результате таланты таких зрелых художников, как Е. Волкова и А. Добкевич, а также интересных молодых актеров Э. Иовашвили и Т. Невской, П. Галкина, Ю. Когана и других во многом растрачиваются попусту.

Иначе обстоят дела в театре кукол.

Подлинным праздником искусства является здесь спектакль «Тысяча вторая ночь» Н. Гарнет и К. Шнейда, поставленный Ю. Елисеевым. Эта работа горьковских кукольников обращена ко взрослым. Она насыщена всевозможного рода репризами — остроумными шутками, обращениями героев к зрителю. Осмеивая пережитки прошлого, мешающие людям жить и работать, «Тысяча вторая ночь» радостно возбуждает зрителей; они покидают зал с хорошим, приподнятым настроением.

Подобное же впечатление оставляет балет С. Прокофьева «Золушка», поставленный Театром оперы и балета имени Пушкина (дирижер А. Шморгонер). Это мажорный, красочный спектакль, пронизанный мыслью о торжестве справедливости, о победе добра над злом.

Вообще-то «Золушка» не столь уж частая гостья на сценах периферийных музыкальных театров; к этому балету обращаются обычно только коллективы, обладающие очень сильным ансамблем. Здесь нужна не только высокая техническая подготовка, но и способность к драматическому постижению образов.

Горьковскому театру задача оказалась по плечу. Единственное, в чем можно упрекнуть балетмейстера Л. Серебровскую,— это в несколько аляповатом, сусальном решении финала, не очень отвечающем, как мне кажется, духу и строю музыки Прокофьева.

Рядом с полугротесковыми фигурами, решенными артистами в плане откровенной иронии,— Мачеха (В. Червякова), Старшая сестра (Л. Некрасова), Младшая сестра (О. Архангельская), Учитель танцев (Ю. Мягков) — в спектакле живут трогательная в своей человечности и отзывчивости Золушка (Н. Золотова) и нежный, страстный, окрыленный любовью Принц (Б. Рахманин).

Исполнительница заглавной партии оказывается и превосходной танцовщицей и незаурядной актрисой, как раз способной к драматическому перевоплощению. Б. Рахманин тоже дает ощущение глубоких человеческих чувств своего Принца, раскрывая психологическое содержание роли.

Говоря о Горьковском театре кукол, я не упомянул, считая это само собой разумеющимся, что спектакли, обращенные ко взрослым, подобно «Тысяча второй ночи», являются для него, конечно же, исключением. Основной зритель — детвора. Ей и адресует театр свой репертуар, над созданием которого работает упорно и увлеченно.

Много обаяния в сказке «Друзья», написанной и поставленной Ю. Елисеевым. Сказка эта — разговор с малышами о взаимной выручке и дружбе.

Забота о коммунистическом воспитании подрастающего поколения, о развитии чувств советского патриотизма, воспитании подлинно художественного вкуса характеризует деятельность многих сценических коллективов Горького. Но в первую очередь определяет она деятельность Театра юного зрителя имени Н. К. Крупской, уже ряд лет руководимого В. Витальевым.

Когда строки эти увидят свет, Театр юного зрителя, вероятно, уже вернется в свое помещение, пострадавшее от пожара. Пока же спектакль

«Красные дьяволята» П. Бляхина, А. Полевого и А. Толбузина мне пришлось смотреть в Сормовском дворце культуры. Наивная романтическая история трех подростков, самоотверженно сражавшихся с махновцами в рядах буденновской дивизии, нашла в режиссере Р. Левите чуткого истолкователя. Детвора, заполняющая зрительный зал, живет с героями спектакля одной жизнью, радуется их радостями и печалится их печалями; Мишка-следопыт — А. Палеес и Дуняша-овод — Э. Столярчук становятся любимцами зрителей.

В Горьком есть куда пойти, есть что посмотреть и взрослым и детворе. А особенным любителям театра есть где самим попробовать свои творческие силы. Кроме огромного количества коллективов художественной самодеятельности, в городе существуют три народных театра — дворца культуры автозавода, дома культуры имени Свердлова и клуба имени Кринова. Они органично вписываются в общую театральную географию города, но и выгодно отличаются от иных профессиональных коллективов строгостью и выдержанностью репертуара.

На афише автозаводцев (главный режиссер Н. Никольский) значатся: «Егор Булычов и другие» М. Горького, «Хозяин» И. Соболева; в планах театра «Отелло» В. Шекспира.

В репертуаре клуба имени Кринова (главный режиссер А. Бакуров) — «Горячее сердце» А. Островского.

Попав к автозаводцам на репетицию «Егора Булычова», я особенно остро ощутил естественность и закономерность того самого случая, с которого начал свой разговор.

Да, старший технолог В. Рубинский, играющий Егора Булычова,— по-настоящему одаренный актер. Он обладает и завидным обаянием, и даром перевоплощения, и подлинным мастерством, пришедшим к нему с годами. Осуществленный им образ Егора Булычова — человека, прожившего жизнь «не на той улице»,— отмечен большой трагедийной силой.

Однако В. Рубинский не самое счастливое исключение в коллективе. Чувство ансамбля в высокой мере присуще постановке горьковской пьесы у автозаводцев. Поэтому, вспоминая о работе коллектива, хочется говорить не только о Рубинском, но и об инженере-конструкторе Ж. Савицкой (Шурка), инспекторе Е. Деринской (Ксения), заведующей художественно-постановочной частью театра Т. Миодушевской (Глафира), секретаре партийного бюро литейного корпуса С. Устинове (Мокей Башкин) и многих других участниках постановки. Это токари, плавильщики, плановики, инженеры, технологи... Люди большого завода.

Именно здесь — в плодотворных традициях театрального города, в широте и многообразии его географии — причины того, что актер народного театра так свободно и естественно вошел в спектакль своего профессионального собрата.

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Этот снимок не кадр из фильма. Это один из рабочих моментов съемки «Живых и мертвых» по одноименному роману Константина Симонова. Можно подумать, что режиссер А. Столпер готов вступить в единоборство с немецким трофейным танком, который специально пригнали из музея.

Съемки были вынесены далеко за пределы павильонов «Мосфильма». Этого требовали сами события картины, рассказывающей о подвиге народа в первые годы войны.

Дни экспедиций теперь уже позади. Около двух лет шла работа, в которой принимали участие войсковые соединения, рабочие, колхозники Владимирской и Калининской областей... И для артистов К. Лаврова, А. Папанова, О. Ефремова, А. Глазырина, Ю. Дубровина, Л. Крыловой работа над картиной была школой мужества. Целыми днями не вылезая из окопов, они почернели от пороховой гари.

Для того, чтобы создать правдивую картину о войне, надо быть прежде всего мужественным.

«МОСФИЛЬМ», 1964

Около тридцати полнометражных художественных фильмов плюс телевизионные и короткометражные — таков план «Мосфильма» на новый, 1964 год. А какие названия стоят за этой цифрой?

Давайте войдем в павильоны студии, пока не закрылись толстые двери и не замигали над ними таблички с надписью: «Тихо! Идет съемка!»

ТРИ СЕСТРЫ

Этот павильон теперь называют чеховским. Шуршит под ногами жухлая листва, блестят на дорожках лужи, а сквозь ветви березок проглядывают колонны дома Прозоровых.

В саду за грубым деревянным столом склонился над раскадровкой режиссер Самсон Самсонов и оператор Федор Добронравов.

Свою работу — а это экранизация «Трех сестер» — они считают в какой-то мере экспериментаторской. Удастся ли найти те простые, лаконичные, выразительные средства, которые передадут сложность настроений и мыслей чеховской драмы?

Обдумываются малейшие детали, и каждый съемочный день, каждые новые метры проявленной уже пленки вызывают раздумья и споры.

Большую творческую радость чувствуют актеры, занятые в съемках: Л. Соколова (Ольга), М. Володина (Маша), Т. Мальченко (Ирина), Л. Иванов (Вершинин), Л. Губанов (Андрей Прозоров), О. Стриженов (Тузенбах), В. Дружников (Соленый), Л. Галлис (Кулыгин), А. Ларионова (Наташа).

ЖЕЛЕЗНЫЙ ФЕЛИКС

В заглавной роли нового телевизионного фильма «Железный Феликс» снимался недавний выпускник Щепкинского театрального училища Юльен Балмусов. Когда он смывал грим, многие удивлялись: как это они раньше не замечали портретного сходства молодого артиста с Феликсом Дзержинским?

Сейчас съемки фильма по сценарию Ю. Германа (режиссер М. Анджапаридзе) о начале революционной работы Феликса Эдмундовича подошли к концу.

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ

Не удивляйтесь, если встретите в коридорах «Мосфильма» мальчиков и девочек, каких-то очень уж старообразных либо, наоборот, взрослых, проявляющих странную ребячливость в поведении. Вот и на этой фотографии вы, наверное, узнаете широко известных артистов Л. Шагалову, О. Анофриева, Рину Зеленую, которые, расплющив носы о стекло, как маленькие, заглядывают за дверь кинотеатра, где показывают детскую картину...

Дело в том, что «Мосфильм» снимает сказку! И это не просто сказка, а сказка о потерянном времени. Ставит ее опытный режиссер-сказочник А. Птушко. Злых волшебников, тех самых, которые воровали время у мальчиков и девочек, не умевших его ценить, исполняют: Г. Вицин, В. Телегина, И. Мурзаева, С. Мартинсон.

Я слав
новые ра

Владимир **ПАВЛИНОВ**

Рисунки **Ю. Черепанова.**

ПРОЛОГ

От знойных дюн до северных морей,
Где в скалы бьются льды береговые,
Подобно кораблям без якорей,
Плывут сквозь тучи вышки буровые,
Пылают желтые огни. Гудят
Моторы.
И, глазам своим не веря,
На яркий свет испуганные звери
В немом недоумении глядят.

В тяжелый трактор сядет человек
И по лесу нехоженому мчится,
И прочь летит испуганная птица,
И зверь бежит, бросая свой ночлег.
Уже бараки высятся вдали,
Соляркою туман вечерний пахнет,
И рвутся турбобуры в глубь земли,
Где царь Кощей, хрипя, над златом чахнет.
Царь Щук уходит в глубину реки,
Царь Филин в диком страхе пучит веко,
И наступает царство Человека:
Кощею — смерть:
Пришли буровики!

ТЕНИ НА СНЕГУ

Мы в гремящем трамвае катили до Клиник.
Наши тени,
Ломаясь,
Легли на скамью.
Ты шепнула мне тихо:
— Вернулся, пустынник! —
И нашла
И погладила руку мою.
Ты бежала ко мне полутемным Арбатом.
За тобою спешили снежинок рои.
Белый ветер гулял по сугробам горбатым,
Падал снег
И ложился на плечи твои.
Фонари не спеша выступали из ночи,
Над домами синели снегов купола,
А в снегу,
Становясь то длинней, то короче,
Наша тень перед нами плыла
И плыла.
Опустила луна темно-красное веко,
Прошуршала о стены метель на бегу.
Наша тень,
Словно тень одного человека,
Неподвижно застыла на синем снегу.
А потом разделили нас горы
И реки,
И востоком ко мне повернули страну.
Наша общая тень раздвоилась навеки
И теперь никогда не сольется в одну.

КОМИ

Словно бешеные кони,
Скачут вьюги по кустам.
Я сегодня вспомнил Коми —
Восемь лет я не был там!
Сквозь огни, метель и дымку
Вдоль дороги стороной,
Помню, мы идем в обнимку
После смены в час ночной.
Щеки жег морозец колкий,
Плавал елок хоровод.
Средь тайги, в глухом поселке
Мы встречали Новый год.

Тишину лесную руша,
Пели мы навеселе:
«Хороша была Танюша,
Краше не было в селе».
Тонкий месяца осколок
Пляшет с холоду — ух ты!
Входит Новый год в поселок
Возле города Ухты.
У дороги — снега стенка,
Пальцем тронь — захватит дух.
Как живешь, Васильев Генка,
Мой бурильщик, старый друг?
Лунный лес похож на сцену,
Елки щелкают, как плеть,
И ребята, кончив смену,
Не спеша заходят в клеть.
Вот идут они из душа
И поют навеселе:
«Хороша была Танюша,
Краше не было в селе!»

АРЫСЬ

От любви любви не ищут.
Сам себя не узнаю.
Над Арысью вьюги рыщут,
В окна бьются, в трубы свищут,
Рвутся в комнату мою.
Небо над печной трубою
Непроглядно, как беда.
Мы не встретились с тобою,
Чьим желаньем, чьей судьбою
Занесло меня сюда.
Ни к кому я не ревную,
Не таю я в сердце зла.
Я любил тебя, шальную,
Но ушла ты в степь ночную,
След твой вьюга замела.
Ничего во всей округе,
Кроме ветра в тишине,
Кроме ночи, кроме вьюги,
Кроме горечи разлуки,
Не оставила ты мне!
Только я не беспокоюсь —
Ночь уйдет, светлеет высь.
Не навек застрял мой поезд
В голубом снегу по пояс
Здесь, на станции Арысь!
Ночь согнула месяц в лыжу.
Ветки стукнули в саду.
Я еще листы увижу,
Я еще цветы увижу,
Я еще тебя найду!

НОВЫЕ РАЙОНЫ

Я славлю новые районы.
Они рождаются, как сны:
Светлы оконные проемы,
И солнцем комнаты полны.
И поросль новая взошла!
На стенах сохнут клей и охра,
И свежевымытые окна,
Как голубые зеркала.
Пружинят влажные мостки,
Горчит карбида острый запах,
И постепенно центр Москвы
Смещается на Юго-Запад!
Я славлю новые районы,
Не знающие тишины,
За грохот, голоса и звоны,
За ощущение весны,
За необжитость, необычность,
За свет и свежую листву.
Пускай бульдозеры, набычась,
Ломают дряхлую Москву!
Вот старый дом.
В нем сор и хлам.
В нем жили старые законы,
Висели пыльные иконы,
Грозя, по всем его углам.
Но вот разгон —
И рухнул он!
Пахнуло варевом и паром...
Победа нового над старым —
Диалектический закон!

Над океаном столетий

Двести пятьдесят лет назад родился человек, с именем которого связано начало литовской художественной литературы, Кристионас Донелайтис. Его устами народ высказал то, что прежде выражал в резных скульптурах, в рукодельных тканях, изукрашенных солнцами, цветами, птицами, зверями, в изумительных лирических песнях-дайнах, в сказках, проникнутых великой мечтой.

Когда перечитываешь строфы поэмы Донелайтиса «Времена года», дух захватывает от этого реализма, глубинного, как сама земля, и сочного, как зеленые всходы. А ведь в те времена в Европе царили искусственный классицизм и бесплотный сентиментализм. И среди них вопреки им возникли «Времена года», подобные глыбе земли и крестьянскому хлебу, столь же неповторимо национальные, крестьянски демократичные, как и деревянные скульптуры неведомых умельцев.

На фоне литовских нив и усадеб, словно резные скульптуры, вырастают фигуры сельских тружеников, лентяев и лиходеев-бар. А в центре поэмы — солнечный шар, катящийся через все четыре песни-главы, все объединяющий в цельный и стройный организм.

Поэма, поражающая и нашего современника, глубоко национальна и реалистична в изображении множества ликов жизни, в характеристике людей, в лирических мотивах авторских отступлений, в поэтическом ощущении течения времени, во всей своей монументальной архитектонике.

С первого взгляда описания природы и людей во «Временах года» Донелайтиса могут показаться пасторальными, чем-то напомнить гезиодовские гекзаметры, идиллии англичанина Томсона, немцев Клейста или Виланда. В поэме нет драматического нарастания действия, рассказ течет неторопливо, словно равнинная река, жизнь человека как бы неизменна, только циклически сменяются его труды и настроения. Тщетно было бы искать здесь личной героики, любовных перипетий. Отражая будни сельского быта, поэма кажется мозаикой смелых фресок, где солнце вторгается в жизнь людей, чьи лица омыты потом, людей, подчиненных подъяремному труду.

И все же поэма Донелайтиса отнюдь не собрание фрагментов, а целая философски-поэтическая система, развивающаяся в трех планах. В первом, раздумчиво-философском, основным предметом повествования является Время — цикл четырех времен года. Во втором, повествовательно-эпическом, плане главное действующее лицо — человек. А в третьем, трагически-лирическом,— сам автор. И все три главных действующих лица, объединенные вместе, образуют неразрывное, стройное целое.

Но основным предметом своей поэмы Донелайтис избирает реальную фазу времени: целый год, разделяемый затем на четыре части (так рождаются четыре песни-главы). В этом временном контексте через отдельные характерные эпизоды показана жизнь человека.

«Времена года» — широкое по-

Эдуардас **МЕЖЕЛАЙТИС**

Рисунок В. Юркунаса.

лотно, не копия отдельных житейских сторон, а сложная драма целой жизни. Поэт стремится охватить всю человеческую жизнь во взаимосвязи, протяженности мира и временной бесконечности.

Мироощущение поэта здоровое, крестьянское. Философская точка зрения автора поэмы полностью совпала со здравыми, практическими взглядами рядового землероба. Донелайтис сумел обобщить эти взгляды в конкретных поэтических образах.

Любопытна роль солнца в поэме. Весной оно, «мир будя, поднимается в небо все выше». Летом мы видим его в зените: «...уж солнце теперь на подъем идти перестало и, высоко-высоко задержав колесо огневое, в небе на самой средине, играет, стоя недвижно». Осенью оно поспешно склоняется к закату, а зимой совершенно скрывается от нас. Солнце вырастает в обобщенный символ, и, несмотря на христианское мышление поэта, в поэму из глубины примитивной, языческой мифологии вплетается своеобразный культ живительного солнечного огня. «Солнышко огонь разводит», то есть оно дает начало жизни, как поется в литовских дайнах.

Но рядом с солнцем поэт ставит человека — это чудо из чудес, этого творца всех материальных и духовных благ. Под гениальным пером поэта, как под резцом безымянных умельцев, возникла целая плеяда человеческих типов, трагических и гротескных. И все симпатии поэта на стороне униженных и оскорбленных.

Так наряду с культом солнца поэт создает гуманистический культ человека, равного солнцу по своему творческому началу. Не случайно в поэме и солнце персонифицируется, приобретает образ и подобие человека: идет, взбирается в гору, работает, словно пахарь в поле. Подобно солнцу, порождающему и взращивающему все живое, в том числе и людей, трудится человек на земле. Основа вселенной для поэта — труд, необходимый для становления человека, возвышающий его над всей живой и неживой природой.

Но трезвый, реалистический взгляд Донелайтиса не усматривает в человеческом обществе той гармонии, которую он видит в природе. По отношению к жизни людей у него складываются скептические выводы. Для патриархально настроенного поэта труд — это созидание, достойное восхищения, вызывающее радость. Но результат этого труда далеко не радует Донелайтиса.

Как и у каждого произведения, у поэмы «Времена года» есть своя дата и место рождения, оно передает атмосферу своей эпохи. Донелайтис жил и работал в Восточной Пруссии, большинство населения которой составляли литовцы. Сюда немецкие феодалы принесли крепостную и национальную кабалу. Четко проводя грань между эксплуататорами — прусскими помещиками и эксплуатируемыми — литовскими крестьянами, поэт обнажает национальные и классовые противоречия.

Кристионас Донелайтис клеймит жестокий социально-экономический гнет, придерживается крестьянской идеологии, проникается настроениями землеробов. Под влиянием идей эпохи Возрождения и просвещения поэт, придя к смелым и важным выводам, провозглашает принцип равенства:

Мы-то ведь знаем, небось,
каковыми рождаются люди.
Лапотник так же, как барин,
на свет является голым.
Голым родится король,
как из подданных нищий
последний.
Нищий так же, как барин
хитрейший, рождается глупым.
Кормятся оба они, небось,
молоком материнским,
Оба, барчук на шелках,
на соломе — младенец
крестьянский,
Плачут, пока разуметь они
не начнут мало-мальски.
. . . .
Барин еще никогда с мечом
в руке не рождался.
Из материнского чрева бедняк
не являлся вовеки
Ни с бороною-зубаткой,
ни с вилами,
ни с грабловищем.

Но искренний демократизм поэта, к сожалению, не поднимается до революционного пафоса. Иногда к крепостным обращается не боец-реалист, способный обрисовать судьбу «бураса» и угадать его чаяния, а традиционный несмелый церковный проповедник, не сумевший уйти от интересов своего сословия.

Дидактически морализующая сторона «Времен года» ослабляет справедливое в целом отношение поэта к трудовому люду, снижает красочный реализм поэмы. Предполагается, что К. Донелайтис (протестантский пастор — настоятель прихода) читал свою поэму с церковного амвона во время проповедей. Это было живым общением со слушателями в те времена, когда печатное слово было труднодоступным для крепостного села.

Очаровывает проникновенная скульптурная рельефность поэмы. Великолепно нарисованы картины весеннего пробуждения природы, летней страды, осеннего ненастья. Зримо видишь, слышишь, как «вся перемокла земля и слезами обильными плачет, ибо повозка порой раздирает ей дряблую спину»; как «оси визжат и скрипят и колеса вертятся натужно, вязнут по втулку»; как «куда ни глянь, одна лишь слякоть повсюду, словно кисель на огне, пузырями вскипает под лаптем» или же зимой «озера, пруды на заре поверх затянуло, будто в них стекла повсюду стекольщик вставил искусно... Если теперь понесется телега вскачь по дороге, словно тугой барабан по морозу гремит и грохочет, и, далеко раскатясь, тот гул в голове отдается».

Несмотря на ограниченность воззрений автора, поэма «Времена года» — произведение необычайной силы и красоты. Это крестьянская энциклопедия крепостной эпохи. Это страстный обвинительный акт против крепостничества, политики колонизации. Это — великолепное слово свидетеля-очевидца перед судом истории, слово об обесчеловечивании человека, слово в защиту человека, которое служит высшей цели — освобождению человека, возвращению его достоинства. Вот почему поэма стала неподражаемым памятником национальной культуры, а ее гениальный автор — основоположником литовской художественной литературы. Его надо также считать не только зачинателем животворнейшего реалистического направления в литовской литературе, но и выдающимся представителем реализма в литературе европейских народов. На фоне той эпохи он выделяется как самобытнейшее явление.

«Чайка» открыта всем

За два-три года «Чайка» стала любимым домом жителей Карантина — феодосийской окраины.

...Когда Мария Гордеевна овдовела, весь Карантин искренне оплакивал ее утрату. Соседи со всей окраины знали хорошо супругов Качко — забегали за газетой, последней книжкой, свежим номером журнала, проводили в их доме вечера. Качко, в прошлом директор крупного сибирского вуза, человек был больной; по болезни он и в Феодосию переехал. Его любовь к людям, к жизни сделала дом Качко самым гостеприимным на Карантине.

В тяжелые, скорбные раздумья Марии Гордеевны об одиночестве вторгалась тревожная мысль о знакомых ребятишках, с которыми дружил ее муж. Коммунистка с сорокалетним стажем и в свои 70 лет чувствовала ответственность за жизнь, которая шла рядом с ней. Мальчишки с утра до ночи гоняют по улицам, дразнят собак, играют в «пятак» и в карты, тут груши в чьем-то саду пообрывали, сломали молодые деревца, недавно посаженные вдоль улицы. А ведь нужно детей занять. Если приобщить этих ребят к прекрасному миру книг, искусства, спорта... Кто-то должен положить этому начало. Ну, для спорта она стара — пусть этим займутся люди помоложе (и занялись: через год с помощью ребят выстроили спортплощадку). Но литература, искусство...

И снова открылись двери дома Качко: Мария Гордеевна приглашала всех приходить, пользоваться ее библиотекой. Желающих оказалось так много, что вскоре книг не стало хватать. Тогда впервые Мария Гордеевна почувствовала, что людям дорого дело, которое она затеяла. Соседи по улице бросили клич: создадим общественную библиотеку. И книжный фонд Качко стал стремительно пополняться. Одной Марии Гордеевне было уже трудно справляться с работой, и она начала прибегать к помощи ребят из старших классов.

Но главную свою заботу и активисты и Мария Гордеевна видели в том, чтобы как можно больше ребят привлечь в библиотеку, научить чувствовать красоту художественного слова. И опять раздаются в доме и во дворе шумные споры: это дети проводят читательские конференции, обсуждают новые книги, спорят о героях — словом, волнуются, увлекаются, думают. Мария Гордеевна могла бы считать свой долг выполненным, но оставались малыши. Чем их занять?

Здесь, на окраине города,— молельный дом баптистов. Влияния этой секты на ребят и боялась Мария Гордеевна: долго ли ребятишкам заморочить голову всякими религиозными бреднями!

Что же придумать такое, чтобы вызвать интерес у ребят?

Кино, свое, детское кино! Но тут же эта мысль показалась малореальной. Все же на заседании уличного комитета она сказала об этом товарищам. Некоторые сразу же отказались от такой идеи: где взять киномехаников, кто даст в прокат фильмы? Наконец, нет даже помещения. А другие задумались. Кинотеатр «Крым» мог бы помочь с прокатом. В детском кинотеатре «Пионер», может быть, обучат на киномехаников ребят с Карантина. Вот как быть с помещением?

— Возьмите часть моего дома,— вырвалось у Качко. Вырвалось как бы внезапно, от радости, что идея не погасла, что ее поняли, поддержали. Но и до сих пор Мария Гордеевна считает это самым обдуманным, самым значительным своим решением.

Через несколько дней над входной дверью свежевыбеленного домика Качко появилась надпись: «Кинотеатр «Чайка».

Когда давали название, оно еще не вызывало никаких космических ассоциаций. Просто образ легкой, белокрылой птицы звал в полет, в поиск неизведанного, прекрасного. Но с тех пор, как из космоса донеслось «Я — «Чайка», ребята считают, что назван так кинотеатр в честь Валентины Терешковой.

Детвора повалила к дому Качко толпой. Шутка ли сказать — свой собственный кинотеатр! Детский не только по репертуару, но и по возрасту сотрудников. Есть в нем директор — пионер Валя Лаврук, и администратор — его друг Костя Кубрик, и, конечно, киномеханик — Толя Коряков. Как вести кинохозяйство, оформлять зал, продавать и контролировать билеты (посоветовавшись, решили ввести небольшую плату — 5 копеек) — всему этому ребят научили шефы из кинотеатра «Крым». А работники «Пионера» на общественных началах организовали курсы киномехаников для ребят, потому что в городе стали открываться и другие дворовые кинотеатры.

После просмотров много вопросов. Учителя, которые помогают Марии Гордеевне, вместе с ней ведут беседы с ребятами. Но вопросов возникало все больше. Попросили феодосийское общество «Знание» прислать лекторов. Открылся лекторий — два раза в неделю. И, наверно, не случайно стала глохнуть деятельность молельного дома баптистов, вскоре он и совсем закрылся.

...А двери «Чайки» широко открыты. Умные и щедрые сердцем люди сделали этот дом привлекательным для малышей и взрослых.

А. БАСКИНА

Фото А. Кветного.

Д. Н. МАМЛЕЕВ,
управляющий трестом «Череповецметаллургстрой», заслуженный строитель РСФСР, Герой Социалистического Труда

...Не поле перейти

Все началось с почты

Строитель, человек беспокойной профессии, не часто позволяет себе предаваться воспоминаниям. Обычно куда острее думается о том, что происходит сейчас. Так и в этот вечер мне не давали покоя всякие неполадки на строительстве. Но мысли о прошлом разбудила Христина Яковлевна, моя жена. Вечер был обычный. Над Череповцом в высоком, без облаков, небе расстелился огромный северный закат, шумела молодежь на площади Металлургов, а Христина Яковлевна читала газету со статьей о героях штурма Берлина.

— ...Дима, помнишь сорок пятый год, Рыбинск, две бутылки шампанского?.. Неужели прошло столько лет?

Конечно, я помнил. Все помнил. Человеческая память — свидетель упрямый и жестокий. Какие бы пути ни пролегли за плечами, она свято хранит черты единственного уголка земли, где началось и промелькнуло утро жизни — детство. Мое прошло в Белебее. Обычное детство босоногого мальчишки.

Щедра и прекрасна земля Башкирии, но жилось на этой земле тяжко. Хуже всего было нам, ее исконным хозяевам, башкирам и татарам, которых чванные «столпы Российской империи» презрительно именовали «инородцами». Трудно вспоминать об этом, но так было.

Вечный труженик, хлебороб, мой отец всю жизнь выбивался из сил, чтобы с крошечного пригородного надела как-то прокормить множество наших ртов. Пределом его мечтаний в те годы был «человек с кокардой», акцизный чиновник, телеграфист, а то, чего доброго, и почтмейстер волостного масштаба. Так что выбор был сделан: почта. Но и это пришло не сразу. По березовым колкам и дубравам, по башкирским степям катились волны белогвардейщины и бандитизма. Тут, честно говоря, было не до учебы.

Лишь в 1924 году я окончил семилетку, курсы связистов и в 1925 году уже был «почтовым чиновником». Мечта отца сбылась.

Низкорослый степной конек бойко пылит по дороге. Тарахтят дрожки, а на поясе облупленный «наган» — предмет нестерпимой зависти сверстников и робкого почтения сверстниц. Однако я начал понимать, что времена пошли совершенно иные и не так уж ловко здоровому двадцатилетнему парню развозить по селам и деревенькам чужие посылки. В августе 1926 года отдел нацменьшинств ВЦИК СССР направил меня на рабфак: из неоглядных башкирских степей я попал на берега Невы.

Укрепрайон

Нас, студентов-старшекурсников Института промышленного строительства, направили на практику в один из укрепленных районов Карельского перешейка не случайно: время было тревожное. Слишком много загребущих рук тянулось к Ленинграду с чужой стороны. Работа на оборонных сооружениях привлекла меня возможностями железобетона, которые я впервые начал постигать. Хотелось сделать быстро, хорошо, красиво. Верно, на красоту начальники мои не особенно-то обращали внимание. Иван Иванович К., начштаба, мужчина богатырского сложения, снисходительно поглядывал на меня с высоты своего завидного роста и бубнил:

— Красота, батенька мой,—чушь собачья! Прочность, неуязвимость, тактическое совершенство — вот альфа и омега оборонного сооружения.

Работы уже заканчивались, когда выяснилось, что все пошло насмарку: схема укрепрайона стала известна на «той» стороне. Надо все переделывать...

Приехал командующий округом. Меньше всего я думал, что он заметит меня. Оказывается, заметил.

Депутат Д. Н. Мамлеев на сессии Верховного Совета РСФСР.
Фото А. Ляпина.

Речь его была предельно скупой:

— Инженер, парень?

— Н-нет... Пока еще практикант...

— Так вот...— Он огромной ладонью придавил к столу генеральную схему района.— Два месяца срока. Переделать батареи, огневые точки, пулеметные бункера, узлы связи, коммуникации. Чтобы все было неожиданно и ново. Рокадные дороги перенесешь вот сюда... Ясно?

— М-м-минуточку, товарищ командующий,— с трудом выдавил я.— Ведь я не инженер... Тем более не военный инженер. Не смогу...

— Сможешь! — перебил он.— Пойми, хлопец, это очень нужно. Очень! Ведь ты комсомолец... Кому же поручать? Словом, добавлю четверо суток на пересмотр проекта. Дам два полка, три училища. Все! Исполняйте, товарищ Мамлеев!

— Постараюсь, — пробормотал я, огорошенный до крайности.

Командующий впервые улыбнулся.

— Положено отвечать: так точно! Ну, я пока не уеду. Проект пересмотрим вместе.

— А институт?..— взмолился я, цепляясь за последнюю соломинку.

Командующий отмахнулся.

— Ерунда! Сергей Миронович позвонит декану. Дадим характеристику, справки. Теперь все?

Он не уехал и на восьмые сутки. Не помню, были ли в этом непрерывном восьмисуточном дне сон, отдых, какая-нибудь еда. Кажется, что-то было. Затем два месяца я метался с объекта на объект на дребезжащем «козлике», верхом, пешком, как придется. В моем подчинении оказались инженерные полки, саперные училища, масса людей и средств. Не понимаю, как я справился со всем.

В сизый осенний день комиссия принимала законченный рубеж, и начштаба Иван Иванович К. степенно гладил усы.

— Ну, Мамлеев, все сделано вполне. Теперь призовем тебя в кадры, пошлем в академию...

Вот когда я по-настоящему перепугался!

— Что вы?! Какой из меня военный? Даже на физзарядке через правое плечо поворачиваюсь, ну и вообще...

— Что «вообще»?—ухмыльнулся командующий, сосредоточенно сосавший папиросу.

Я расхрабрился и бухнул:

— Не люблю военную службу... Кроме того...— Слов не хватило. Я беспомощно повертел пальцами и, запинаясь, договорил: — Чтобы создавать, а не это самое... Словом, не разрушать...

— Мальчишка! — гневно вскинулся Иван Иванович, но командующий остановил его коротким взмахом руки.

— Мальчишка? А район построен! Пусть уезжает, пусть учится, как хочет...— Он иронически прищурился на мои сугубо штатские штаны.— А вот одеть его надо. Лучшую командирскую форму. Только петлицы спороть. И сапоги... хромовые! Ясно? Исполняйте!

Так я стал обладателем превосходного костюма и сапог, что по тому времени было неслыханной ценностью.

Две бутылки шампанского

Восьмую годовщину свадьбы мы с Христиной Яковлевной собирались праздновать на Ижоре в воскресенье. Накануне я купил бутылку шампанского, не подозревая, что это воскресенье разделит жизнь на две половины. В первой осталось все, что было до войны. Во второй — война!

Грустно оборвалось наше маленькое семейное торжество, и, не сговариваясь, мы с Тиной решили одинаково: шампанское — в чемодан. Может быть, разопьем его в День победы.

На фронт меня не пустили, и в сентябре сорок первого в чистом поле под Уфой мы уже возводили стены и перекрытия над работающими станками.

Для каждого организатора-строителя процесс новой стройки делится на три этапа: создание коллектива, базы и, наконец, самой стройки. В войну все это смести-

лось во времени: стране нужны были новые заводы, способные давать вооружение.

Однажды ночью ко мне ворвался начальник техотдела треста Александр Петрович. Размахивая бутылкой шампанского, он с порога закричал:

— Думаешь орден зажилить? (Меня тогда наградили первым орденом Красного Знамени.) Не выйдет! Пронюхал! Христина Яковлевна, матушка, давайте скорее стаканы!

Он сел на табуретку и засопел, откручивая на бутылке проволочки. Христина, смеясь, отняла у него бутылку.

— Не дам! Шампанское — штука редкая. Разопьем в День победы!

Александр Петрович озадаченно покрутил головой.

— Ну да! А ежели я не доживу до этого дня?

— Доживешь,— успокоил я.— Здесь нас не бомбят, а кирпичи на голову валятся только ротозеям. Садись, чайком побалуемся.

Долгожданный день мира застал нас уже в Рыбинске, где мне поручили строительный трест, залечивавший раны, нанесенные жесточайшими бомбежками. Обе бутылки шампанского в тот день пришлись кстати.

Невская рапсодия

На восстановление Ленинграда меня перебросили ранней весной 1946 года. Искалеченный город, взорванные дома, руины заводов. Восстанавливать выгоревшее, разрушенное, начиненное невзорвавшимися бомбами и снарядами могли только люди очень терпеливые, осторожные, обладающие ювелирным мастерством. А город ничего не мог дать нам, кроме молодежи, пережившей блокаду. По существу, город и заводы приходилось создавать заново, проектируя на ходу. Тресту дали право вызывать в Ленинград людей. Это оказался рычаг огромной силы, но жилья практически не было. Секретарь Ленинградского горкома партии говорил нам:

— Трудно, но людей ищите. Понимаете, заводы должны быть. Нет Ленинграда без симфонии заводских гудков!

И мы искали. Но не все было гладко. Кроме нужных, в наш трест старались попасть и случайные люди, не думающие ни о чем, кроме собственной выгоды. Увольняли и «чистили» кадры довольно жестко, и кто-то даже пустил не очень приятную формулу: «Мамлеево побоище!» Секретарь горкома услыхал об этом и рассмеялся.

— Держись, Мамлеев! Есть люди, убежденные, что все на свете продается и покупается. Гони прочь! А симфония, брат ты мой, за вами!

Весенним утром взревел гудок восстановленного нами завода. Ему где-то откликнулся второй. В их могучие басы тонкой ниточкой вплелась сирена химического комбината. Борис Андреевич, главный инженер треста, вытянул острый нос, прислушался и с нежностью вздохнул.

— Оживает Ленинград! Ну, вот тебе и симфония. Звони в горком, пусть послушают.

— М-да! Это еще не симфония. Симфония — вещь более могущественная. А это... Ну, как тебе сказать? Рапсодия, что ли? Не буду звонить! Симфония еще за нами.

Череповец

Павел Александрович Юдин, министр, сердито погладил щеку.

— О Ленинграде забудь, товарищ Мамлеев! Объект закончат сами...— Он помолчал, подумал и тихо добавил: — Можно в Москву, начальником главка, или...— Он снова помолчал и совсем тихо закончил: — Или Череповец, хотя там еще кола не забивали. Одни перспективы, но очень богатые. Как ты думаешь?

— Я почти не занимался строительством металлургии,— ответил я.

Заведующий отделом ЦК партии, в кабинете которого шел этот нелегкий разговор, поднял утомленное лицо.

— Пожалуй, нет и не может быть задачи увлекательнее, так сказать, краше судьбы строителя-организатора — создать на новом месте огромный металлургический комплекс и одновременно построить город. Построить и собственными глазами увидеть, как вошла жизнь в заводские цеха, как осветились многоэтажные дома, зазеленели парки, которых никогда не было раньше. Черт подери, это увлекательно! Я завидую вам, товарищ Мамлеев!

Он оказался мечтателем, этот суровый человек.

— Но имей в виду,— говорил тогда мне министр,— это не простая большая стройка. Череповец должен стать школой многих строек, если угодно — строительно-монтажным университетом. Учить людей, как нужно строить промышленность и быт. С таких позиций и будем рассматривать твою череповецкую епархию. Договорились?

Строить крупный металлургический завод с полным циклом — дело нешуточное. Тут не ограничишься привычными методами организации строительно-монтажного производства. Нужны иные приемы, иные, более интенсивные методы, иные нормы. Жизнь потребовала по самому большому счету переоценки ценностей. И поиска.

«Узловые» конфликты

Семен Осипович Резников покатал по столу карандаш, ухмыльнулся.

— Знаешь, Дмитрий, только в романах здорово пишут про конфликты. В жизни это куда огорчительнее. Но ничего не попишешь. Завод нельзя строить в детских штанишках. Будем воевать вместе.

Собственно говоря, Череповецкий металлургический завод уже работал. Давно был выдан первый чугун, давно чадила ТЭЦ, извергая из труб кубические километры сероватого дыма, была первая сталь, монтировался универсальный блюминг, строился и бурно рос новый городок. Но возникали и неурядицы и препятствия, которые Семен Осипович объединял понятием «конфликты». Можно сказать, что вся жизнь руководителя стройки или завода состоит из бесконечных цепочек конфликтов, но они всегда разные, и поэтому голос Семена Осиповича звучал тревожно, хотя и пробивались в нем привычные ворчливые нотки. Конфликт, о котором шла речь, был, что называется, «узловой», принципиальный.

Родился он не у нас, в Череповце. Кое-кому из теоретиков планирования показалось, что наш первый чугун слишком дорог, что завод вообще выстроен не на месте, что он не может стать рентабельным, а значит, стройку нужно сокращать до минимума и поскорее заканчивать.

Нет смысла детализировать эту грустную повесть. «Теоретиков» давным-давно опровергла жизнь, и они успокоились после того, как государственная комиссия под руководством покойного академика Бардина четко определила, что только законченный цикл завода может дать дешевую и неуязвимо рентабельную продукцию. Но вся эта история нам с Семеном Осиповичем испортила много крови. Мы знали, что рентабельность завода, работающего на привозных оленегорских рудах и привозных печорских углях, станет неуязвимой только при условии его максимального расширения, при увеличении мощности, при выдаче проката и широкой переработке металла в полуфабрикат, в заготовки, в метизы и конструкции. Иными словами, завод в Череповце не планировали как чугунолитейный, и он не мог быть только поставщиком чугуна. И вдруг вместо расширения — сокращение. Мы понимали, что в государственном планировании лишняя проверка не помеха и все станет на место. Однако «узловой» конфликт тянул за собой множество мелких.

С Семеном Осиповичем Резниковым, директором строящегося завода, мы подружились уже здесь, в Череповце. Не часто бывает, что «заказчик» и «подрядчик» тянут общее дело, так сказать, двойной тягой. У нас сложилось именно так, и директор завода не гнушался посещать бурные «оперативки» строителей.

Секретарь горкома Романов, услыхав, что стройка «спорная», решил торопить события. Первые стычки с ним произошли по странному поводу. Обеспечивая разворот строительства, наш трест создал мощную производственную базу, а Романов усматривал в этом не более как разбазаривание государственных средств.

— Трест «Металлургстрой» —

Фото А. БОЧИНИНА.

Самые разные представления связаны у ребят со словом «каникулы». Разные, но, безусловно, радостные, веселые. Ведь все кино, театры, клубы в их распоряжении. Деды-морозы и снегурочки забавляют малышей у чудесных, разукрашенных елок: рассказывают интересные сказки и истории, раздают подарки... А для старшеклассников подарки уже пройденный этап, они танцуют и поют, разгадывают викторины и слушают лекции о достижениях науки и техники...

Во всех дворах мелькают хоккейные клюшки, неважно, что лед некрепок, и на дворе тепло! В метро и электричках тесно от рюкзаков и лыж. Все санатории, дома отдыха и лагеря заполнены школьниками.

...Белый снежок весело похрустывает под ногами — за городом снега хоть отбавляй! Снег осыпается с деревьев, блестит тоненькими искрами на солнце... Ох и легко из него лепить снежки! Прямо, как снаряды, попадают они в цель! Термос с горячим чаем, буханка хлеба — ведь не разносолы нужны, чтобы поесть на привале! Перекусили, и дальше в лес, подымать снежную целину!

Как один день пролетели каникулы. Конечно, как всегда, не хватило времени на самое интересное! Но... отдохнули ребята хорошо, а теперь можно и снова приниматься за уроки.

Т. НИКОЛАЕВА

организация временная. Городу ваши подсобные предприятия ни к чему.

Вскоре завод начал набирать темпы, дешевле и качественнее стала продукция, а конфликт решила комиссия академика Бардина. Вологодский областной комитет партии нас поддерживал, к руководству городской парторганизацией пришел Леонид Николаевич Рудаков, человек широкого кругозора.

И тут началась «жилищная эпопея». Проектировщики собирались застроить город двухэтажными домами, и горисполком щедро раздавал участки под индивидуальную застройку. Это портило планировку будущих кварталов, создало «слоеный пирог», где многоэтажные дома рассекаются линиями крошечных частных домишек. А город, по новым наметкам, нужно расширять в 6—8 раз, с расчетом на 300 тысяч жителей. Большие масштабы жилого строительства потребовали уже не стройки, а, по существу, монтажа домов из сборных железобетонных панелей.

Элементарная логика подтверждала правильность такого направления, но убедить проектировщиков в том, что их проект негоден,— дело трудное. После долгих споров с учеными мужами мы пошли на хитрость: внесли «рацпредложение» о строительстве в Череповце многоэтажных сборных домов из железобетонных крупных панелей. Подействовало! Пока ломались теоретические копья, нам разрешили выстроить опытный многоэтажный дом из крупных панелей. Узнав об этом, Семен Осипович зашел ко мне, повздыхал по поводу тяжкой доли гипертоников, похныкал, затем хитро ухмыльнулся.

— Ход конем? Ну и правильно! Давай новому жилью зеленую улицу.

Секретарь горкома партии Л. Н. Рудаков поддержал нас. И в январе, в тридцатиградусные морозы, опытный «череповецкий дом» был смонтирован за 27 дней. За месяц его полностью отделали и сдали в эксплуатацию. Такое случилось впервые в строительной практике.

Крестовые вехи

...Казалось, что еще совсем недавно я впервые ступил на землю Череповца, а уже пролетело столько лет. Давно работает мощный завод, и череповецкие белые ночи окрашиваются тревожными заревами плавок. Весь первоочередной комплекс завода создан за восемь лет — срок небывалый в истории строительства подобных предприятий... Череповецкий блюминг пущен за 19 месяцев — обычно на это уходили годы. На блюминге мы впервые применили «метод раздельных совмещенных потоков», давший возможность открывать в короткие сроки широкий фронт работ на сравнительно узкой площадке. На блюминге было четыре таких потока, а на прокатном стане «2800» — уже шесть. Стан вошел в строй за 13 месяцев вместо двадцати двух.

Прогрессивные приемы и конструкции дали возможность нашему коллективу сэкономить стране за последние годы более 200 миллионов рублей. Получается так, что новая гигантская доменная печь сооружена, по существу, за счет прибылей нашего строительства, полученных только в 1961 году.

Новый город металлургов ширится, растет, крепнет. Мужают люди.

В 1946 году окончил институт инженер Звездов. Я долго присматривался к молодому специалисту, отмечая его эрудицию, хватку, широту взгляда. Иван Михайлович прошел путь от мастера до начальника управления. Сначала его назначили на должность начальника «Кузнецктяжстроя», а сейчас он возглавил стройку западносибирского гиганта. Его однокашница Людмила Ивановна Бусыгина — давно главный технолог нашего треста. Нередко мы с Владимиром Павловичем Ассовским, бывшим секретарем парткома строительства, перебираем длинную цепочку людей, шагавших или шагающих рядом, и становимся в тупик: кто же лучший?

Каждый день приносит новые тревоги и новые радости. Руководителем завода сборного железобетона стал инженер Ганкин. Люблю я его, но попадает ему так, что не задремлет. Мы часто хвалим начальника «Жилгражданстроя» Задорожного, начальника «Прокатстроя» Юдина, инженера Шеляпина, но часто и ругаем. У нас это называется «снять стружку». Но стружка не «черновая». Это шлифовка характера, воли, мастерства...

Не берусь утверждать, что воспоминания можно украсить цифрами, однако в жизни строителя этот лаконичный язык цифр оживает, становится поэтическим. Цифры — своеобразные крестовые вехи, знаменующие собою свершения и повороты.

Допустим, вспоминается первая «штатская» стройка: один экскаватор «Марион», казавшийся чудом техники, а главная «механизация» — лопаты, волокуши, тачки да сотня лошадей. Иногда весь «вал» крупной стройки выражался миллионом рублей. А сейчас трудно перечислить все объекты, выросшие за десять лет на череповецкой земле. Их десятки и сотни, стоимостью в миллиарды рублей.

680 тысяч квадратных метров жилья — это уже город, которого не было раньше.

И везде — люди! Только последним Указом Верховного Совета СССР в нашем коллективе на три человека выросла семья Героев Социалистического Труда, 15 человек награждены орденом Ленина, 330 — другими орденами и медалями Советского Союза.

* * *

И вот снова вечер — пора раздумий. А думы обычные: как там с колоннами новых цехов? Вчера это был цех прокатки тонкого листа, затем стал цех «350», а теперь... Огромен комплекс нашего строительства, всего не перечислишь. Крестовыми вехами становятся уже не цехи, а заводы. На очереди Череповецкий химический комбинат. Я не оговорился: «Большая химия Череповца» — это не стремление выдать желаемое за действительность. Расчеты красноречиво говорят, что газовые компоненты наших коксовых батарей и «выброс» азота кислородных установок — все это может дать сотни тысяч тонн азотных удобрений в год. Таков потенциал семилетки. Но неужели Ганкин не выдаст за ночь нужные типоразмеры?.. И попадет же ему с утра пораньше, если не будет этих колонн!.. Эх, Ганкин, Ганкин, нелегкая у тебя жизнь! Впрочем, моя не легче. Искать иную нам не годится. Жизнь прожить — не поле перейти!

Литературная запись И. СОБЧУКА.

Галина КУЛИКОВСКАЯ
Фото Н. Козловского,
А. Бочинина.

Вот он стоит передо мной, новый телевизор простой и строгой геометрической формы. В его полированный бок, как в зеркало, смотрится ваза, а в огромной голубоватой сфере экрана отражена вся комната. Экран, захватив почти весь фасад телевизора, дерзко выступил наружу. Все остальное тут — и задвинутый в правый угол, спрятанный за тонкой, цвета слоновой кости решеткой динамик, две рукоятки, легкая рамка, обрамляющая экран,— не бросается в глаза, отступило куда-то на задний план.

Как не похож этот телевизор на своих недавних предков! Если поставить рядом с ним громоздкий подслеповатый ящик «КВН» с крохотным, как окошечко скворечни, упрятанным вглубь кинескопом, то можно усомниться в их родстве. Голубой глазок экрана «КВН» требует себе увеличительного стекла. Теперь, в новом телевизоре, домашнее кино... Человеческие лица оно может показывать в натуральную величину. Не похож новый аппарат и на своих близких соплеменников — «Темп-6», «Волну». И тем труднее начать мне рассказ о его рождении, потому что почти все в нем, к чему ни притронься, иное, сделанное специально для него, и каждое в отдельности — какое-то техническое достижение, потому что создавали его десятки, сотни людей в нескольких городах: Москве, Львове, Каунасе, — отдаленных друг от друга тысячами километров.

С чего же начать? Начну с самого начала. С задания. На сей раз задание, которое стало перед конструкторами, было не совсем обычно: надо было сделать не один, а сразу два телевизора. Они должны были быть похожи друг на друга как две капли воды: состоять из одних и тех же новых узлов и деталей, расположенных в одном и том же порядке, и отличаться друг от друга только величиной экрана. У одного экран побольше — пятьдесят девять сантиметров по диагонали, у другого поменьше — сорок семь сантиметров.

Общее направление, принципиальную электрическую схему двойников определил научно-исследовательский институт. Он находится в Москве. Там же разрабатывались технические требования на лампы и кинескопы. Там же было найдено господствующее положение кинескопа в телевизоре. Экран должен выступить наконец из укрытия вперед. В то же самое время он должен быть взрывобезопасным. Но сие — забота специалистов другой области, электронной техники.

Конструктивное же решение и воплощение проекта в реально действующий приемник должно было лечь на плечи СКБ какого-нибудь завода. Выбор пал на Львов. На львовский телевизионный завод. Успехи львовского СКБ уже известны. За небольшой срок — всего четыре года — энергичный, быстро воспринимающий все новое коллектив осуществил несколько моделей телевизоров. Его «Украина», та самая первоклассная «Украина», которая привлекала всеобщее внимание на заграничных выставках, до сих пор остается оригинальной и своеобразной. Правда, сравнительно недавно и в США появились с такими же грациозно поворачивающимися чашами кинескопов конкурентки... Но наша «Украина» все же была первой!

И вот Н. А. Роговин, начальник львовского СКБ, привез из Москвы новое задание. Задание на участие в разработке унифицированного телевизора второго класса. Десятки заводов будут работать на эти аппараты, и шесть совнархозов вслед за Львовским станут их собирать. Ответственность огромная. В Москве в институте впервые в телевизионной промышленности, все равно как в авиации или автомобилестроении, учреждается должность главного конструктора телевизора. Пока ищут достойного кандидата на нее, нетерпеливый Роговин торопит свое бюро: «Не будем терять времени, начнем!..»

Роману Варенице 31 год. Константину Шницеру и Ярославу Гасюку столько же. Любомиру Кудле — 32. Александру Кузминскому — 28. Моложе всех Станислав Накс: ему всего 27. Что? Молодо-зелено? Но дело не в возрасте. Само дело доказало, что это так. Тут еще небезынтересно узнать, что все они воспитанники одного и того же института — Львовского политехничческого, а Кузминский еще учится в нем, на пятом курсе. Так вот...

Собирались они не раз и не два все вместе вокруг стола Адольфа Максовича Юкера, рассуждали, спорили, рисовали, перечеркивали нарисованное. Потом расходились по своим местам, чертили и думали, думали каждый в отдельности: Юкер — над общей компановкой, Вареница — над шасси, Накс — над электрической схемой. Уединился в своей лаборатории заведующий Ф. Н. Семченко. Он работал над автоматической подстройкой частоты в телевизоре. Ведь она очень облегчит жизнь телезрителя: чтоб перевести телевизор на другую программу, достаточно будет повернуть одну ручку, все остальное — яркость, четкость — отрегулируется само.

Наконец был собран первый в нашей стране телевизор с выдвинутым экраном. Шасси с его тремя блоками крепилось к специальному стальному каркасу и поворачивалось под прямым углом, открывая доступ к узлам. Однако... сами конструкторы забраковали свой так называемый каркасный вариант. Телевизор получился громоздким и тяжелым. На каркас шло много металла. Стало ясно: надо избавиться от каркаса.

Снова эскизы, расчеты, чертежи...

Во Львове — первый раз в истории существования молодого завода — открывается выездное заседание научно-технического совета московского института. Обсуждаются макеты нового телевизора — московские и львовские. Москвичи показывают то, что было создано в их институте под руководством Б. А. Нагурского, Х. А. Абрамяна, А. А. Травина... Львовяне показывают свое. Правда, их второй вариант еще не готов. Но творческое содружество приносит несомненную пользу.

Оказывается, можно вовсе обойтись без каркаса и расположить все блоки так, что, обратив их вовнутрь, к кинескопу, они со всех сторон обоймут горловину. Телевизор сразу «похудеет»: теперь его глубина всего 190 миллиметров, как у небольшого чемодана. Вот только беда: неудобно подобраться к силовому трансформатору. Через некоторое время и это препятствие устраняется. Такой телевизор не стыдно уже и показывать. Он мобилен, компактен, легок. Он... Впрочем, не он, а они! Потому что рождалась сразу двойня: «УНТ-47» и «УНТ-59». Только один покрупнее, с бо́льшим экраном, а другой поменьше, все как требовалось по заданию.

Второй вариант появился на свет в экспериментальной мастерской в хорошее время — весной. У конструкторов поднялось настроение. После бесконечных дней в своем СКБ они вдруг обнаружили, что на бульварах и скверах старинного Львова цветут каштаны... Да, уже пришла весна.

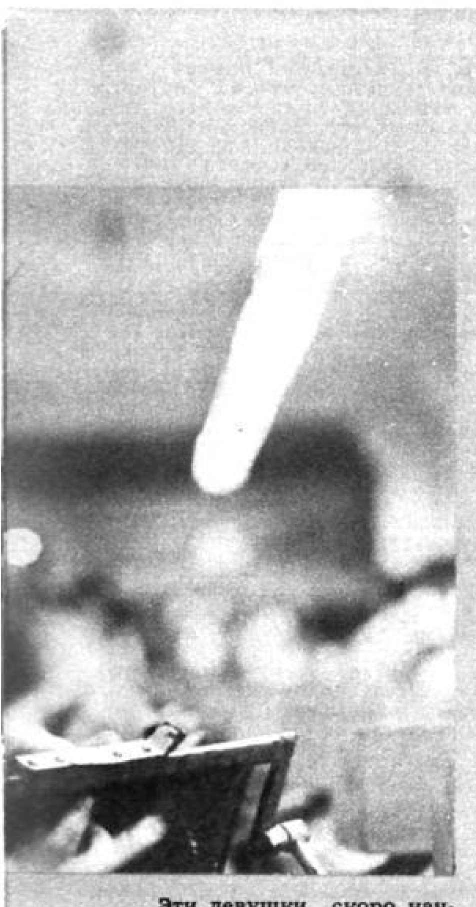
А в мае на завод приехал только что назначенный главным конструктором телевизора В. М. Харев. Приехал и...

Лауреат Государственной премии, создатель полюбившихся нашим людям «Рубинов» Вениамин Михайлович Хахарев известен специалистам как опытный, ищущий конструктор.

Роговин знал, что в голове этого человека постоянно гнездятся какие-то идеи, и опасался, как он отнесется к львовским близнецам.

В белоснежных манжетах, туго накрахмаленном воротничке — Хахарев всегда и везде оставался верен себе — главный конструктор медленно подымался на пятый этаж, в СКБ, прислушиваясь к тому, что говорил Роговин о заводе, о его истории. Завод молодой, пошел ему пятый год. Разросся в несколько раз. Внача-

Эти девушки скоро начнут монтаж узлов нового телевизора.

И снова львовским конструкторам пришлось безропотно что-то переделывать, над чем-то ломать голову. Слева направо: Роман Вареница, Станислав Накс, А. М. Юкер и Константин Шницер.

БЛИЗНЕЦЫ ВЫХОДЯТ НА ОРБИТУ

Главный конструктор новых телевизоров В. М. Хахарев (справа) и начальник лаборатории института А. А. Травин у своего детища.

ле было небольшое здание, в котором собирали счетчики. О телевизорах и не мечтали. А теперь здесь центр телевизионной промышленности Украины. Не только телевизоры, но и кинескопы делают во Львове и лампы. Завод через два года изменится неузнаваемо; скоро начнут строиться новые корпуса.

На пятом этаже Хахарев не позволил себе засиживаться с Роговиным, для приличия окинул взглядом лабораторию, конструкторский зал, мастерские и — побыстрее к телевизору. Осмотрел один вариант, другой, покрутил ручки и задал всего лишь один вопрос: «А как с температурным режимом?»

И все полетело к черту!

— Хм,— многозначительно произнес Хахарев.

Больше не сказал он ни слова. Но у Юкера кольнуло сердце. Роман Вареница растерянно заморгал длинными ресницами. А скептический Шницер философски резюмировал:

— «Второй вариант» не означает еще «последний вариант».

Хахарев в ту напряженную, затянувшуюся паузу меж тем прикидывал: «Будут ли они стоять четырьмя копытами на своем или нет?» Но на нем, всегда спокойном и невозмутимом, волнение не отразилось.

— Давайте попытаемся отделить лампы.

Роговин всегда горячо отстаивал интересы своего СКБ, но тут умом инженера понял: Хахарев прав. Это же лучше, чем было раньше! Просто великолепно! Еще ни в одном советском телевизоре с печатным монтажом лампы не изолировались от остальных приборов.

— Но каким образом? — спросил Роговин.

— Будем думать.

Думали и этот день и еще три дня, а может быть, еще и три ночи. Сбившись у кульмана, за которым стоял Хахарев, уже не с белоснежными, а какими-то другими, в клеточку манжетами, набрасывали эскизы, меняли местами блоки, будто мебель в новой квартире. Ведь чем был уязвим второй вариант? Все узлы находились по одну сторону шасси, вперемежку с радиолампами; сгруппировали их плотно, тесно, все равно как шкафы и гарнитуры в переполненном мебельном магазине. Лампы, как всегда, нагревались, и вокруг них мгновенно возникали тропики — 70—80 градусов жары. Другим деталям да и самим лампам такой климат не очень нравился, и они, потерпев-потерпев, сдавали раньше времени. Вот в чем заключалась извечная беда всех телевизоров, беда, вызывавшая ожесточенные схватки работников радиоэлектроники и электронной техники! Первые валили все на низкое качество электронных узлов и деталей, вторые — на невыносимые условия, которые образуются в самих телевизорах.

Предложение Хахарева пресекало все эти споры. Лампы выселялись на одну, наружную сторону шасси: пусть они себе там сколько угодно греются и проветриваются сквозь отверстия футляра. А все остальное, менее темпераментное, свободно размещалось с другой стороны шасси, обращенной вовнутрь, к телу кинескопа. Помогала в этой перетасовке панелька, разработанная каунасским заводом.

Итак, третий вариант... Внутри телевизора стало прохладнее, просторнее, правда, несколько пополнел он сам. Прибавил в глубину целых тридцать пять миллиметров. Много! Нетерпимо!

И снова вынуто из коробки, снова брошено на растерзание конструкторам шасси с навешанными на него блоками. Где бы поубавить? Что тут особенно выпирает? Хахарев и Юкер предлагают внести маленькое изменение: вырезать из шасси всего лишь два небольших, незначительных кусочка и отогнуть их. Получится нечто вроде металлических лепестков. Но теперь в образовавшиеся отверстия пролезут электролиты и дроссель. Их можно посадить на эти же самые лепестки, как на елочную ветку. Остроумно и просто. А эффект? Выкроено двадцать миллиметров. Казалось бы, не так уж много на первый взгляд. Но телевизор вновь приобрел стройность.

Я попыталась довольно бегло — кроме трех основных, были еще три промежуточных варианта — рассказать о том, с какими треволнениями определялась наиболее рациональная внутренняя архитектура нового телевизионного приемника. А ведь это только одна из проблем! Проблем тут много — ровно столько же, сколько узлов, блоков и радиоламп. А их десятки. Чего стоит только один переключатель телевизионных каналов, удачно созданный на каунасском заводе! О нем одном можно было бы написать увлекательный рассказ.

Однако не все и не везде получается гладко. Взять хотя бы одну крохотную, не больше трехкопеечной монеты, панельку под радиолампы. Ее вчерне за несколько дней может разработать само СКБ. Но положено — ведь это деталь электронной техники — делать ее другой организации. И панелька мгновенно превращается в грандиозное сооружение. За малютку требуют колоссальный выкуп — сорок тысяч рублей — и намерены заняться ею только в первом квартале нового года, когда львовский завод уже перейдет к выпуску опытной серии новых телевизоров. Смогут ли три тысячи аппаратов обойтись без панельки, то есть без гнезда для вставления ламп? Конечно, нет. Вот вам и заранее запланированный инцидент!

К сожалению, он не один. Лишь совсем недавно решился вопрос с защитой кинескопа и с некоторыми радиолампами.

А новые телевизоры движутся тем временем к старту. В ноябре начались их заводские испытания. Почти месяц «гоняли» приемники по разным параметрам. И выявились, конечно,— так всегда ведь бывает — слабые их места. Снова пошел — в который раз! — на переработку блок УПЧ — усилителя промежуточной частоты. Снова конструкторам пришлось безропотно что-то переделывать, над чем-то ломать голову. Зато к государственным испытаниям они пришли основательно подготовленными, эти два телевизора: «УНТ-47», который завод решил окрестить именем журнала «Огонек», и «УНТ-59», его родной брат.

В нынешнем году близнецы выйдут на орбиту заводского производства. Пусть же эта их орбита будет точно рассчитанной!

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

Автомобильные страдания

В № 38 «Огонька» в 1963 году был опубликован очерк В. Очеретина «Дети и гаражи», посвященный воспитанию у людей уважения к общественному достоянию, к тому, что принадлежит всем. Писатель рассказал о печальном событии, происшедшем в одном дворе. На месте старых снесенных сараев ребята решили устроить спортивную площадку и немало потрудились, чтобы осуществить свой замысел. Но на освободившемся месте появились коробки гаражей автовладельцев. Так личное вступило в конфликт с общественным.

Редакция получила много писем, писем разных. Их авторы расширяют круг проблем, затронутых в очерке, вносят предложения. Некоторые написавшие в редакцию сомневаются, правду ли рассказал В. Очеретин, и советуют точно назвать место, где произошло это событие. Другие, соглашаясь с принципиальной постановкой вопроса в очерке — личное должно подчиняться общественному,— справедливо негодуют: еще плохо в наших городах поставлено обслуживание автомобилистов.

Вот несколько писем из редакционной почты.

«Вы опубликовали хороший очерк «Дети и гаражи». Но меня сначала немного удивило, почему не указан адрес, где это произошло. А ведь все, что описано В. Очеретиным, произошло в городе Иванове, в областном центре, на Второй авиационной улице.

В нашем дворе семь пятиэтажных домов, в них 600 квартир. Тут же еще детсад и ясли. Там, где по проекту намечалась детская площадка, собственники легковых автомашин построили одной стеной 20 гаражей. Горисполком вывешивал объявление о том, что строить на этом месте гаражи запрещено, но трижды строители гаражей срывали эти объявления.

Два года общественность пишет об этом в разные инстанции, но среди руководителей Фрунзенского райкома партии, райисполкома, райпрокуратуры нарушители нашли защитников. Когда же все это кончится?

Пожалуй, вы, тов. Очеретин, правильно сделали, не указав, что дело происходило в Иванове, так как такие явления имеют место и в других городах.

Д. ГРАЧЕВ,
председатель группы содействия комитету партгосконтроля при 7-м домоуправлении города Иванова».

* * *

«Прочитал в «Огоньке» статью «Дети и гаражи». Такое положение существует и у нас, в городе Рубцовске, Алтайского края.

В октябре 1961 года исполком горсовета принял решение о выносе личных гаражей из кварталов многоквартирных домов в поселке алтайских тракторостроителей. Прошло более двух лет, а решение исполкома до конца не выполнено: часть гаражей не убрана. Кто они, эти люди, для которых закон не писан и общественное мнение ничего не значит? Например, Орлов — начальник цеха Алтайского тракторного завода; Марамыгин — хирург железнодорожной поликлиники.

Решением исполкома для строительства личных гаражей были выделены специальные земельные участки. Много раз мы беседовали с нарушителями — и никакого результата. Домоуправление вывешивало объявления — их срывали. А там, где стоят гаражи, должны были разбить сквер для детей. Личное не должно вступать в конфликт с общественным.

М. КРИВОШЕЕВ».

* * *

«В декабре 1957 года наш 48-квартирный дом сдали в эксплуатацию. Весной закончили благоустройство двора, посадили 300 деревьев и кустарников. Хорошо у нас стало, красиво. Но осенью, вытаскав ночью кусты и деревья, четыре квартиросъемщика построили 4 деревянных гаража. Мы послали коллективную жалобу на имя секретаря обкома партии, а потом от разгневанного начальника, чей гараж тоже в нашем дворе, узнали, что эта жалоба возвращена ему с резолюцией: «Для принятия мер». «Меры» приняты: жалоба в мусорной корзине. Написали еще несколько жалоб, и все они попадали в руки того, кто больше всех виноват.

К июлю 1961 года вместо 4 гаражей в нашем дворе стояло уже десять. Наконец в том же 1961 году Тамбовский горисполком принял решение о постройке общественных гаражей и о сносе личных гаражей во дворе дома. Мы вздохнули облегченно: кажется, кончилась волокита. Но гаражи стоят и поныне. В чем дело? Нам говорят, что горисполком изыскивает средства на постройку общественных гаражей. Из-за десятка владельцев машин страдают дети.

Я, домашняя хозяйка, бабушка, вырастила троих детей. Сейчас дети работают, а я ращу внука, ему 4 года. И сколько я натерпелась муки! Да и все мы, бабушки и молодые матери, испытываем много неудобств из-за машин во дворе. Почему интересы общества должны страдать из-за нескольких владельцев автомашин?

ХУДЯКОВА,
Тамбов, Советская, 21».

* * *

«Вопрос, поднятый в очерке «Дети и гаражи», очень актуален.

В отдел архитектуры Белгорода часто поступают жалобы на таких самовольных застройщиков, о которых написал В. Очеретин. Начинаются долгие тяжбы. Но, как правило, самовольные застройщики остаются победителями.

Проблема эта непростая. К сожалению, на отведенных участках строительство пол-

Несносный сын

М. ВИЛЕНСКИЙ

В издательство пришла вдова — седая дама в синей юбке и белой кофточке с матросским воротником. Такой костюм больше пристал бы ее внучке, но внучек у вдовы не было, равно как и детей. Вдова держала белый блестящий баул синтетического происхождения.

— Аглая Филипповна! — кисло пропел редактор Сопелкин.— Садитесь, дорогая. Как я рад, что вы заглянули!

— Жара меня совершенно доконала,— просипела вдова, усаживаясь.

— Вы чудно выглядите,— согрешил Сопелкин.

Пудра, румяна, грим, крем, многослойно наложенные на лицо вдовы, подтаяли и поплыли. Аглая Филипповна достала из баула платочек и промокнула лицо, отчего платочек расцвел бурыми, желтыми и синими пятнами.

Покойный супруг Аглаи — Матвей Кузьмич Кондэ — был известным переводчиком. Он переводил романы из жизни британских лендлордов и их жесткошерстных фокстерьеров, а Аглая Филипповна переводила деньги, которые зарабатывал Матвей Кузьмич. Каждый делал свое дело с блеском.

— Что вы, милый, я так сдала! — пожаловалась вдова и еще раз нырнула в баул, откуда извлекла довольно-таки толстую пачку бумаг.

Прежде чем Сопелкин успел что-либо сообразить, пачка с жирным шлепком легла на стол перед его носом.

— Что это? — спросил Сопелкин оторопело. Он знал, что все, что можно было переиздать из наследия Кондэ, уже переиздано и в сусеках пусто: он сам по просьбе Аглаи обследовал бумаги покойного.

— Сюрприз,— щурясь, сказала вдова.— Я перевела для вас с английского очень миленький романчик. Вы удивлены? Ах, ну да. В Федяшкине вы привыкли видеть меня не за письменным столом, а за обеденным. Но что делать, мой друг, нужда прижмет, будешь и с турецкого переводить.

Про Федяшкино вдова ввернула очень вовремя, нужно отдать ей должное. В Федяшкине, на даче Кондэ, Сопелкин провел не один очаровательный уик-энд. Пока они с Матвеем Кузьмичом прогуливались по аллейкам, беседуя о судьбах изящной словесности в наш беспокойный атомно-ракетный век, Аглая Филипповна на террасе сервировала стол. К их возвращению стол являл собою обольстительнейшую картину, дразнящую обоняние и веселящую дух. За внушительной закусочной увертюрой следовал мощный трехактный обед. После десерта разомлевшего редактора препровождали под белы рученьки в прохладную светелку на втором этаже и укладывали на хрустящие простыни, а еловые лапы между тем так и лезли в раскрытое окно, так и покачивались, мохнатые... Ах, да что там говорить!

Но теперь, кажется, пробил час расплаты за федяшкинские гастрономические утехи. Сопелкин почувствовал, что ближайшие полчаса могут оказаться самыми трудными в его жизни. И предчувствие его не обмануло.

«Замок Бредшайр»,— холодея, прочел он на титульном листе.

— Какая досада! — воскликнул Сопелкин.— У меня в столе уже лежит этот чертов «Замок» в переводе Татьяны Филидоровой. Вот смотрите.

Сопелкин выдвинул средний ящик и извлек оттуда папку с тесемками.

Вдова насупилась, надела очки, которые шли ей определенно больше, чем матросский костюмчик, и впилась в рукопись конкурентки. И вдруг морщины на ее лбу разошлись. Аглая расхохоталась.

— Миленький, но это же совсем другой «Замок Бредшайр»! У нее автор — какой-то Джон Гуд, а мой роман написал Йохн Гоод.

— Йохн Гоод! — эхом отозвался

ностью доверено автовладельцам. В результате появляются целые районы, напоминающие трущобы.

Какой же выход?

Нужно передать строительство таких гаражей государству. Этим могут заняться горкомхозы, предприятия, на которых работают владельцы автомашин, строительные организации за счет средств кооперативов автолюбителей. Госстрою СССР необходимо разработать новые рекомендации, потому что старые давно опровергнуты жизнью.

Л. КОРОЛЬКОВ,
главный архитектор города Белгорода».

* * *

«Личное не должно вступать в конфликт с общественным. Это верно. О детях надо заботиться. Обязательно! Но об автомобилистах тоже.

Сам я убежденный пешеход, но автомобилистов мне жалко. Поезжайте в Челябинск, в Магнитогорск, посмотрите, побеседуйте. Только не с теми, кто явочным порядком занял стальными «гробами» места, отведенные для детских площадок. Многим автомобилистам порой приходится ставить машины за десяток километров от своего дома. Разве это правильно?

Мне кажется, что проектировщики должны предусматривать в новых микрорайонах строительство капитальных общественных гаражей. Это гораздо дешевле и удобнее, чем стальные «гробы». Кроме того, на плоской железобетонной крыше таких гаражей можно устраивать прекрасные игровые площадки для баскетболистов, волейболистов, во всяком случае, для любителей настольного тенниса там места хватит.

Г. ШНЯКИН,
врач Челкарского участка газопровода Бухара—Урал».

Под контролем «Огонька»

КТО ЖЕ ВИНОВАТ?

В редакцию поступил ответ начальника Главного управления тяжелого машиностроения СНХ РСФСР тов. Родионова на выступление коллективного корреспондента нашего журнала газеты «Целинный край» (см. заметку «Испытания опять откладываются» в № 38 «Огонька» за 1963 год).

Ниже мы публикуем этот ответ.

«Главное управление тяжелого машиностроения СНХ РСФСР рассмотрело заметку коллективного корреспондента «Огонька» газеты «Целинный край».

В заметке правильно отмечается факт затяжки испытания землеройно-фрезерных машин, что в значительной степени объясняется оригинальной конструкцией машины, с одной стороны, и неудовлетворительной организацией проведения испытаний Иртышгэсстроем — с другой.

На письмо председателя Государственного комитета по энергетике и электрификации СССР т. Непорожнего (письмо тов. Непорожнего приведено в заметке «Испытания опять откладываются».— РЕД.) Совет народного хозяйства РСФСР 5 июля 1963 года ответил, что заводом полностью выполнены мероприятия, утвержденные бывшим Госкомитетом по автоматизации и машиностроению, и созданы предусмотренные мощности.

Совет народного хозяйства РСФСР систематически осуществляет контроль за ходом проведения испытаний, для чего на месте испытаний неоднократно командировались главный конструктор, главный инженер и директор завода.

В настоящее время приняты необходимые меры, обеспечивающие дальнейшее проведение испытаний машин.

В 1963 году завод изготовит еще одну землеройно-фрезерную машину с учетом результатов испытания «ЗМФ-2» в течение 1962—1963 годов».

Итак, завод изготовляет еще одну землеройно-фрезерную машину, и, как это явствует из ответа тов. Родионова, испытания будут продолжены.

Завод, оказывается, здесь абсолютно ни при чем: виновата оригинальная конструкция машины.

Но стоит еще раз внимательно проследить все перипетии внедрения «ЗМФ» в серийное производство (хотя бы по выступлениям «Огонька»), и станет ясно, что конструктивные трудности такому коллективу, как Воронежский экскаваторный завод имени Коминтерна, можно было бы давным-давно оставить позади... Тем более, что слабые места машины выявлены отнюдь не тем летом. Они существовали и ранее и даже отмечались в актах испытаний!

И в этом мы никак не можем согласиться с мнением тов. Родионова.

Другая объективная причина, на которую ссылается тов. Родионов, объясняя задержку, — неудовлетворительная организация проведения испытаний Иртышгэсстроем,— заставляет призадуматься.

Ведь кому, как не Иртышгэсстрою, кровно заинтересованному в быстрейшем серийном выпуске «ЗМФ», оказывать содействие испытаниям?

Мы надеемся, что руководство этой крупнейшей стройки сообщит редакции, что мешает испытанию новой машины.

КУБОК «ОГОНЬКА» У Л. ЯШИНА

3 января на торжественном вечере в клубе имени Ф. Э. Дзержинского, где московским динамовцам были вручены золотые медали чемпионов страны, Лев Яшин получил еще один приз — Кубок журнала «Огонек» — лучшему вратарю сезона.

Л. Яшин в этом сезоне успешно действовал не только в составе своей команды, но и сборной команды СССР. Ему были доверены ворота и сборной команды мира, когда она выступала на стадионе «Уэмбли» в Лондоне против сборной команды Англии.

Четыре года тому назад, когда был основан Кубок «Огонька», первым его получил Лев Яшин. После этого кубком владели молодые стражи футбольных ворот В. Маслаченко и С. Котрикадзе. И вот снова Кубок «Огонька» в руках у неувядаемого ветерана.

ГЕРЦОГИНИ

Сопелкин, глядя на вдову круглыми от ужаса глазами.

— Надеюсь, вам знаком этот писатель?

Сопелкин понимал, что за одного только Йохна Гоода он обязан, не читая романа, выпроводить гостью за ворота издательства. Но ели, качавшиеся перед окном федяшкинской светелки, еще крепко держали его в своих зеленых лапах.

— Увы, Джон Гуд и Йохн Гоод — это одно и то же лицо,— приятно улыбаясь, объяснил Сопелкин.— Вы неверно транскрибировали имя автора.

— Не может быть! Вы еще скажете, что у вашей Филидоровой тоже действует герцогиня Джейн Бредшайр и ее несносный сын Чарльз?

— Кого нет, того нет. У Филидоровой — герцог Чарльз Бредшайр и его несносная дочь Джейн.

— Ну вот, надеюсь, теперь вы не сомневаетесь, что Филидорова и я перевели разные романы?

Однако Сопелкин как раз сомневался. И надо сказать, у него были довольно веские основания для сомнений.

— Извините, Аглая Филипповна, а почему вы решили, что Чарльз — сын Джейн?

— То есть как это почему? Здесь же написано...— засуетилась вдова. Она достала из баула английскую книжку, полистала и нашла нужное место.— Извольте: «Джейн мейд сэр Чарльз гоу ту зе бэнк». Вы понимаете, что это значит по-английски?.. «Джейн сделала сэра Чарльза и пошла в банк». Но, как учит нас Корней Иванович, необходимо всячески избегать буквального перевода. Поэтому вульгарное «сделала» я заменила более литературным: «Джейн произвела сэра Чарльза на свет».

— М-да... Ну, а почему Джейн тут же, не отдышавшись после родов, помчалась в банк?

— То есть как это почему? Только мужчина способен задать такой вопрос. Нужно же купить коляску, нанять няню, гувернантку... Масса расходов!

— Я вынужден вас огорчить, Аглая Филипповна,— сказал Сопелкин,— но «мейд» по-английски не только «сделала», но и «заставила». Понимаете, Джейн заставила отца пойти в банк, вот в чем штука.

— И все-таки вы ошибаетесь, Юрий Михайлович! — упорствовала вдова.— Чарльз ей сын, а не отец.

— А вам не показалось странным, что у сына седые волосы? Видите: «грэй».

— Да будет вам известно,— наставительно сказала вдова,— что «грэй» — это не только «седой», но и «серый», а серый — это грязный, а грязная голова у малыша оттого, что его мамаша дни и ночи напролет флиртует с Хейлбруком, мэром города, вместо того чтобы смотреть за ребенком. Фактически перед нами роман о безотцовщине и ее печальных результатах.

— Хейлбрук не мэр, а майор,— устало сказал Сопелкин.

— Может быть, но это не столь важно.

«Боже! — подумал Сопелкин.— Я все понимаю. Она проела мужнину сберкнижку, продала заведующему керосиновой лавкой дачу в Федяшкине и уже успела промотать деньги на портних и косметичек. Ну так шла бы работать... хоть делопроизводителем в ЖЭК — справки выдавать, чем так позориться. Нет, завтра же свою Верку погоню в три шеи работать, а то не ровен час скапучусь, а она будет вот так, с синтетической котомкой, побираться по издательствам и совать занятым людям под нос какой-нибудь идиотский перевод с португальского».

— Милая Аглая Филипповна,— собрав все мужество, сказал Сопелкин.— Что поделаешь, не получилось у вас. Я готов переписать все заново, строка в строку, но ведь Филидорова этого дела так не оставит. Я ее знаю. Просто ума не приложу, что вам посоветовать...

Он вышел из-за стола, чтобы нежно взять вдову за руки и тем смягчить суровость приговора. Огибая на широком вираже стол, он увидел изрядно облупившиеся золоченые босоножки.

«О, Йохн Гоод!» — воскликнул про себя Сопелкин и вдруг почувствовал пронзительную, как зубная боль, жалость к старухе.

— Слушайте! — закричал Сопелкин. Его осенило.— А что, если издать вашу работу, но не как перевод, а как ваш собственный роман? А? Идея! Ну, конечно, придется сменить имена героям, чтобы не оставалось уже совсем ничего общего с Джоном Гудом. Автором будете вы. Понимаете, вы! А. Ф. Кондэ! Я вам помогу. Ну как?

И книгу издали. Она называется «Сын герцогини» и уже удостоилась пяти разгромных рецензий, что ничуть не помешало А. Ф. Кондэ, обретя гонорар, отбыть на благодатные крымские пляжи. Возлегая на горячих россыпях шуршащей серой гальки, Аглая Филипповна авторитетно рассуждает о тайнах литературного мастерства и кознях малоинтеллигентных критиков. Вокруг валяются сигаретные окурки со следами фиолетовой губной помады...

Браво, Рябинкина!

К первой странице обложки

Робкая и пугливая Одетта прижимает к себе руки-крылья, словно боясь, что принц обидит ее. Но постепенно под лучами любви отогревается душа девушки, тает лед недоверия, и все увереннее тянутся к принцу трепещущие руки, будто ищут защиты, ласки. Сама юность с ее нетронутой чистотой и целомудрием предстает перед нами на сцене Большого театра в образе Одетты — Рябинкиной. Как ни сложен танцевальный узор, балерина не превращает его в самоцель, каждое ее движение несет мысль. Несколько по-иному трактует она Одиллию. Рябинкина снимает с нее традиционный налет рокового коварства, делает ее более земной и... очаровательной.

Пять лет танцует молодая балерина в «Лебедином озере»; партию, о которой годами мечтают многие танцовщицы, она получила в 17 лет, едва окончив училище.

— Мой дебют в роли Одетты — чистая случайность. Среди наших молодых солисток немало таких, которые не меньше меня достойны этой роли. Просто тогда основной состав труппы уехал на гастроли в Америку, и нужно было вводить новых исполнителей,— будто оправдываясь, говорит Лена.

Но лучше других знают о том, что все это не было случайностью, ее педагоги и репетиторы — Вера Петровна Васильева, которая вела Рябинкину все годы ее пребывания в хореографическом училище Большого театра, и Елизавета Павловна Гердт, в чьем классе тренируется сейчас балерина. Они знают, какой настойчивостью и требовательностью к себе, какой всепоглощающей жаждой творчества отличается молодая артистка.

В уютной квартире Рябинкиных стоит пианино. Перехватив мой взгляд, Лена смущенно говорит:

— Нет, я почти не подхожу к инструменту с тех пор, как начала работать. Я слишком люблю музыку, чтоб позволить себе играть плохо. А заниматься систематически не могу. Все время отнимает театр...

Да, в театре Рябинкина работает много.

Жадная восприимчивость, тонкая наблюдательность помогают артистке создавать на сцене разноплановые характеры.

Шла работа над балетом «Конек-горбунок». Репетиции — пора радостных поисков, подчас мучительных раздумий... И Еленой Рябинкиной владели сомнения, казалось, образ Царь-девицы получается серым, неинтересным. Однажды утром девушка получила письмо. Незнакомый человек, далекий по своей профессии от театра, предостерегал ее от ошибок, делился воспоминаниями, давал советы. И, странное дело, слова незнакомца заставили Елену поверить в себя, в свои силы.

Настал день спектакля. Будто из сказки пришла на сцену круглолицая девица-красавица, гордая и стыдливая, своенравная и отзывчивая. И по-детски непосредственная. Это было слияние сказки с реальностью. Простая, земная девушка становилась сказочной героиней.

...Зрители долго вызывали артистов, и при каждом выходе Рябинкина пристально вглядывалась в зал, искала того, кто своим добрым словом, участием поддержал ее в трудную минуту сомнений, помог обрести веру. Она не сомневалась, что узнает его. Но все лица зрителей были полны доверия, радушия, приветливости и признательности...

Роли Китри побаивалась Рябинкина всерьез. До сих пор ей приходилось создавать лирические образы. А Китри?! Живая, темпераментная, с очень своеобразным, ярко выраженным национальным характером. Да и технически это была сложная партия. Работая над ролью молодой испанки, девушка вспоминала свои встречи на фестивалях в Вене и Хельсинки, вспоминала исполнителей народных танцев, которые так поразили ее своей экспрессией, богатой внутренней насыщенностью.

Рябинкина выступила в «Дон Кихоте». И вновь ей сопутствовал успех.

Разные люди в разную пору жизни начинают понимать, что только высокая требовательность к себе может помочь человеку достигнуть намеченной цели. Лена усвоила это в 9 лет, когда начала получать тройки, а иногда и двойки на уроках балета. «Любой талант, любое дарование завянут, если не питать их упорным трудом» — слова эти, не раз слышанные от матери Аллы Сергеевны, в прошлом артистки балета Большого театра, и от отца Льва Александровича, геофизика (друзья в шутку называют его «отцом русского балета», ведь младшая дочь его — тоже будущая балерина), Елена сделала своим девизом.

Гастроли Рябинкиной за рубежом свидетельствуют о мировом признании молодой балерины.

Э. ТЮРЕВА

На первой странице обложки: Елена Рябинкина в роли Одетты. Балет «Лебединое озеро» на сцене Академического Большого театра СССР.

Фото Е. УМНОВА.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

«Восвояси»

Многие уже вышедшие из широкого употребления слова и выражения еще доживают свои дни в шуточной речи для иронического подчеркивания торжественности: «десница» — правая рука («карающая десница») или «восвояси» — домой.

Еще Н. В. Гоголь не придавал шутливого смысла выражению «восвояси»: «стали гости расходиться, но мало побрело во свояси; много осталось ночевать у есаула» («Страшная месть»). А когда-то «восвояси» было обычно в языке. Ипатьевская летопись под 6693 годом (на наш счет 1185 год) рассказала о нападении половцев, которые «пожгоша острог (укрепление) у Путивля и возвратившася во свояси».

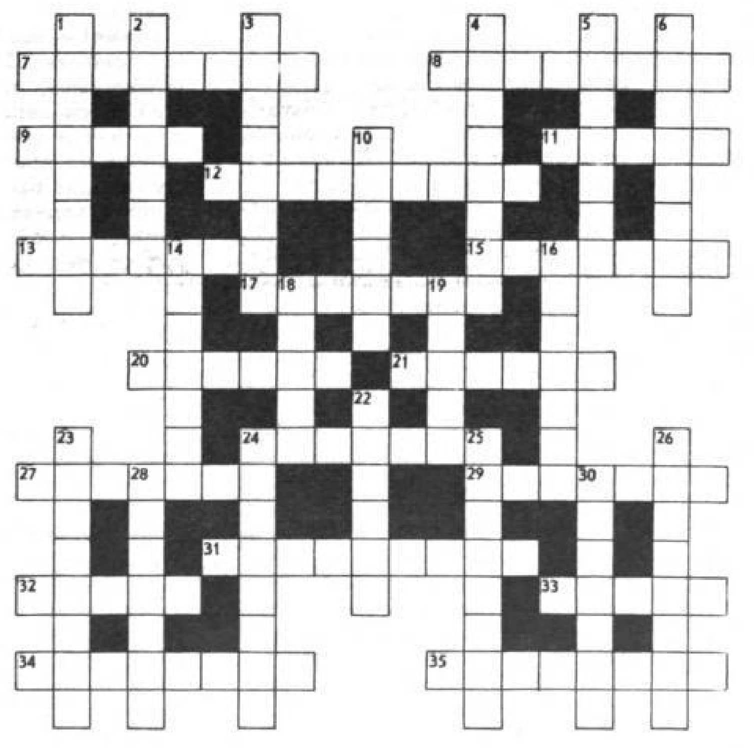
«Весь» когда-то означало деревня («по городам и весям»). И сейчас в другом славянском языке — польском — «весь» значит село, деревня. Встарь, возвращаясь издалека, говорили «иду на своя вьси», то есть иду в свою деревню, домой. А потом это выражение сократилось — «восвояси».

«Морские» слова

Вспоминая о дореволюционном героическом подполье, старая большевичка Е. Драбкина, бывший секретарь Я. М. Свердлова, пишет: «О, российские тюрьмы, остроги, крепости, каторжные централы, участки, казематы, каталажки, полицейские «части», именуемые в просторечии «блошницами» или «клоповниками», тюремные замки, предварилки, пересылки!»... Понятно, почему «блошницы» и «клоповники». Но почему «каталажка»? История многих слов необычна. Словарь В. Даля поясняет: это — испорченное «такелажка». В петровское время в наш язык пришли голландские слова, связанные с мореплаванием. В Голландии Петр изучал корабельное дело, сам он свободно владел голландским языком. Крейсер, фарватер, рупор, люк, конвой, лоцман, трап, каюта, брюки (первоначально только как часть матросской одежды), рубка (от голландского слова, означавшего надстройку на палубе для управления судна), рейд, катер — все это слова голландского происхождения. Но вместе с этими словами, означавшими важные для мореходства вещи и понятия, пришли и такие, как швабра, каталажка... Иногда провинившихся матросов запирали в помещение, где хранили такелаж — снасти судна. И бывшие матросы разнесли по стране искаженное «морское» слово «каталажка».

И. УРАЗОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Автономная союзная республика. 8. Быстро летающая птица. 9. Единица массы. 11. Созвездие южного неба. 12. Нотная запись многоголосного музыкального произведения. 13. Колесо, регулирующее ход часов. 15. Роман И. А. Гончарова. 17. Город в Узбекистане. 20. Специальность рабочего. 21. Кинорежиссер, народный артист СССР. 24. Вершина Главного Кавказского хребта. 27. Популяризация товаров. 29. Река, впадающая в Берингово море. 31. Отделение высшего учебного заведения. 32. Цвет краски, оттенок. 33. Старая русская мера длины. 34. Молодежный журнал. 35. Прибор для измерения высоких температур.

По вертикали:

1. Готовое изделие. 2. Часть круга. 3. Спортивная лодка. 4. Источник звука. 5. Столица Цейлона. 6. Странствующий актер в древней Руси. 10. Автор картины «Утро в сосновом лесу». 14. Ручная пила. 16. Надпись на монетах, медалях. 18. Ластоногое животное. 19. Приток Яны. 22. Травянистое растение со съедобными листьями. 23. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 24. Приспособление у автомобиля для перевозки вещей. 25. Обломочная горная порода. 26. Опера Дж. Верди. 28. Розыгрыш вещей и денежных сумм. 30. Вид живописи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

5. Топография. 8. Боксер. 9. Курс. 10. Гамбит. 11. Габбро. 13. «Фитиль». 16. Карбас. 19. «Молох». 20. Асама. 21. Магнитогорск. 22. Труба. 24. «Тоска». 26. Сказка. 29. Патока. 31. Парнас. 32. Гайдар. 33. Ваян. 34. Статор. 35. Тарантелла.

По вертикали:

1. Росарио. 2. Молекула. 3. Парусина. 4. Кирхгоф. 6. Коралл. 7. Фиалка. 12. Бахмаро. 14. Трактор. 15. Смета. 16. Конус. 17. Скопа. 18. Банан. 23. Ураган. 25. Стасов. 27. Комбинат. 28. Казначей. 30. Акробат. 31. Пастель.

На последней странице обложки: Солнечный день.

Фото И. Шагина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

— Приснится же, ей-богу... На моей лекции никто не спал!
Рисунок Д. Белова.

В НЕТОПЛЕННОМ КЛУБЕ
— Онегин-то в завклубом влепил... Стрелял замерзшими руками.
Рисунок В. Воеводина.

Неприемный день.
Рисунок В. Почечуева.

Испытание пением.
Рисунок В. Воеводина.

— Но тут же есть и шоколадка!
Рисунок Ю. Шляхова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33, Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00601. Подписано к печати 8/I 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 990 000. Изд. № 4. Заказ 3241.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663